

Алексей Баев

Метафизика Эпохи Перемен

избранные рассказы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гуманиториум.....	2
Наледь	11
Кратчайший путь в Арктику.....	18
Слансарга	22
Кошкинд.....	29
Хроника отстрела.....	35
А-цзы и дети.....	43
Ковёр	47
[интермедия) Сорт	51
Рептилия.....	52
Статист	56
Вогра	58
Осеннее обострение.....	61
Тяга.....	63
Извращенец.....	66
Лёгкая нотка ванили	69
[интермедия) Наколдуй мне вчера	72
Затмение.....	73
Ыги	77
Парамарибо, Монтевидео.....	81
Япона мать	85
Donnerwetter	88
Блажь.....	91
Культурный парадокс	94
В струю.....	99
Короче, пацаны	102
Печёночный паштет	102
К вопросу о высоте над уровнем дороги.....	106
Инструмент	109
Трубы медные (повесть).....	112

Гуманиториум

Варламовой и раньше снились дурацкие сны, но сегодняшний побил всех конкурентов в номинации «Бред года». Всё. Хватит. И так сердце не на месте.

Может? Стоит? Подумать? О другой? Работе?

Нет.

Нет?

Нет. Сейчас бросить Патча?! Ну уж...

— Нинк, ты чего вскочила ни свет, ни заря? — Лёша, посмотрев время, вернул телефон на тумбочку, сладко потянулся и отвернулся к стенке. — Ещё шести нет... Сегодня ж эта... суббота... ауы...

— Что, Лёшик? — Нина не расслышала, что прозвучало за «ауы».

Однако муж уже сладко посапывал.

Голова почти не болела, но варить кофе в турке было лень. Заряжать машину тоже. Пока закипал чайник, Варламова сыпанула в чашку две ложки молотого, кинула туда же кубик рафинада из неаккуратно порванной коробки и, не сходя с места, пошарила рукой в холодильнике. Словно фокусник, выудила на свет божий баночку обезжиренного йогурта. С отвращением взглянув на пару тощих подсохших кусков хлеба, замотанных в мятый целлофановый пакет, перевела взгляд на занавески. Хлеб выкидывать не стоит — Лёшка проснётся, есть захочет. Пусть хотя б на бутерброды ему будет. А шторы пора стирать. Срочно. Или, ещё лучше, купить другие. Новый год на носу.

Плеснув в чашечку кипятку, Нина лениво разболтала содержимое и наконец-то уселась на табурет.

Сон... Доработалась, называется. Вот к чему это?

Лабораторный любимец — условно говорящий скворец Мичурин — сидит на ветке раскидистой липы, той самой, что, должно быть, уже сто лет растёт прямо напротив балкона. И держит в зубах... тьфу ты! В клюве — конечно же, в клюве, — какие у птицы зубы?! Сигарету. Прикуренную. Но изумляет, как ни странно, совсем не это. Подумаешь, курит. Всякое, в конце концов, бывает. Интересно, как он вытащит её изо... из клюва, чтобы выпустить дым? Словно услышав Нинины мысли, Мичурин поднимает правую лапку, тянется ею за почти истлевшим хабариком, но, не удержав равновесия, тут же соскальзывает с ветки. И вполне ожидаемо шлёпается в сугроб. Дурачок...

Беспардонно прервав вялые размышления, запиликал телефон.

В четверть седьмого? Кому это я понадобилась в выходной? Да ещё в такую рань... Казаринову? Нет, не ему. Номер незнакомый.

Положив ложечку с йогуртом обратно в пластмасску, Варламова вытерла салфеткой неосторожную капельку на руке и коснулась высветившейся зеленым иконки. «Ответить».

— Алло?

— Нин Витальна?

— Угу, я... вроде, — вздохнув, кивнула хоть и нелепо искажённому, но всё ж, похоже, собственному отражению в чайнике.

— П-простите, что в такое время, — (голос испуганный, женский), — это Света, практикант.

— Доброго утра, Света-практикант. Что-то случилось? — Варламова неожиданно шумно хлопнула кофею. Чёрт! Язык обожгла...

— С-случилось, Нин Витальна, — чуть запнувшись, ответила девчонка. И тоже хлопнула. Носом. Она что, плачет?

— Свет, ну говорите уже, — встревожено потребовала Варламова. — Что там у вас?

— Евгений Ваныча на скорой у-увезли, — шмыгнув, проговорила практикантка. — Вы б не могли приехать? Я тут совсем одна. Всех обзваниваю, никто не отвечает... Вот, только вы...

— А что с Казариновым? — у Нины нехорошо засосало под ложечкой.

Шеф накануне выглядел неважно. Мягко говоря. Ещё бы, такое происшествие.

— Сказали, сердце, — ответила Света. — Я чай ему сделала, вошла в мониторную, а он... он на полу лежит... Без сознания... Хрипит только. Врач из скорой... из скорой... врач... Возможно, инфаркт. Но точный диагноз поставят только в стационаре, сказали... Приезжайте, а? Пожалуйста... Мне... мне тут как-то...

— Уже одеваюсь, — Варламова, резко поднявшись из-за стола, опрокинула чашку.

Чёрт! Чёрт!! Чёрт!!!

Горячий сладкий кофе разлился по клеёнчатой скатерти мерзкой лужей. Вот зарраза! Надо ж ещё умыться, потом макияж...

Слава Богу, до здания лабораторного комплекса, где расположен Гуманиториум, ехать не надо. Всего-то пара кварталов от дома. Иначе — труба. Минус тридцать на улице. Только двигатель прогреть четверть часа. Жуть.

«Гуманиториум» — древняя, как мир, казариновская шутка, удачно трансформировавшаяся в официальное название. Великолепно оснащённая лаборатория в здании бывшего НИКа. Полтора десятка комнат, где ведутся наблюдения за «особо продвинутыми» приматами. На первом этаже в левом крыле. Отдельный вход. Удобно. Иначе, пока доберёшься через проходную по всем коридорам, с ума сойдёшь. Комплекс огромен. Не телецентр в Останкино, конечно, но тоже впечатляет. И размерами, и кретинизмом внутренней архитектуры.

Света открыла сразу после звонка. Будто ждала прямо за дверью. Может, и ждала? А, не важно! Приснопамятный скворец Мичурин, досель дремавший на специально для него подвешенных над вахтенным столом качельках, встрепенулся, приняв грудью волну морозного воздуха.

— Здравствуйте, Светлана. Фьють, Мичурин!

— Фьють, Вар-вар-лам, — весело прокаркал птах, взмахнул крыльями и уже через секунду сидел на Нинином плече.

— А ну-к, кыш, Мича! Дай, разденусь, — Нина лёгким щелбаном по клюву согнала скворца и, стягивая с плеч дублёнку, обратилась к практикантке: — Свет, скажите, Казаринова давно увезли? И, да... Повторите, где вы его нашли? По телефону не расслышала.

— Минут сорок уже, — снова шмыгнула носом девушка. Всё никак не могла успокоиться.

— Он с вечера в дальней мониторной сидел, за серыми наблюдал.

— За серыми? — переспросила Варламова. — Так и думала.

— Что-то его сильно беспокоило...

Света отошла к столу, включила настольную лампу. Подняла журнал.

— Думала, Евгений Ваных какие-то записи оставил... Нет, не оставил... Вот, смотрите.

— Верю вам на слово, — покачала головой Нина. — Слушайте, а Патча с Джумбо вчера не расселили?

— Нет, — робко улыбнувшись, пожалала плечами практикантка. — По-моему, нет. Меня Евгений Ваных вообще просил в отсеки не соваться... А я вот... чай ему... А он... на полу... вот...

— Ладно, Света, — перебила Варламова. Она, уже в халате и туфлях, поглаживала вновь переместившегося на своё плечо Мичурина, — давайте поступим так: я сейчас схожу к серым, а вы, пожалуйста, оставайтесь здесь. На телефоне. Вдруг кто звонить будет. Во сколько, говорите, Казаринова в добром здравии в последний раз видели?

— Часов в десять.

— В десять?! А потом? — Нина в негодовании изогнула брови.

— А потом... — эхом отозвалась Света, — я... заснула. Но я ж не специально, Нин Витальна!

— Не специально она, — покачала головой Варламова. — В общем, Свет, как договорились. И больше не спать. А я пошла. Мича, кыш!

Троица «серых» — неизвестного досель вида приматов — поселилась в Гуманиториуме больше двух лет назад. Российские спасатели привезли их из западной Уганды, где в начале позапрошлого лета горели уникальные реликтовые леса на склонах массива Рувензори. Ну, наши, как обычно, спасали Всемирное наследие ЮНЕСКО и попутно выручали очередной относительно-братский народ. Возили гуманитарную помощь, эвакуировали из наиболее опасных районов население, тушили огонь. Серые — самка и двое самцов — во время очередного рейда

сами забрались в один из транспортников и наотрез отказались покидать воздушное судно даже в аэропорту Кампалы. Угандийские власти тоже отмахнулись от «каких-то там обезьян». Мол, сейчас разве до них?! О людях надо думать: где расселять, во что одевать, чем кормить, наконец. Беда. Так наши серые и оказались в Москве. То ли в качестве подарка, то ль, чтоб одной проблемой меньше. Но факт есть факт — африканцы о них за прошедшие месяцы так ни разу и не вспомнили.

Спасатели, что вполне естественно, сразу же передали бедолаг в зоопарк. Там отважных мужиков, что тоже вполне естественно, сердечно поблагодарили, а вот неожиданным гостям не просто удивились или обрадовались — не то слово! Проштудировав все известные справочники и классификаторы на всех известных же науке языках, не побрезговав от отчаяния ни википедией, ни би-би-сишным научпопом, признались в недостаточной собственной эрудиции — беспомощно развели руками. Ну, нет таких нигде! Нет, понимаете?! Новый вид. И вполне себе оригинальный. Очень похожий на шимпанзе, но всё ж иной. И ростом повыше — пусть не слишком сильно, и статью — структурой скелета — ближе, нежели все прочие, к нам, к человекам (почти) разумным. И шерсть не такая густая, да и цвета иного — пепельно-серебристая. В общем, уже не «Pan troglodytes» (шимпанзе обыкновенный), но ещё и не «Homo Sapiens» (на русский переводить?). Этаким легендарный «Homo troglodytes». Потерянное звено эволюции... Отчего бы, впрочем, и нет? Сколько в мире огромном чудес и загадок?!

Для зоопарков подобные обитатели бесценны, ясное дело. «Потерянные звенья эволюции» — они, как правило, не для всеобщего обозрения. Бананами сквозь прутья можно и обыкновенных макак кормить. Точнее, макак — гораздо забавней. Эти, в отличие от наших «иммигрантов», свысока на неразумных человеческих детёнышей не зрят и радуются подачкам вполне искренне.

Короче, так и попала странная тройца в Гуманиториум к известному на весь бионаучный мир профессору Казаринову. Более того, получила в распоряжение «апартаменты» вполне приличного уровня. All inclusive. Две комнаты, оборудованные датчиками тепла и влажности, циновками для отдыха, отхожим местом и даже бассейном, умело сооружённом в виде крохотного озера с небольшим же водопадиком на электроприводе. Плюс — трёхразовое питание, обогащённое необходимыми минералами и витаминами. Позже, когда проведённые тесты показали замечательные результаты интеллектуального развития новых постояльцев, в «апартаментах» появился и телевизор с набором музыкально-развлекательных программ. И кровать с пружинным матрасом — пусть, без постельного белья — для Патча, так старшего самца назвали. Младшие — самка Дора и мускулистый Джумбо — жёсткие циновки менять на по-человечески полноценные спальные места решительно отказались. Кстати, упомянутый Патч проявил склонность не только к комфорту, но и к прикладному творчеству. К рисованию. Получил школьный альбом и набор восковых цветных мелков.

Лаборанты меж собой шутили, что такими темпами серые через год-другой вполне себе заговорят. И столовыми приборами пользоваться начнут. Вновь прославят теорию замечательного Дарвина, ныне небезуспешно подменяемую домыслами о внеземном происхождении человеческих цивилизаций.

Шутки шутками, а Казаринов радостно потирал руки. Пусть Дора и Джумбо целыми днями торчат в бассейне или валяются на циновках перед телевизором, отвлекаясь только на кормёжку и плотские утехи, Патч продолжает удивлять. Мало того, что в койке спит, «калякалы-малякалы» в его альбомчике через несколько месяцев сменились вполне достойным «примитивизмом» — на рисунках примата можно было разобрать нечто, напоминающее геометрические фигуры, ещё чуть позже появились вполне узнаваемые очертания гор и деревьев (видать, из воспоминаний). А на прошлой неделе Евгений Иванович показал Варламовой настоящий портрет. Пусть, был тот уровня воспитанника старшей группы детского сада, но на неидеального овала лице, изображённого Патчем субъекта, отчётливо сверкали жёлтые дуги очков. Никаких сомнений.

— Это ты, Ниночка! — восторгался Казаринов. — Твоя, твоя оправа! В круглых у нас никто больше не ходит. И не возражай.

— Возможно, — пожалала тогда плечами Варламова.

Но в душе твёрдо осознала: Евгений Иванович прав. Её портрет. Её. Нины Варламовой. Ай-да Патч!

Вообще, Варламовой было безумно интересно проводить время с этими странными созданиями, гораздо меньше похожими на других обитателей лаборатории — горилл, орангутанов и шимпанзе, — нежели на её сотрудинок.

К слову, те самые сотрудники Гуманиториума выполняли исключительно свои обязанности: вели наблюдения, проводили тесты, следили за здоровьем своих питомцев, за их рационом. Писали диссертации. В общем, все делали научную карьеру, в тайне (а порой и без стеснения, вслух) мечтая когда-нибудь занять место Казаринова. Точнее, два места — на университетской кафедре и здесь, в исследовательском комплексе. Что ж, людей можно понять. В конце концов, нет предела совершенству, не так ли?

Одна лишь Варламова ни на что особо не претендовала. Значась в дипломе о первом высшем «преподавателем истории и обществоведения», она в начале девяностых, когда с оплачиваемой работой был серьёзный напряг, устроилась в БиоНИК. В хозяйственную службу. Как раз в то самое подразделение, что обеспечивало всем необходимым в том числе и Гуманиториум Казаринова. Много позже, лет через десять, не слишком общительный Евгений Иванович, отчего-то привязавшийся к обязательному завхозу, буквально вынудил Нину поступить к себе на биофак, пусть и на заочку. Чтоб соответствовать профилю и не попасть под сокращение. Опасения на то были. Лабораторное здание неожиданно для всех выкупила у РАН вполне прагматичная холдинговая компания, решившая заняться модными ныне фармразработками и производством лекарств. «Зверский дом», как называли научно-исследовательский комплекс в народе, начал активно перестраиваться. Сначала пропали уникальные виды пернатых, которыми был заселён весь верхний, оборудованный стеклянной крышей, этаж. Потом в сводчатых цокольных помещениях начали «растворяться» в быстро высыхающих аквариумах и бассейнах чудесные глубоководные рыбы и невиданные морские чудовища. Ещё через некоторое время разъехались по зоопаркам все прочие пресмыкающиеся, земноводные и млекопитающие. Кроме стремительно размножающихся колоний белых крыс и флегматичных кроликов, чьи организмы так необходимых прикладной науке.

Но фундаментальный Гуманиториум удалось сохранить. Каким-то невероятным чудом. И, несмотря на времена, всё ещё веским словом Евгения Ивановича Казаринова, что публично пообещал начинающим фармакологам мировую славу жестокосердных неучей и недалёковидных разорителей...

Впрочем, о том, «как, за что и почему», с темой повествования напрямую не связано.

Посему вернёмся обратно.

Да, так получилось, что Нину всё ж из развалившегося НИКа сократили. Но Казаринов, памятуя о своём обещании, из лаборатории её не отпустил. Устроил младшим научным сотрудником, сохранив обязанности снабженца. Правда, теперь Варламовой никто не запрещал входить в помещения, где содержались приматы. И это Нину радовало больше всего.

Гуманиториум создавался в советские времена как лаборатория, изучающая — ни больше, ни меньше — происхождение человека. Да, да, от обезьяны. Успехи, несомненно, были. Но до появления здесь серых, все прошлые достижения, в отличие от вполне осязаемых госпремий и грантов, можно было отнести к разряду гипотетических. Высшие приматы — изучай их, обучай, создавай им различные условия содержания — ни малейших признаков «чисто человеческого» поведения не проявляли. Инстинкты упорно продолжали доминировать над разумом.

С началом же наблюдений за Патчем, Дорой и Джумбо ситуация кардинально изменилась. Приматы — а то, что среди питомцев казариновской команды теперь оказались неизвестные ранее, но всё ж обезьяны, никто не сомневался — эволюционировали. Простите за громкое и не совсем верное слово. Не эволюционировали, конечно. Но. Они прекрасно обучались и серьёзно развивались. В полном соответствии с теми, естественно, условиями, в которые были помещены.

Данные серых (увы, видовое имя им так и не придумали) впечатляли и изначально. Объём головного мозга около девятисот кубических сантиметров — почти в три раза больше, чем у шимпанзе. Генетическая база совпадает с человеческой на девяносто девять и две десятых процента. «Офонареть...», — только и смог вымолвить Евгений Иванович, увидев результаты первых тестов. И немедленно взял подписку со всех причастных сотрудников: информация никоим образом не должна была покинуть стен Гуманиториума до полного окончания исследований и официальной публикации отчёта. «Это, друзья мои, не просто сенсация. Гарантированная Нобелевка. Бомба!»

Да, Нине было безумно интересно проводить время с этими странными созданиями. Ну, если быть до конца откровенной, не с тремя. Только с одним. С Патчем.

Миниатюрная кокетливая (если только возможно применить сей эпитет к обезьяне) Дора и долговязый — под метр восемьдесят — Джумбо всем своим образом жизни отдалённо

напоминали героев туповатых телесериалов о жизни обеспеченных бездельников. Побрей им морды, сделай пластические операции, заставь одеться — и будет не отличить от каких-нибудь дона Альвареса и сеньоры Гутиэррес. Знай, целыми днями в бассейне плещутся, в телевизор пялятся, орехи лузгают, сплёвывая скорлупу прямо на пол, да (пардон) совокупаются в любых местах, не обращая ровно никакого внимания ни на сотрудников, временами присутствующих в «апартаментах», ни на на Патча. В общем, ведут себя, как животные. Впрочем, а кто они, если вспомнить? Животные и есть. Приматы. Даром, что высшие.

Другое дело — Патч. О его художественных способностях уже упоминалось. А ещё...

Нина, несмотря на свои годы — продолжающиеся второе десятилетие «чуток за тридцать» — выглядела гораздо моложе своих лет. Как говорится, маленькая собачка до старости щенок. Единственное, что могло испортить её не лишённое привлекательности лицо — очки. Но это случилось бы в прошлом, когда страшные минус девять обрекали хозяина на постоянную носку массивной роговой оправы — другая просто не выдержала б веса толстых стёкол. Продвинутые ж «нулевые» решили проблему легко и элегантно. Даже если отказаться от контактных линз, невесомый оптический пластик в тоненькой модной оправе просто не мог испортить внешность ни в каком другом случае, кроме полного отсутствия вкуса. Вкус у Варламовой был. Что называется, врождённый. Но — остаточное явление детства и юности, нашпигованных презрительными усмешками — раскрепощённой особой Нину назвать никто б не осмелился. Видимо по причине внутренней скованности и замуж она вышла слишком поздно. Рожать не захотела. Испугалась собственного возраста. Или перегорела. Если б муж настоял, Нина конечно б решилась. Но в том то и дело, что Лёша не настаивал. В его первой семье дети были. Два великовозрастных балбеса студиозуса...

В общем, что там, да как — не со стороны судить. Много нюансов, разбирать которые — только время тратить. Да и незачем в личную жизнь нос совать глубже позволенного элементарными приличиями. Уж коль речь пошла о серых, пусть о них и продолжается.

С Патчем было действительно интересно. Если сотрудники Гуманиториума, не исключая и самого Евгения Ивановича, относились к нему как простому объекту исследования, то Нина видела в этом странном примате... личность? Пожалуй. Как бы неожиданно это ни звучало.

Началось всё с того — это произошло ещё в первые недели пребывания серых в лаборатории, — что Патч затребовал себе одежду. Случилось это так.

Утром после кормежки, когда в «апартаменты» для уборки вошла Нина — было её дежурство, — Патч забился в угол и прикрыл скрещёнными ладошками... Ну, вы понимаете. Застеснялся? Хм... Варламова среагировала неожиданно. Она, оставив метёлку у стены, вышла и вернулась через минуту в сопровождении Казаринова. И с чистым халатом, захваченным в кладовой. Примат повёл себя в высшей степени по-человечески. Взяв протянутую ему одежду одной рукой и продолжая прикрывать причинное место другой, он негрубо, но очень настойчиво начал подталкивать женщину к выходу. Плечом. Евгения Ивановича не тронул. Гендерная идентификация? Скорее всего. Но и ещё кое-что. Некто ж должен был помочь облачиться в униформу, не так ли?

Нет, оставаясь в помещении со своими сородичами, Патч вновь раздевался. Видать, халат он всё-таки недолюбливал. Тот сковывал движения, ясное дело. Но с тех пор в Гуманиториуме вошло в привычку стучаться перед входом к серым. И входить только после пронзительного крика, извещающего о разрешении. Казаринов, да и другие сотрудники, глядя в монитор, как Патч реагирует на стук — бросается к кровати, на которой лежит халат и неуклюже его натягивает на свои широкие плечи, — только дивились. Смеялись, видя, как пытается застегнуться, как у него ничего не получается — из толстых пальцев гладкие пуговицы постоянно выскальзывают, в отчаянье машет рукой, запахивается и только после этого кричит в направлении двери, позволяя войти. Не смешно было только Варламовой.

— Изверги, — только и произнесла она, увидев однажды на экране мучения бедного примата.

— А послушайте-ка, Ниночка, — обратился к ней тогда Казаринов, — вы ведь у нас теперь полноправный научный сотрудник. Так?

Нина, отчего-то смутившись, нерешительно кивнула.

— Вот вам и карты в руки, — улыбнувшись, ответил Евгений Иванович. — В конце концов, это ж вы принесли Патчу халат и тем самым обрекли его на перманентную пытку. Предложите что-нибудь другое, чтобы избавить товарища от мук...

На следующий день Патч щеголял в новых пижамных штанах. Во фланелевых. На резинке. Сшитых Ниной пусть без мерки, на глазок, но старательно и очень аккуратно. Джумбо с Дорой смотрели на сородича, как на идиота. Впрочем, тот на них особо внимания не обращал и выглядел по-настоящему довольным...

Ещё через год на весь Гуманиториум прогремела другая сенсация.

К этому времени к штанам Патча все уже более-менее попривыкли и посмеиваться перестали.

Нина, которая в тот памятный день дежурила на раздаче корма, заметила, что её любимец какой-то слишком уж печальный. И голодный, что ещё хуже. Меж тем в тазике с гречневой кашей и курицей — любимым лакомством серых — еды ровно на одного. Абсолютно довольные жизнью Дора с Джумбой уже валяются перед телевизором, вытирая жирные руки о собственные мохнатые животы.

— Что это такое?! — строго произнесла Варламова, обращаясь к Патчу. — Уж не заболел ли ты, дружок?

Тот, словно поняв, о чём его спрашивают, быстро замотал головой из стороны в сторону. А потом сиганул стремглав под кровать и вынырнул уже со своим альбомчиком для рисования. С шумом пролистнув несколько исчерканных страниц, он остановился на одной и протянул альбом Нине. Там, что естественно, был рисунок. Не совсем обычный. Никаких цветных каракулей. Только большой неровный круг, нарисованный безотрывной чёрной линией, и кружок маленький. С торчащей из него палочкой.

— И? Объяснитесь, юноша, — потребовала Варламова и в удивлении уставилась на Патча.

Тот, изобразив красноречивыми жестами, объяснился более чем доступно.

Так в «апартаментах» появились столик, стул, а также миска, в которой теперь подавали еду умному примату. Ну и ложка, естественно. На обучение пользоваться ею ушла целая неделя. Однако результат того стоил.

Нина не могла понять, откуда Патч вообще узнал про столовые приборы, но Казаринов лишь пожал плечами.

— По телевизору увидел. Это ж элементарно, Ниночка. Не заметили, какой он у нас наблюдательный? Вовсе не удивлюсь, если этот субъект через месяц перестанет пить воду из бассейна и потребует кружку.

Ровно через месяц и потребовал. Настойчиво. Кружку. Профессор, как и обещал, совсем не удивился...

На исходе второго года пребывания серых в Гуманиториуме ситуация в «апартаментах» переменилась. Родила Дора. От Джумбо, естественно. Патч к самке вообще старался не прикасаться. То ли не испытывал интереса, то ли брезговал, но, скорее всего, просто не имел желания. Проведённые тесты показали, что возраста он уже более чем солидного. Для обезьян, естественно. За сорок.

Получалось, что они с Варламовой практически ровесники. Ох и наслушалась тогда шуток Нина от Евгения Ивановича. Впрочем, шуток беззлобных. На такие обижаются лишь глупцы.

Гораздо хуже, что Джумбо стал совсем неадекватным и практически неуправляемым. Это всех лабораторных сильно беспокоило. А как же иначе? Сначала в приступе ревности чуть малыша не придушил (Доре, оказавшейся на удивление замечательной матерью, было сейчас совсем не до плотских утех), потом пытался приставать к Патчу, но, получив жесточайший отпор, переключился обратно на «семью». Терроризировал несчастную Дору с такой силой, что пришлось в срочном порядке переводить самку с детёнышем в отдельное помещение.

Джумбо рвал и метал. Пытался даже любимый телевизор расколотшатить стулом Патча. Не получилось — надёжное пуленепробиваемое стекло, защищавшее экран, могло выдержать и не такую агрессию. К самому Патчу тоже «на пьяной козе» не подъехать. Пусть и был Джумбо почти на голову выше сородича, но поставленный удар старшего «товарища» (вопрос — где и кем? ещё в природных условиях, когда приходилось ежедневно бороться за жизнь?) отрезвлял буяна мгновенно.

Недели через две после отселения Доры Джумбо впал в состояние апатии. Мог сутками напролёт сидеть перед телевизором или в бассейне. Почти ничего не ел. Так, прикасался к пище лишь раз в день. Должно быть, чтоб не умереть с голоду. И вновь возвращался в сомнамбулическое состояние.

Казаринов беспокоился. Просил Варламову поговорить с Патчем, чтоб тот как-то повлиял, что ли? И ничего смешного тут нет. Нина действительно с ним общалась. Постоянно. Давно. Практически с самого появления серых. Рассказывала какие-то истории из жизни, делилась впечатлениями от книг, фильмов... Патч слушал. Внимательно. Иногда гримасничал — улыбался или печалился, иногда одобрительно кивал головой, а порой и отрицательно покачивал. Со стороны казалось, что он всё понимает. Только сама Нина вопреки насмешкам скептиков искренне верила, что так оно и есть. Естественно, понимает. Ну и Казаринов со временем проникся. Тоже поверил? А кто его знает? Возможно. Только виду старался не показывать. Статус не позволял, ясное дело.

Ну, Нина и поговорила. Что с неё, убудет?

На следующий день Джумбо получил место за столом Патча. И собственные миску с ложкой. Не в обиду наставнику, но орудовать столовым прибором он научился гораздо быстрее. Всего за день. А вот от штанов отказался. И от мелков с альбомом тоже. Зато проявил интерес к боевым единоборствам. Кто-то из практикантов однажды случайно переключил телевизор в «апартаментах» с музыкального канала на спортивный, по которому как раз шли бои без правил. Казаринов, узнав об этом, пришёл в негодование, но ликвидировать прокол, увы, уже не смог: Джумбо начинал пронзительно выть и бить по циновке рукой, если видел на экране что-то другое...

Накануне вечером Варламова проводила с Патчем «занятие по этикету». Учила пользоваться ножом и вилкой. Джумбо самозабвенно скакал перед экраном, пытаясь повторить движения спортсменов, от души метелящих друг друга перед телекамерами. Патч сосредоточенно мычал и скрипел зубами, воткнув вилку в антрекот. Пытался отрезать от него кусочек прилично-допустимого размера. Располовинить мясо уже получалось неплохо, но вот отделять тонкие пластины пока не удавалось. Впрочем, Патч — терпеливый ученик, всё у него обязательно...

Неожиданно Нина почувствовала сильную боль — кто-то ухватил её за волосы и рванул из-за стола. В глазах потемнело. Потеряла сознание. Но перед тем ощутила, что волосы её освободились и услышала истошный крик...

Пришла в себя в мониторинной, лёжа на диванчике. Рядом на табурете сидел Казаринов.

— Очнулись, Ниночка? Слава Богу, — с облегчением выдохнул профессор. Через несколько секунд заговорил вновь. Но не с Ниной. Будто б сам с собою, тихо и невнятно: — Ох, как это всё неприятно. Нда... Что нам теперь делать? Не понимаю... Если Джумбо сошёл с ума, Дору с малышом возвращать к нему никак нельзя... Патч... Их надо как-то...

— Что произошло, Евгений Ваныч? Что это было? — Нина с трудом приняла вертикальное положение. Голова раскалывалась.

— А? Что? А-а... Джумбо на вас напал... Если б не Патч... Я даже представить боюсь, что б с вами могло случиться... Нет, всё же они — обычные животные... Да, очень умные и способные к развитию через познание, но о недостающем звене эволюции придётся забыть... Ах, как жалко, Ниночка... Как жалко... Анальгину выпьете?

— Анальгину? — нет, она ещё туго соображала. — Джумбо сошёл с ума? Напал?

— Напал, — кивнул Казаринов. — Да, да, именно напал. Он видит в вас, понимаете ли, обычную самку... простите. Никакого пиетета... Животное. Если б не Патч, даже... Вы б отправлялись, Нина, домой. Давайте вызовем такси? Я сегодня сам за вас подежурю. Кого-нибудь из стажёров попрошу остаться. Девочка там у них есть, тёмненькая такая, с короткой стрижкой, смышлёная... Как её?

— Света?

— Да, да, Света... Её и попрошу, если не ушла ещё. А Патча сегодня же вечером переведу в четвёртую. Она ведь у нас свободна?

В четвёртой комнате неделю назад умер старейший обитатель Гуманиториума — орангутан Геркулес.

— Свободна, Евгений Ваныч... И всё-таки... Что там произошло?

— Идите, Нина, идите... если чувствуете, что можете идти, — проговорил Казаринов, тяжело поднимаясь с табурета. — Вы и так сегодня... Да и некогда, простите великодушно. В понедельник поговорим. Или завтра, если хотите. Хорошо?

— Хорошо, Евгений Ваньч, — Варламова, собравшись с силами, поднялась с диванчика, потрясла головой — больно конечно, но терпимо — и пошла к выходу в коридор. Вдруг вспомнив нечто важное, остановилась у двери, обернулась. — Профессор, у них посуду б надо убрать. Там, кроме тарелок, вил...

— Что? — не дав договорить, повернулся к ней Казаринов. Выглядел он совершенно потерянным. — Посуду? Да, да, уберём... Идите, Нина, идите... Свете скажите... или, если ушла, ещё кому...

И вот уже утро. Полное нехороших и тягостных предчувствий. Ещё сон этот идиотский...

Варламова прошла через пост наблюдения — мониторинговую — к двери, ведущей в «апартаменты». Взялась за ручку, подёргала. Закрыто? Странно. Задвижка-то в «зелёном» положении. Изнутри заперлись? Но как такое возможно? Чертовщина, право слово...

Нина отошла к столу, уселась в кресло и подвигала джойстиком. Огромный монитор с изображением, разбитым на двенадцать секторов — по количеству камер, моргнул и ожил. Никакого движения...

Так, а это что?

Четвёртая камера направлена на входную дверь. Что??? Стул? Они зафиксировали дверь, вставив ножку стула в дверную ручку? Ну, вообще! А ещё говорит — не потерянное звено... Эй, сами-то где спрятались? Ага, один, кажется, есть. Восьмой сектор. Без штанов. Значит, Джумбо. Но какого лешего, простите, он дрыхнет на голом полу возле бассейна? И поза какая-то странная... рука в воде... Боже, что это?! Ох ты...

Из кармана запиликало. Телефон. Евгений Ваньч? Ну, слава Богу!

— Нина Витальевна Варламова? — голос, говоривший в микрофон казариновского аппарата был не знаком.

— Да. Кто это? Вы звоните с теле... — Нина не договорила.

Её перебили:

— Доктор Жуков, кардиология. Нина Витальевна, соболезную, но профессор Казаринов несколько минут назад скончался.

— Что?

— Евгений Иванович умер, Нина Витальевна. Вы... вы меня слушаете? Он...

Надо...

Надо взять себя в руки. Закрой глаза и дыши. Глубоко. Выдыхай. Мееедленно.

Раз — два-а... Раз — два-а...

— Нина Витальевна, вы...

— Да. Извините, пожалуйста. Просто...

— Понимаю. Вы... вы сейчас в состоянии говорить? Или, может, созвонимся попозже?

— Я в состоянии, — Варламова старалась говорить спокойно. Пока получалось. — Но почему вы звоните мне?

— Такая штука... — доктор сделал небольшую паузу. — Такая, понимаете... В общем, Нина Витальевна, Казаринов попросил... Профессор перед смертью ненадолго пришёл в себя и единственное, что он попросил, это позвонить вам и передать... Вы меня слушаете?

— Да, да, я вас внимательно слушаю. Что он просил передать? Доктор?

— Секундочку... Он сказал дословно: «Патч не имеет к этому отношения. Это сделал я. А компьютер дал сбой. Записи нет»... Нина Витальевна, вы что-нибудь поняли?

Взгляд остановился на стакане с остывшим чаем. На том самом, что засоня практикантка принесла профессору ранним утром. Теперь ему — чёртову чаю — один путь. В канализацию...

«...а компьютер дал сбой. Записи нет...»

Один? Один путь? Э, братцы! Мы ещё повоюем...

— Нина Витальевна! Алло!

Ох, зараза! Врач же на линии.

— Нина Ви...

— Да, доктор. Простите, мысли... Я всё прекрасно поняла... Всё. Спасибо вам. Родственникам мы сами сообщим. Вы только, если кто-нибудь спросит, подтвердите, пожалуйста, последние слова профессора. Хорошо?

— Естественно, Нина Витальевна. Если вы разрешаете. А то этика, понимаете ли...

Патч открыл не сразу. Минут через пять. И только тогда, когда Варламова перестала стучать, назвалась и попросила: «Патч, это я, Нина. Открой, пожалуйста. Ну, Патч!»

Он стоял перед дверью с опущенной головой. Весь в крови. В разорванных, потерявших привычные цвета, фланелевых штанах. Одной рукой держался за бок. Так, словно у него переломаны рёбра. В другой, опущенной и подрагивающей с частотой нервных импульсов, сжимал измятый альбом. Нина заметила, что тот раскрыт на страничке с... её портретом?

Да. Нет сомнений. Именно с её.

— Пойдём-ка, дружок, в другую комнату. Тебя надо осмотреть... а здесь прибраться. Пойдём?

Патч поднял голову и пристально посмотрел Варламовой в глаза. Потом протянул ей альбом, и, когда Нина взяла, кивнул. В сторону мёртвого Джумбо, лежащего возле бассейна с сервировочным ножом в глазнице, она старалась не смотреть...

* * *

Несмотря на субботу, Гуманиториум кишит народом. Приехали, кажется, все.

Ещё бы!

В то, что умер профессор Казаринов, убив перед собственной смертью одного из своих питомцев — Джумбо — верится с трудом. Даже если Евгений Иванович и впал в какой-то дичайший приступ неконтролируемой ярости, чего с ним никогда не случалось, то вонзить нож не в сердце, не в шею, не в живот... Впрочем, документально подтвердить или опровергнуть факт теперь всё равно практически невозможно. Какой-то олух пролил сладкий чай на внешний диск. На тот самый, на который велись записи наблюдения. Алексей Варламов — экстра-профессионал и одновременно шеф айтишного отдела исследовательского фармкомплекса — говорит, что займётся проблемой лично. И, вероятно, он сможет восстановить кое-какие моменты. Но гарантий — вот засада — не даёт.

Все суетятся, бегают туда-сюда, создавая броуновское движение тел в белых халатах.

Одна только Нина сидит за дежурным столом возле входа, покачивает на трапедии довольного Мичурина, что-то ему говорит. Какую-то ерунду. Вот, послушайте:

— Эх, Мича... Сейчас бы курнуть. После всего-то, а? Жаль, давно бросила. Вон, даже спички какой-то садюга оставил, — на столе возле альбома с её портретом работы мастера Патча лежит пошарканный коробок. — Они издеваются, да? Про сигаретку-то забыли... И стрельнуть не у кого. Вот ведь зараза, нынче все некурящие... Слушай, Мичурин! А у тебя, случаем, нет? Сигареты?

— Вар-вар-лам, — отвечает умный скворец и вдруг, шумно расправив крылья, взлетает к самому потолку. Оттуда планирует на шкаф, шуршит чем-то, должно быть, роется клювом в припрятанных «сокровищах». Наконец, появляется на краю с зажатой в зубах... Тьфу ты! В клюве... Конечно же, в клюве! Ну, какие у птиц зубы?!

Мятая сигарка, принесённая Нине умницей Мичуриным, лежит на столе рядом с коробком. Но желание курить пропало.

Хочется домой. На машине. Пешком дико холодно. Минус тридцать.

Хочется домой. Очень. С Лёшкой и с Патчем.

Которые, слава Богу, есть.

Да. Есть.

И с Евгений Ваньчем.

Которого, к сожалению, уже нет.

Нет...

Такой вот гуманитарииум.

Наледь

(из дневника реаниматолога)

8 июля

Мысли, мысли, мысли... Они постоянно роятся в моей голове, вызывая чувства и эмоции, окрашиваясь попеременно то в светлые тона, то в тёмные, играют оттенками и нюансами, лучатся светом, погружают во мрак. Или летят неизвестно куда, только дай слабинку, доставь им ничтожный шанс обрести волю...

Ох уж мне эти стереотипы.

Ну почему, скажите, если кто грубо сквернословит, он обязательно «матерится, как сапожник»? Вы речь... ну, например, кровельщиков слышали? Или грузчиков? Или тех же менеджеров в курилке? Отчего, если зол человек, то непременно «как собака», а хитёр «как лиса»? Дома у меня живёт милейшее и совершенно бесхитростное четвероногое создание обычной для улиц породы «полутакс». По имени Лисицын. Нет, ясное дело, не по имени, конечно, а по кличке. Хоть раз бы на кого, собака, рыкнул или недобро тьякнул. У самого зла порой не хватает, когда вижу, как мой Лисицын облизывает физиономию моей же теще, старухе склочной и зловредной. И за что, спрашивается? За колбасу? За косточку? В том-то всё и дело, что не за лакомства свои собачьи, не за гастрономические радости, а просто так, от искренней своей любви ко всему живому. Сволочь ласковая!

Впрочем, мысли мои сегодня не о том Лисицыне, а о совсем другом, в честь которого добрейший полутакс, подобранный на улице в нежном возрасте, и был назван. О старом моём знакомом — о Гоше.

Этот самый Гоша Лисицын, интеллигентный человек, пусть простоватый и немного застенчивый, обладатель густой рыжей шевелюры и совершенно альтруистического характера имени матери Терезы, работает сапожником. Арендует малюсенькую — полтора на полтора — комнатку, спрятавшуюся под дальней левой лестницей огромного торгового комплекса, возведённого некими уникальными градостроителями на месте уникального же старинного квартала позапрошлого века, некогда украшавшего совсем неинтересный ныне центр.

Клиентов у Гоши не очень-то много. В основном, старые, такие же, как и я, знакомцы, что не могут до сих пор привыкнуть с появлением трещинки на подошве тут же нести любимые боты на помойку. Сколько лет прошло, а не выветрились у нас из головы воспоминания об очередях за чехословацкими туфлями или за югославскими сапогами по записи в профкоме. Может наш сапожник, если возникнет в том надобность, не только профилактику поставить, набойку на каблучок или хитрую противугололёдную подковку с шипчиками, но и подошву поменять, валенки подшить и даже прохудившиеся резиновые сапоги хитрой заплаткой-аппликацией украсить. Знает всех нас, постоянных, не только в лицо и по фамилии, заносимой неизменным, предварительно послонявленным химическим карандашом, в журнал, но и по имени (старших — по имени-отчеству). Для каждого у Гоши припасена улыбка, доброе слово, свежий анекдот без клубничного привкуса, а если придёте вы с малолетним дитём своим или внуком, то для чада и карамельная конфета «Гусиные лапки» в аппетитно шуршащей слюдяной обёртке наверняка отыщется...

Гоша появился в нашем городе чуть меньше двадцати лет назад — восемнадцать или девятнадцать. Точно не помню. Но дело было летом, в середине июля.

Я, дипломированный врач-реаниматолог, тогда уже работал в городской больнице, заведовал отделением интенсивной терапии, распределившись туда в начале восьмидесятых после окончания мединститута и прохождения интернатуры. Обычная, казалось бы, профессия. Вполне мирная и в перечне медицинских специализаций особо ничем не примечательная.

Так вот... В то время далеко на юге, в горах, шла война. Да, да, та самая, которую ныне называют первой чеченской или вооружённым конфликтом на Северном Кавказе. Не знаю, чем и кто принял такое нелепое решение, но в наш городок, отстоящий от зоны боевых действий на

добрую тысячу вёрст, постоянно привозили раненных и покалеченных бойцов. Нет, «серьёзных» почти не было — тех прямо с передовой авиацией переправляли либо в Ростов, который, к слову, гораздо ближе к Кавказу, либо, в особо тяжёлых случаях, в столицу. К нам же поступали, в основном, с лёгкими пулевыми, с контузиями и переломами. «Подранки», одним словом, как мы их меж собой называли.

Случалось, правда, что военмеды торопились с диагнозом, и у нас оказывались практически приговорённые. Но разве можно наших коллег за это винить? С их-то бессонными сутками и нагрузкой, превышающей все мыслимые пределы. Впрочем, я не общественный деятель и не политик, чтоб взывать к совести и читать нотации.

Лисицын как раз и оказался из таких «ошибочных». После очередной заварушки — об этом я узнал много позже — санитары каким-то чудом заметили макушку, торчащую из сугроба, и откопали паренька. Живого. Но в бессознательном состоянии. Был тот не так, чтоб очень, но обмороженным. Плюс — ранение в голень. Как водится, аккуратно переложили на носилки и в полевой госпиталь. Там тоже беглый осмотр провели, промедолом укололи, временную перевязку сделали и к нам на самолёте. Им бы удивиться, что бедолага даже не стонет в беспомощности, внимание обратить на пониженную температуру тела, полный осмотр сделать. Да кто разбираться станет, когда ежедневно такой наплыв пациентов, что только и успевай рассортировывать?!

В общем, только через сутки оказался Гоша у нас. Игорь Иванович, наш ведущий нейрохирург, мужик дотошный и обстоятельный, волею случая оказавшийся в те сутки на дежурстве в приёмном покое, и заметил при осмотре аномалию. Небольшое отверстие в затылочной части черепа. Почти бескровное, а потому практически незаметное под отросшими волосами. Сам тотчас и операцию провёл, прекрасно понимая, что переправлять такого пациента «по инстанции» может обойтись слишком дорого.

— Слушай, Андрей, ты, пожалуйста, к этому пацану будь повнимательней, хорошо? К Лисицыну, — мы с хирургом курили на лестничной клетке.

— Что-то не так, Игорь Иваныч? — я сделал очередную затяжку и пристально посмотрел ему в глаза.

— Андрюх, чертовщина с ним какая-то... Нет, операция прошла нормально, дырку я от костных осколков вычистил. Пули там не было. Да и не похожа рана на огнестрел. Как от заточки. Или... Знаешь, однажды мужика оперировал, которому с крыши на голову сосулька упала, пробила череп. Так, очень, я тебе скажу... Впрочем, не стану. Домыслы. А по нашему делу я так думаю — серьёзных повреждений мозга быть не должно. Может, разве, амнезия временная возникнет или нарушение речи... но это не страшно. Бог даст, восстановится. Меня другое волнует — слишком уж он холодный. Словно неживой давно. Как труп, понимаешь? Тьфу-тьфу-тьфу, — хирург поплевал через левое плечо и постучал костяшками пальцев по облупившемуся подоконнику.

— А поподробней, Игорь Иваныч, — я, честно говоря, не очень понимал, о чём он говорит.

Хирург затушил окурок о плевательницу, служившую пепельницей и, вытащив из кармана халата портсигар, достал новую сигарету. Прикурил.

— Андрей, я не знаю, что это, — он в задумчивости выпустил облачко дыма. — Сестра измеряла температуру до операции и после. На градуснике шкала начинается с тридцати четырёх... так вот... ртуть не подымается... И на ощупь он... — Игорь Иванович потрогал пальцами отключённый радиатор под окном, — точно такой же... Если не холоднее... Бррр...

Его передёрнуло. Я на автомате потянулся к батарее. Холодная.

— Правда что ли?

— Ты думаешь, я с тобой тут шуточки шучу? Прости, Андрюха, как-то совсем не до веселья. В общем, глаз да глаз за ним, договорились? Если что, вызывай, будем разбираться вместе. А сейчас... Сейчас мне пора в приёмный.

Игорь Иванович бросил незатушенную сигарету в плевательницу и, махнув рукой, пошёл вниз по лесенке. Я, докурив, вернулся в отделение.

Зайдя в палату, где под капельницей лежал новенький, я, ещё не прикоснувшись к нему, понял, что Игорь Иванович душой не покривил. Что-то тут было не так. В помещении чувствовалась для времени года непривычная, мягко говоря, прохлада. Словно кондиционер работал на полную мощность. Но какие у нас, в простой провинциальной больничке, кондиционеры?!

— Андрей Ильич, — сестра при моём появлении вышла из процедурной, примыкавшей к палате, — он вообще жив?

— А что такое? — ответил я вопросом на вопрос.

— Да так, — пожалала она плечами, — холодный, как из мертвецкой.

— Дышит?

— Да дышит вроде, — неуверенно пожав плечами, ответила сестра.

Я подошёл к кровати и, потрогав пациента, не пришедшему в сознание, лоб, рефлексивно отдернул руку. Бррр... Теперь и меня передёрнуло. Ужас! Словно лёд... Мистика какая-то.

— Пульс посчитайте, давление измерьте. И температуру, — велел я. — Если не подойдёт обычный градусник, снимите с окна уличный. Только промойте хорошо и спиртом протрите. Будем думать, что с ним делать. Нда-а...

Пока медсестра выполняла мои указания, я достал из кладовой пару масляных обогревателей, которые мы включали зимой во время особенно сильных холодов, и подключил один к электросети. Немного подумав, врубил и второй. На полную. Минут через пять стало теплее.

— Андрей Ильич, пульс — двадцать пять, давление — пятьдесят на тридцать, — подошла к моему столу сестра, — да и температура...

— Что — температура? Не тяните.

— Два градуса...

Я поднял на неё глаза и заметил, как у девчонки нервно дергается веко. Верить собственному слуху мой мозг решительно отказывался.

— Сколько? — переспросил я.

— Д-два, — заикнувшись, повторила медсестра. — М-минус.

Я сжал кисти рук так, что побелели костяшки. Минус два! Да этого просто быть не может! Бред! Он же в сосульку с такой температурой должен превратиться... а кровь? Кровь, судя по пульсу и давлению, циркулирует. Действительно, прав Игорь Иванович — чертовщина какая-то.

— Так, знаете что?! — обратился я к сестре.

— Что, Андрей Ильич?

Я достал из кармана бумажник и положил его на стол.

— Сходите-ка в аптеку, я там вчера новое чудо техники видел — электронные термометры. Купите один. Нет, лучше два. Мало ли... Понимаю, что дорого. Но надо. Не экономьте, договорились? Берите самые надёжные и качественные.

— Ладно, Андрей Ильич, — сестра, кивнув, взяла кошелёк, — что-то ещё?

— Да, кое-что, — мне в голову неожиданно пришла сумасшедшая идея. — На обратном пути заскочите, пожалуйста, в ЛОР, у них должен быть раствор хлористого кальция. Возьмите банку. Нет, тоже две. Чтоб не бегать лишний раз. Вдруг, поможет. А?

— Горячими хотите проколоть?

— Посмотрим, — туманно ответил я. — Всё, идите. А я пока кровь на повторный анализ возьму. Не дай Бог, аллергия на препараты...

Горячие помогли. Вкупе с другими процедурами. Хоть и не сразу. Сказать, что мы с Гошей намучились — ничего не сказать. Полторы недели сутки напролёт с ним рядом находился кто-то из врачей или младшего медперсонала. Кроме уколов делали разогревающие растирания, обкладывали тёплыми грелками, поили через трубочку разогретым куриным бульоном, что специально варила моя жена. Я и сам пять суток не выходил с работы. Да и заснуть больше чем на пару часов не мог. В конце концов, наши старания дали результат.

Однажды вечером, решив не беспокоить уставшую медсестру, прикорнувшую на кушетке в процедурной, я поменял Лисицыну в капельнице банку с физраствором и уселся за стол заполнять журнал. Гоша к тому времени хоть в сознание и не пришёл, но практически «оттаял». Давление поднялось, пульс участился. Да и температура тела стабилизировалась на тридцати двух градусах, поэтому инъекции хлористого кальция и грелки мы решили отменить, оставив лишь разогревающий массаж. Радиаторы тоже убрали — в помещении вновь воцарился привычный климат.

Для тех, кто ни разу не бывал в отделении интенсивной терапии или, попросту, в реанимации, дам небольшое разъяснение, как там всё выглядит. Привычных палат нет. Есть галерея комнат, отделённых одна от другой стеклянными перегородками. В первой стол дежурного доктора, который таким образом видит всё происходящее собственными глазами. В последней — процедурная. На самом деле, процедурной как таковой она не является, это, скорее, склад медикаментов, расходников и комната отдыха медсестёр. А все необходимые

реанимационные действия проходят непосредственно в палатах, оборудованных необходимыми приборами. Что поделатъ — специфика. Всего отсеков для больных у нас пять, на два койко-места каждый. Обычно все они заняты — площадей хронически не хватает. Летом, правда, посвободней. Люди в отпусках предпочитают не болеть. В то ж самое время, когда в больнице появился Лисицын — удивительное дело — у нас кроме него вообще никого не было. Ну не чудо?

Так вот, Гоша, что вполне естественно, лежал в первом отсеке-аквариуме. То есть, прямо передо мной. Отделённый лишь парой метров пространства и стеклянной стенкой. Дверь между дежуркой и палатой была открыта. Как я ничего не увидел и не услышал, до сих пор не укладывается в моей голове, но факт остаётся фактом. Не увидел и не услышал. Наверное, увлёкся не столько канцелярской работой, сколь собственными мыслями, что тоже порой случается. Вернул на землю меня телефон. Звонила баба Аля, медсестра из приёмного покоя.

— Андрюшенька Ильич, скажите, пожалуйста, Георгий Лисицын — ваш пациент?

— Мой, — ответил я и на автомате глянул сквозь перегородку.

Гошина кровать пустовала. Я почувствовал, как сжалось сердце. В голове зашумело — скакнуло давление.

— Андрюша, вы слушаете? Аллэ! Андрей Ильич! — надрывалась тем временем трубка.

— Да! — нервно крикнул я, чувствуя, что впадаю в истерику. — Алевтина Петровна, Лисицын пропал! Надо срочно...

Но меня перебили:

— Всё нормально, Андрюшенька, у меня ваш Лисицын. Не беспокойтесь. Я его сейчас чайком напою и к вам провожу. Аллэ! Андрей Ильич, вы...

Но я уже летел вниз, перескакивая через две ступеньки.

Картина, которую я увидел в приёмном, заставила меня опереться спиной о стену. Чтоб не упасть. Мой пациент, как ни в чём не бывало, сидел на табурете и, ловко орудуя шилом, толстой иглой с суровой нитью, служащими для прошивки документов, чинил стоптанный мужской полуботинок. Рядышком суетилась Алевтина Петровна — баба Аля, наша старейшая медсестра. Заваривала в стаканах чай и выкладывала в мисочку знаменитые на всю больницу пироги и плюшки собственного приготовления. Увидев меня, Лисицын робко улыбнулся, мгновенно покраснел, опустил взгляд на башмак и продолжил работу. Баба ж Аля обрадовалась мне словно родному сыну.

— Андрюшенька, дорогой мой, берите стул, подсаживайтесь, будем чайком баловаться. Вы ведь пирожки с яблоками любите?

— Да, люблю, — кивнул я, — но позвольте, Алевтина Петровна...

— Сейчас я всё вам, Андрюша, объясню, — вновь улыбнулась баба Аля. — Тут Игорь Иванович заходил, жаловался, что подошва оторвалась, так Гошенька взялся ему ботинки починить. Ах, какой мальчик, золотые руки! Смотрите, как работает. Прям, любо-дорого.

— Георгий? — обратился я к пациенту.

— Всё нормально, доктор, — не подымая глаз, полушёпотом отозвался Лисицын, — не волнуйтесь за меня. Простите, что без спроса от вас ушмыгнул. Уж больно лежать устал — спина затекла. Надо было, конечно, вам сказать...

— Да уж надо было, — вздохнул я, подвинул стул к столу, уселся и взял аппетитно благоухающий сдобой пирожок. — Лежать он устал... Спина у него затекла... Что мне теперь с тобой делать-то, а? Пороть, вроде, поздно...

Со скрипом открылась дверь. В покой ворвался ураган — я аж спиной почувствовал поток бешеной энергии. Так у нас в больнице появлялся только нейрохирург.

— А, Андрюха! — прогремел знакомый голос. Я не ошибся. — Хорошо, что заскочил. Баба Аля у нас нынче за буфетчицу. Не пробовал её стряпню? Рекомендую — пальцы отъешь! Гоша, как там мой башмак?

— Починил, Игорь Иванович, — Лисицын протянул ботинок хирургу.

Покрутив его в руках, Игорь Иванович бросил туфлю на пол, скинул тапок, примерил.

— Молодец, хорошая работа. Сапожником до армии работал?

— Сапожником, — кивнул Лисицын. И зачем-то добавил: — ноги всегда должны быть в тепле.

— Особенно летом, — рассмеялся хирург, после чего обратился ко мне: — Сам видишь, Андрей, у тебя ему делать больше нечего. Недельку поваляется в нейрохирургии, и будем на выписку готовить. Ты как, не против?

— Давайте-ка, Игорь Иванович, с выпиской торопиться не будем, надо ещё разок полное обследование провести, — я отхлебнул чаю. — А к вам в отделение перевести? Нет, я не против. Нужны мне такие бегуны, как думаете? — и подмигнул своему пациенту. Теперь уже без пяти минут бывшему.

В армию Гошу, естественно, не вернули. Комиссовали после ранения. На малую родину он тоже не поехал. Оказался детдомовцем, которого в своём городе ничего не держало. Малогабаритную квартирку свою, полученную за месяц до призыва, обменял на равноценную у нас. Так и остался. Проработал пару лет на обувной фабрике, а потом вдруг ни с того ни с сего уволился и арендовал у армян, которые, как известно, главные сапожники на всём постсоветском пространстве, шиферную будку. В старом квартале, на углу Свердлова и Диагональной рядом со старым же Домом быта, ныне уже снесённым. Когда торговый комплекс построили, его директор, племянник нашего Игорь Ивановича, по просьбе дядьки взял Гошу к себе.

И пошла для Лисицына обычная, казалось бы, жизнь. Никому стороннему не интересная. Посему, можно было б поставить здесь точку и попрощаться. Да только какой тогда было смысл вообще вытаскивать на свет Божий невесёлые свои мысли? Подумаешь, холодного привезли! Ну, так отогрели ведь. Препаратами, массажами, но более, я думаю, своим человеческим теплом, добрым отношением. Мало ли подобных случаев? Нет, не таких, конечно, в точности, но чем-то схожих. Думаю, предостаточно.

9 июля

Пожалуй, продолжу.

С момента как мы выписали пациента Георгия Лисицына, минуло лет десять.

Бабу Алё проводили на пенсию. Нет, ну сами посудите, разве ж можно в восемьдесят лет дежурить сутками? Да ещё в приёмном покое, где вечно сквозняки гуляют.

Спровадить-то мы Алевтину Петровну спровадили, но избавиться от неё оказалось задачей невыполнимой. Почти каждый день к нам захаживала, знаменитые свои пирожки с яблоками носила. Впрочем, никто и не возражал. Можно бабулю понять — ну чем, скажите, ей заняться, когда уж и внуки выросли?

Так вот, приходит она к нам однажды вечером. Мы с Игорем Ивановичем в приёмном за шахматной доской сидели — он дежурил, я ж перед уходом домой на часок к нему заглянул. По доброй традиции.

Мы головы в сторону Алевтины Петровны повернули, уже рты раскрыли, чтоб поздороваться, а она как загомосит:

— Хорошо, ребята, что вы тут оба! Гошенька-то наш сбрендил! Совсем с ума сдвинулся и... и... и... — заело. За сердце схватилась, на кушетку повалилась, воздух ртом хватает, а сказать больше ничего не может.

Игорь Иванович вскочил, воды в стакан плеснул, поднёс к баб Алиным губам. Петровна глоток сделала, рукой махнула в сторону, мол, там. Прохрипела что-то невнятное, разобрали только, что про хоккейную коробку.

— Ты, Андрей, иди, посмотри там, чего случилось, — взгляд хирург выразил нешуточную озабоченность, — только мне обязательно отзовись.

Я кивнул, схватил с вешалки куртку — декабрь морозами нас пока не радовал, на улице вторую неделю держалась нулевая мразь — и, застёгиваясь на ходу, выскочил за дверь.

От нашей больницы до хоккейной коробки, если не торопясь идти улицами, то времени займёт минут пятнадцать. Можно, конечно, сократить путь, добраться дворами. Вот только тропинки в такую погоду, когда с переменным успехом с неба то льёт, то валит мокрый снег, превращаются непонятно во что. Сплошная жидкая грязь. И в вечернюю темень, дабы не сломать шею, лучше выбирать длинную дорогу.

Я хотел было срезать, но в последний момент выключил лишние эмоции, побежал по тротуару, то и дело натыкаясь на встречных прохожих. Даже не знаю, за кого тогда больше перепугался — за бабу Алё или за свихнувшегося Гошу. Естественно, пару раз поскользнулся, упал на колени, испачкал брюки и ушился, но, слава Богу, ничего себе не сломал.

Картина, которая предстала перед моими глазами, когда я, наконец, оказался на месте, не столь напугала, сколько удивила.

Хоккейная коробка кишела неугомонной малышней. Кто-то сгрэбал сырую снежную кашу и выкидывал её за борта, другие попарно разгоняли воду тяжёлыми металлическими скребками, двое мальчишек, изо всех сил уцепившись за вырывающийся из рук шланг, хлещущий мощной струёй, пытались направить поток на ноги человеку, неспешно прогуливающемуся среди всего этого безобразия. Сам человек выглядел более чем странно и при внимательном рассмотрении... оказался Гошей.

Эта самая странность заключалась в том, что Гоша не просто шарохался среди мельтешащих вокруг него ребятишек, он был бос. Да, да, закатав штаны по колено, ходил по щиколотки в ледяной воде и... И я могу поклясться, что там, куда он ступал, вода покрывалась тоненькой корочкой льда...

Игорю Ивановичу я так и не позвонил. Забыл. Гошу тоже не окликнул, не выдернул с площадки. Почему-то решил, что моё вмешательство сей момент вовсе не требуется. Погрузившись в собственные мысли, я добрёл до дому, молча, чем несказанно удивил жену, поужинал, вновь оделся и, взяв дежурную авоську — до сих пор не могу привыкнуть к полиэтиленовым пакетам — направился в гастроном. Вот только ноги вели меня обратно — к той самой хоккейной площадке, откуда я ушёл уж почитай как полтора часа назад.

Из состояния анабиоза меня вывел звонок.

— Андрей, ну ты чего? — раздался встревоженный голос Игорь Ивановича.

— Я? Да так... Ничего, — невпопад ответил я.

— Ты куда пропал? Что там с Лисицыным?

— С Лисицыным? Эээ... с ним всё нормально. Баба Аля как?

— Заснула на кушетке. Я ей валокордина накапал, — уже более-менее спокойно произнёс хирург, — и всё-таки, Андрюш?

— Я зайду, ждите, — ответил я и нажал клавишу отбоя.

Гоша, уже в ботинках, стоял у борта и наблюдал за десятком мальчишек, выписывающими замысловатые пируэты на свеженьком, сверкающем в свете софитов, льду. Я подошёл, встал рядом, поздоровался:

— Привет, Георгий.

Гоша повернулся ко мне и открыто улыбнулся.

— Здравствуйте, Андрей Ильич. А я давеча вас видел. Ну... когда мы с пацанами каток заливали... Хотел окликнуть, рот раскрыл, а вас уж и след простыл.

Я пристально посмотрел Лисицыну в глаза, на минуту задумался, потом всё ж произнёс:

— Так мне не померещилось?

— Нет, Андрей Ильич, — ответил Гоша и покачал головой, — не померещилось. День был тяжёлый. Злой был день. Льда накопилось. Вот я и... А баб Алю я, похоже, здорово напугал, да? Надо б, наверное, извиниться.

— Надо б, — отозвался я и, взяв парня под локоток, сдёрнул с места. — Пойдём-ка, дорогой. Я думаю, мы с Игорь Ивановичем, имеем право знать, какого такого льда у тебя накопилось. Так как, имеем?

— Вы? Да, да, разумеется, — не стал сопротивляться Гоша. Несколько смутившись, кивнул.

Мы молча вышли со двора на улицу и направились в сторону больницы. Но, ещё не дойдя до первого работающего фонаря, стали участниками удивительного происшествия.

Парочка молодых людей, идущая впереди, в каком-то десятке шагов, вдруг резко шарахнулась в сторону, и нам под ноги вылетел крохотный меховой комочек. Щенок! За ним, раззявив страшную пасть, нёсся огромный, устрашающего вида волкодав. Всё произошло так быстро, что я не успел опомниться.

Видимо, сработал тот древний инстинкт, который жив ещё в некоторых людях — инстинкт защиты слабого. Щенок каким-то невероятным образом оказался у меня за пазухой, сам же я, выставив вперёд локти, приготовился к неминуемому, казалось бы, нападению. Но Гоша меня опередил. Как в замедленном фильме я видел его голову, мгновенно побелевшую от инея, покрывшего вдруг густую рыжую шевелюру. Потом... Потом — я в этом могу поклясться чем угодно — из выброшенной вперёд ладони Лисицына выросла длинная тонкая сосулька, которая через мгновение врезалась зверюге в голову и с треском рассыпалась на сотни мелких острых осколков. Не причинив псине сколь заметного физического вреда, противодействие напугало её до такой степени, что ещё несколько мгновений я наблюдал лишь поджатый хвост, трусливо

загнувшийся между мохнатых лапищ, стремительно улепётывающих в сторону ближайшей подворотни.

На какое-то время у меня пропал дар речи. Когда я его обрёл вновь, мы уже стояли у входа в гастрон.

— Дай-ка зайду, — полушёпотом произнёс я. — Боюсь, без бутылки твою историю нам с Игорь Ивановичем не осмыслить. Лисицына поддержишь?

(Да, передавая щенка Гоше, я попросту оговорился, назвав животинку его, парня, фамилией. С тех пор этот ласковый подлиза и делит с моей семьёй жилплощадь, а также гордо носит вместо привычной для дворняги клички типа Шарик, Бобик или Барбос, своё героическое имя — Лисицын.)

10 июля

Мысли, мысли, мысли...

Я долго думал над Гошиной историей. И тогда, когда только услышал её, по пути домой. И всю следующую неделю, а, может, и не одну. И потом, глядя, как внучка радостно скачет вокруг неожиданно свалившегося ей на голову счастья в образе собственной собаки. Но поведать самую суть её, поделиться мыслями на её счёт всё ж не решался. Нет, Лисицын против сохранения своей тайны или, наоборот, предания её огласке ничего и никогда не имел. Он, как ребёнок, совершенно спокойно относится к жуткому Божьему дару и вовсе им не бахвалится. Так, применяет, когда в этом имеется необходимость. Не кричит на каждом углу, но особо и не прячется. Живя в собственноручно выстроенном крохотном мирке, Гоша, хоть и несколько наивен, но, тем не менее, догадывается, а, может, и знает, что человеку обыкновенному, каких на Земле подавляющее большинство, прослыть сумасшедшим или лжецом гораздо страшнее, чем просто поверить собственным глазам. Потому и спокоен.

Бабы Али не стало три года назад.

Игоря Иваныча, чьё горячее равнодушное сердце не выдержало четвёртого инфаркта, похоронили на прошлой неделе.

Да и сам я, к сожалению, с каждым прожитым миготнюдь не становлюсь моложе. И не доверь я своих умозаключений, сделанных по поводу Гошиного дара сейчас, сию минуту — пусть даже только тетрадным листам — завтра я на это, скорее всего, и не решусь. Или поленюсь. Но оставлю лишь в своей голове. Факт.

В общем, тогда, промозглым декабрьским вечером, сидя в неудобном, продуваемом сквозняками приёмном покое за письменным столом — бутылку так и не откупорили, — мы очень тихо, не перебивая, слушали сбивчивый, пересыпанный междометиями рассказ не слишком-то, прямо сказать, счастливого человека. Но человека, под влиянием страшных обстоятельств научившегося делать то, о чём, должно быть, мечтают, многие из нас. Человека, трансформирующего горести и беды, страх и гнев в лёд, что, как известно, просто вода, пусть и в твёрдом своём состоянии. И главное, человека, научившегося этим льдом управлять, попросту снимая мёрзлую корку с сердца самым буквальным образом. Избавляясь от внутренней стужи, так часто сковывающей душу при виде несправедливости. Избавляясь от собственной внутренней боли и делая это во благо не только себе.

У меня перед глазами то и дело всплывает живая картинка, в которой я вижу раненного в ногу рыжеволосого мальчишку-снайпера, под дулом пистолета отказывающегося подчиниться приказу озверевшего на войне капитана — приказа стрелять в детей, стоящих в тупике узкого ущелья заградительной шеренгой перед трусливо прячущимися за их спинами бандитами. Я словно слышу истеричный крик сошедшего с ума командира: «Лисицын, сука ты драная, стреляй! Последний раз приказываю: огонь на поражение! Это не дети! Это звериное отродье, которое, не прикончи его сейчас, вырастет и будет убивать твоих детей». Я чувствую своим собственным сердцем ту ледяную корку боли и ненависти, что сковывает сердце паренька. Ту корку обжигающей наледи, которая вдруг с треском лопается, вызывая одним лишь эхом обрушение тяжелых снежных козырьков, нависавших над расщелиной с крутых обрывов чёрных скал...

Дети остались живы. Остальные погибли. Все. И боевики, и свои. Гоша уцелел чудом — спасибо санитарам. Спасибо Игорь Иванычу, медсёстрам, да и мне немножечко. Нам спасибо. Да, мы попытались отогреть его не столь уколами и грелками, сколь обычным человеческим теплом. Но стоило ли это делать? Отогреть человека, который твёрдо решил замёрзнуть? Я не знаю.

Молчит и Гоша.

И вот ещё что мучает меня: правильно ли поступает человек, неся гибель самим смерть несущим? Речь не только о врагах, но и о своих, о тех, кто сражается на твоей стороне и с тобою ж делит пищу и кров. Во время войны. Ну, так как, правильно?

Не знаю я и этого.

Знаю только то, что видел собственными глазами тогда, почти двадцать лет назад: жить Гоша не хотел. И не собирался. Не приходя в сознание, он, тем не менее, погружал своё тело в пучину ледяного холода, исторгаемого собственной же душой. Он, терзаемый душевной болью, попросту убивал себя. И убил бы, кабы не мы. Будьте уверены. А так...

Впрочем, всё уже сказано. Вот только мысли...

11 июля

Мысли, мысли, мысли... Что делать с ними? Как их подчинить? Логика! Разум! Трезвый рассудок! Да, да, конечно... Не делай, не подумав. Семь раз отмерь... Абстрагируйся от...

Мысли!

Скажет мне кто-нибудь, почему вдруг я, всегда спокойный и уравновешенный, вижу порой, пусть только и на экране телевизора, проявление дикой нечеловеческой агрессии, но чувствую, как ладони мои начинают покрываться инеем? Ну? Кто?

Ты?

Ах, ты ж, зараза! Довольный-то! Наелся? Наелся, вижу. Радуетесь, хвостом виляешь. Ладно, Лисицын, пойдём в парк. Справим походя твои естественные надобности... А мысли? Их бы так, да? Но, брат, увы, не получится.

А жаль...

Кратчайший путь в Арктику

Вот дед и умер.

Хоронили зимой, в не оттаявшую за короткое северное лето и наново, а потому ещё крепче промёрзшую землю. В минус тридцать по Цельсию. В общем, как, наверное, и положено хоронить заслуженного полярника.

Серёга деда любил очень. Хоть последние годы они практически и не виделись, но перезванивались постоянно. Да... жить на разных краях России — это вам не по левым-правым границам Бенилюкса какого-нибудь, Петропавловск от Архангельска, увы, не в часе полёта по гладкому, словно море в штить, автобану...

Дед прожил долгую жизнь, интересную и насыщенную событиями. Почти полный век, шесть десятков лет из которого дрейфовал на льдинах, ходил на ледоколах и научных судах, изучая скудную фауну Заполярья. Редкие — в городе дед бывал нечасто — тягучие рассказы его, тогда ещё крепкого поморского старика, удивительно похожего на им же обожаемых Хемингуэя с его знаменитым персонажем, напоминали малолетнему Серёжке волшебные сказки. Истории о стылых скальных берегах, ледяных горах и сверкающих бескрайних равнинах, населённых пугливыми тюленями и склочными гагарами, ленивыми моржами и свирепыми белыми медведями-людоедами, о громадных китах, взламывающих льды своими толстокожими спинами, о весёлом и жизнерадостном человеке, которому всё нипочём — и лютая стужа, и безысходный мрак полярной ночи, и жуткие волны неласкового океана.

И вот деда не стало...

— Серёж, ты когда семью-то собираешься перевозить? — Они с мамой, держась, чтоб меньше скользить, как в детстве — за руки, шли с кладбища в самом хвосте редкой чёрной колонны, растянувшейся чуть не на километр.

— Если всё срастётся, то летом, мам, — ответил Сергей. — Ленке ж с Андрюхой надо учебный год закончить, да и у Натахи дальневосточный стаж капает. Это мне, пенсионеру, хорошо.

— Да уж, — даже не глядя на мать, он понял, что та улыбается, — кто бы мог подумать, что мой сын в сорок лет выйдет на пенсию? Чем заниматься-то решил?

Серёга остановился, стащил с рук вязаные варежки и, достав из кармана сигареты со спичками, закурил.

— Ну, дома уж точно сидеть не буду. На торговый пойду. Не возьмут капитаном, старпомом к Николаеву подпишусь. Он, кстати, предлагал уже.

— К Лёшке? — в голосе матери послышалось искреннее удивление. — Помощником к этому двоечнику?

— Мам, — Сергей, почувствовав, что та теряет равновесие, перехватил её за локоть, — мы с Лёхой друзья. И потом, люди ж меняются. Он когда двоечником-то был?

— Да ладно тебе, сын, шучу я, — отмахнулась мать. — Знаю я, что вы неразлей-вода, а Лёха твой — бравый кэп. Мы с его Таней недавно в очереди в сберкасса стояли, так она обмолвилась, что Николаев сейчас к Антарктиде под чужим флагом ходит. Под либертинским, что ли?

— Под либерийским, — поправил Сергей. — Мне-то какая разница, ма? Всё равно Лёха раньше июня в Архангельске не появится, у них сейчас горячка, навигация в полном разгаре. Мы неделю назад по скайпу трещали. Так что... ремонт, мам, ремонт, и ещё раз ремонт. Не повезу ж я семью в сарай.

— И то правильно, — они дошли до автобуса, остановились, — а мы с отцом тебе поможем. Ты не смотри, что старые, мы ещё...

— Какие ж вы у меня старые, ма?! — Серёга, обняв мать, прижал её к себе. — В возрасте, ма... Просто в возрасте...

Из кафе с поминок Серёга к родителям не пошёл, решив, что пора обживаться в своём новом доме. То есть, в незабытом ещё старом. Дед, добрая душа, оставил свою трёшку-сталинку в наследство любимому внуку.

Старенькая трёшка... Третий подъезд, третий этаж, номер тридцать три... Сплошные тройки. Как у Андрюхи, сволочонка этакого, в табеле. Надо б им вплотную заняться. В смысле, его воспитанием. Но... Но сначала — ремонт.

Закрыв за собой дверь — старую, филёнчатую, выкрашенную сто лет назад суриком, — Сергей переобулся в мохнатые меховые тапочки, дублёнку с шапкой бросил на протёртый до голой фанерной сути хромой от старости стул и прошёл в кухню.

Свет есть, газ есть, вода — и холодная, и горячая — тоже. Что ж, можно жить. Полы паркетные, дуб, такие на века. Достаточно отциклевать тоненько да лаком покрыть в пару-тройку слоёв. Ерунда. А вот с остальным придётся повозиться. Сантехника — дрянь. Под замену. Стены и потолки штукатурить надо. Кривые, словно пьяные черти равняли. Проводка... рабочая. Но её б тоже надо поменять — седьмой десяток дому, лучше подстраховаться, мало ли. Ну и обставяться, конечно, надо с нуля, не с Камчатки ж рухлядь везти. Нда-а... Мебель хреновая. Совковый постмодерн — рассыпается на запчасти, стоит к нему прикоснуться. Да и бытовую технику нужно. Плиту, стиралку, посудомойку, миксеры-бойлеры разные, микроволновки всякие — куда ж в двадцать первом веке без микроволновок?! Холодильник опять же...

Холодильник!

Забившийся в угол внушительной кухни старенький дедов «Полюс», — специально, что ли с таким названием выбирал, юморист хренов — гудел и трясся, словно буксир у причала. Рядом, лениво прислонившись к стене, стояла наполовину разложенная стеклопластиковая удочка с инерционной, как у спиннинга, катушкой. На леске, зацепленный за крючок повис желтоватый подсохший кубик свиного сала со шкуркой...

«Запомни, Серёга, — в голове громовыми раскатами вдруг зазвучал дедов бас, — кратчайший путь в Арктику лежит через...»

Серёге было лет четырнадцать, когда деда попросили на пенсию. Нет, не попросили, а натуральнейшим образом выперли. Сказали, мол, тебе Иваныч, уж за семьдесят, а ты всё во льды рвёшься. Имей совесть, дай дорогу молодым!

Дед тогда долго возмущался: «Чего я вам, танк поперёком дороги? Неуж я вашим молодым проходу не даю? Пушай двигают куда хотят. Но меня, братцы, не трожьте, а? Поймите ж вы, ребята, Арктика для меня — и дом, и сама жизнь. Что мне в городе-то делать? Со старухами во дворец культуры на танцы бегать? По санаториям кататься? Да у меня здоровья на троих ваших бездорожных юнцов хватит. И сил ещё столько, что...»

Бабку Серёга не знал, та умерла ещё до его рождения. По-дурацки как-то. Жена полярника — и от воспаления лёгких. Летом. В Анапе.

Отцу ж в том самом году, когда деда на берег списали, квартиру новую дали, пришлось разъехаться — кто из нормальных людей от дополнительного жилья откажется? И остался дед совсем один. Сколько Сергей ни просил родителей не забирать его от деда со старой квартиры, те не позволили — ишь, чего выдумал, экзамены на носу, а они, два сапога — пара, всю успеваемость, с таким мучением заработанную, по рыбалкам профукают. Только волю вам дай.

Дед, впрочем, если и тосковал по любимой работе да по ставшему «выходным» внуку, печали своей никому не показывал. Устроился «вратарём» в автохозяйство, новым хобби обзавёлся — начал по самоучителям и схемам из журналов разную технику паять-собирать. Приёмники транзисторные, магнитофон катушечный, чтоб любимого Высоцкого слушать, даже компьютер смастерил, выпилив всю наружную облицовку из пятислойной фанеры, кнопки ж для клавиатуры вырезал из разделочной доски красного дерева. Правда, компьютер тот включился лишь раз, минуты через три задымился и благополучно сдох. Но корпус был... «Роллс-ройс», а не корпус! Лёха Николаев, когда с Серёгой к его деду однажды зашёл и это чудо увидел, неделю спать от зависти не мог. Кто ж ему, болезному, скажет, что агрегат-то нерабочий?

Серёга, почти безропотно уйдя с родителями на новую квартиру, таки выторговал себе нерушимое право на субботние ночлеги по старому месту жительства. Не без дедовой, конечно, помощи.

В одну из таких суббот дед и попался...

Дело в том, что Архангельск хоть город и портовый, но в Перестройку жил не лучше прочих советских полисов, имея в магазинах типа «Океан» рыбу трёх основных сортов: «хек замороженный с головой», «минтай-тушка потрошённый» и «мойва свежемороженая брусковая». Нет, иногда «выкидывали» на прилавки и треску, и селёдку пряного посола, и даже скумбрию холодного копчения. На рынке втридорога можно было взять палтуса или кижуча, но это только по великим праздникам. В сезон сами за ряпушкой ходили... А тут!

Серёга, естественно, как человек облечённый стопроцентным дедовым доверием, держал на кольце, привязанном цепочкой к ременной петле штанов, ключ от старой квартиры. Мало ли, дед куда выйдет — под дверью ждать его прикажете? Дудки, всё по-взрослому.

Вот и в ту достопамятную майскую субботу дед раненько позвонил им домой и сказал, чтоб Серёга по пути из школы забежал в аптеку, взял склянку «корвалола». Чегой-то сердце прихватило. Да, и чтоб не трезвонил, а своим ключом дверь открыл. Вдруг, мол, прилягу, засну.

Ну, Серёга — парень основательный и памятный — сделал всё, как наказано. Дверь тихонечко отпер, разулся в прихожей и, оставив сумку на стуле, двинул на кухню провести рекогносцировку грядущего обеда. А там... холодильник открыт, в двух метрах от него дед стоит... с удочкой, а леска напрямик в морозилку уходит... У Серёги дыхание прервалось и челюсть отвисла.

Дед на него только зыркнул, да как зарычит:

— Ну, чего зенки вылупил?! Видишь, не справляюсь! Бегом к морозилке, за жабры её хватай, за жабры, чтоб не рыпалась! Боком поверни и тяни... Да не бойся ты, не съест...

Рыба, зажаренная в кляре, была чудо как хороша. Называлась диковинным именем «муксун» и жила какой-то час тому назад в... Гыданской губе у западного берега полуострова Явай...

«Запомни, Серёга, кратчайший путь в Арктику лежит через мой холодильник. Только никому не рассказывай. И розетку не меняй»...

Но секрета своего дед так и не раскрыл. Лишь крякал, стоило Серёге заикнуться, своё любимое: «меньше знаешь — крепче спишь». После этого, чтоб поднять почему-то испорченное враз настроение, наливал стопку клюквенной. Единственную. «За электричество». И косился на самодельную розетку над плинтусом.

Серёга смахнул пальцем выкатившуюся от воспоминаний слезу, поднялся с табурета, достал из навесного шкафчика панфурик коньяку, опорожнил его в рюмочку, опрокинул в глотку. Ничего не почувствовал. Повторил акт самоуничтожения со вторым мерзавчиком. Результат тот же.

Взгляд снова упал на старенький «Полнос», переставший грохотать и замерший в своём углу, словно белый медведь-недоросток перед прыжком. Дёрнулась и задрожала дедова удочка... Нет, наверно, показалось — просто веко дрогнуло, пытаюсь выпустить ещё одну слезинку.

Серёга подошёл к холодильнику, открыл дверцу и глянул в пустую морозильную камеру.

Изнутри дохнуло таким ядрёным морозцем, на который советская промышленность была не способна в принципе. Дыхнуло Арктикой. Настоящей...

Наживка, полетевшая «куда-то туда», в полярную ночь, расцвеченную — Серёга мог побойться — натуральным сиянием, вернулась через минуту облепленная снегом. Нет, не сезон. Муксуна захотел, дурашлёп! Серёга, презирая собственную недалёковидность, хмыкнул. Да на Гыданской губе в это время года такой лёд, что ни одним буром не возьмёшь!.. Или буром всё-таки возьмёшь? А с ледорубом?

Решение проблемы пришло само собой...

Первый же агрегат, что бросился Серёге в глаза по приходу в магазин электроники и бытовой техники, оказался морозильной камерой. И не просто морозилкой, а знаковым «Полюсом». Правда, то был не наш родной «Полюс» златоустовского завода, а «Polus» импортный (или наш? Но зашифрованный латиницей по модному ныне порядку любви ко всему забугорному). Сколько-сколько тысяч? Однако, господа!

— Так это ж больше, чем на триста литров! — продавец, ряженный в униформу Деда Мороза, уловив заинтересованность в Серёгиных глазах, взялся за работу рьяно: — Три года гарантии, это раз. Производство — Австралия, два. В комплекте идёт набор контейнеров для заморозки, три. Можем кредит оформить, скидочку организовать...

— А доставка? — Сергей понял, что без «Polus»'а он из магазина сегодня точно не уйдёт.

— Бесплатная! До места установки. В любое время, — словно из воздуха соткавшаяся «снегурочка» хлопнула агрегат ладошкой и подвела итог: — Классная машина. Как расплачиваться будете?

— Громко. С выражением, — ухмыльнулся Серёга. — Сейчас только в мебельный сбегую. За табуреткой.

«...и розетку не меняй...»

— Да, а переходник с евровилки на розетку советского стандарта у вас есть?

Бур нашёлся в кладовке, ледоруб тоже. Старые дедовские унты оказались в размер. Тулуп, ватные штаны тоже. Только свитер под горло моль поела, да ушанка оказалась чуток маловата. Но для первого раза, решил Серёга, сойдёт и так.

В рыбацкий короб, обтянутый полуистёршимся камысом, аккуратно легли кубики сала, буханка белого хлеба, кольцо «краковской», термос с чаем, поллитра, завернутая в полотенце, зелёное яблоко, сигареты, спички, пара зимних удочек, банка с мормышками и блёснами, моток лески, а также, на всякий пожарный, паспорт, заметно истончившаяся пачка банкнот и две пары шерстяных носков. Кто его знает, что там, в этой Арктике, может приключиться? И потом, не дай Бог, в Архангельске электричество вырубят. Придёт тогда муксун карачунович. Или песец какой хитрый незаметно подберётся.

Трижды прочитав «Отче наш», Серёга перекрестился на образа в кухонном красном углу, натянул оленьи рукавицы, повесил на плечо короб, взял в руку связанные нейлоновым шнуром бур с ледорубом, распахнул дверцу трёхсотлитрового «Polus»'а и, закрыв глаза, резко шагнул внутрь...

Когда глаза попривыкли к нестерпимо яркому солнечному свету, он увидел в полукилометре от себя пришвартованный к причалу внушительных габаритов сухогруз.

Что за хрень, мать вашу? А где же полярная ночь?

Серёга, подперев буром дверь морозилки, чтоб та ненароком не захлопнулась, ну и для ориентиру — алая ручка коловорота резко выделялась на белоснежном фоне пейзажа, — всердцах помянул ни в чём не повинного деда. Потом, поправив на плече ремень короба и жалея, что не сообразил купить солнцезащитных очков, двинул в сторону пристани, возле которой у штабелей ящиков копошилось десятка полтора-два работяг в ярко-оранжевых одеждах. Шагов через триста до слуха донёлся привычный уху крик:

— Капитан, твою за душу! Я те чё, нах, кран башенный, чтоб эту бандуру в одиночку тягать?!

— А чё, нах, не башенный?! — раздалось в ответ бодрое. — Не хипешуй, Семёнов, ща те напарника подберём! Эй, морские, а Сушенцов у нас где?!

Тембр показался Сергею смутно знакомым.

Когда до мужиков оставалось с десятка три шагов, тот же голос, что призывал пару минут назад Семёнова к спокойствию, исходящий от бородатого здоровяка в мохнатом волчьем треухе, загремел вновь, обращаясь теперь к нему. К Серёге.

— Эй! Ты, ты, мужик. Здоров! С «Молодёжной» топаешь? А чё без вездехода? Без лыж даже. Ну, ты, в натуре, герой...

Нет, в этом Серёга не мог ошибиться. Голос принадлежал Николаеву. Лёхе, тому самому бывшему двоичнику и, одновременно, лучшему с детства другу, что сейчас ходил капитаном на сухогрузе под либерийским флагом из ЮАР в Антарктиду...

Стоп. В Антарктиду?!

Да, ошибочка крылась вовсе не в человеческом факторе.

Твою ж рыбалку!

В голове зазвучал голос давешнего «дедмороза»: «...производство — Австралия».

«Polus» гадский... Гадский полюс!

Вот тебе и кратчайший путь в Арктику. Нда...

— Привет, Лёха. Я, брат, ни с какой не с «Молодёжной»... Из дому топаю. Прямоком из Архангельска.

Николаев, неуклюже взмахнув руками, спрыгнул с ящика и, не удержавшись на ногах, плюхнулся задом в сугроб.

— Серый???

— Серый, Серый, — остановился Серёга и, поставив короб на снег, с широченной улыбкой протянул другу руку.

Откуда-то слева, из-за низенькой ледяной горки вышел вразвалочку, помахивая нелепыми крылышками, крупный пингвин. Гладкий, толстый и гламурно-блестящий — чем-то неуловимо похожий на певца Сергея Крылова. Он посмотрел на мужиков, потешно топнул ножкой-ластом и забубнил глумливым пересмешником:

— Керый-керый... керый-керый...

Слансарга

S A T O R
A R E P O
T E N E T
O R E R A
R O T A S

Второе лето подряд, когда хотелось побыть в одиночестве — не в относительном, как в городской квартире, где постоянно то долбят за стеной очередные евроремонтники, то звонят в домофон разносчики рекламной заразы, а в полном, в абсолютном, — Глеб отправлялся на вокзал, оставлял машину на парковке, садился в ближайшую электричку и ехал до платформы «Слансарга́». Именно там — стоило спуститься с перрона по восьми щербатым бетонным ступенькам и пройти еле заметной тропинкой метров тридцать до мрачного ельника — заканчивалась человеческая цивилизация.

Сколько раз бывал, Глеб ни разу не видел здесь ни людей, ни даже следов гуманитарной катастрофы — ни кострища, ни пустой бутылки, ни рваного пакета, набитого объедками и консервными банками, ни даже затоптанного окурка. Словно тут вообще никто и никогда не появлялся. Однако сам факт наличия тропы, ведущей, впрочем, непонятно куда — Глеб обычно углублялся в чашу километра на два-три, — свидетельствовал об обратном. Может, там, дальше, есть чьи-то дачи? Или озеро? С другой стороны, какая разница? Если воздух чист и тишина, тишина, тишина... Такая, что даже птиц почти не слышно.

Стоило запрыгнуть в последний вагон, электричка предупредительно свистнула и, захлопнув изрисованные одарёнными подростками двери, заскользила прочь от наполненного выхлопами эмоций мегаполиса. Глеб уселся на крайнюю скамейку полупустого вагона, прислонил голову к холодному стеклу и сомкнул веки. Час. До пункта назначения со всеми остановками ехать ровно час...

С Колей они выросли в одном дворе. Вместе ходили в детский сад, потом, после выпуска, оказались в одном классе. Десять лет за соседними партами. Вместе гуляли, вместе ходили в авиамодельный и на футбол. Позже, когда подросли, вместе обхаживали Любу Синягину и вместе получили от ворот поворот. То есть, не вместе, конечно, а каждый по отдельности, но сути это не меняет. Люба, окончив школу, практически сразу выскочила замуж за какого-то жирного боша, с которым познакомилась через одну из многочисленных тогда своднических контор, и укатила на пээмжэ то ли в Нюрнберг, то ли в Гамбург. В какой-то бург, короче. Не важно. Там до сих пор и живёт — стала такой же толстой, как её колбасник. И пацанов растит жирненьких и румяных. Не семейка, а полный октоберфест. Да и чёрт бы с ними — с фрау экс-Синягиной и обитателями её фамильного хлева.

Николай...

Шустрый Колян, придя из армии, в институт решил не поступать. Замутил с синягинским мужем совместное предприятие по доставке в Россию из Дойчланда подержанных иномарок. И не прогадал. Пока Глеб просиживал последние штаны в аудиториях и библиотеках, сколотил весьма неплохое состояние. Ходил этаким бесстрашно-безупречным рыцарем, закованным в малиновые доспехи, скреплённые под шеей золотой цепью толщиной в сложившиеся обстоятельства. Да ещё и потешался над менее удачливыми приятелями. Глеба, правда, не гноил. Наоборот, звал его — свежееиспечённого молодого специалиста — к себе, управляющим в автосалон, обещал приличную зарплату. Да тот, птица гордая, отказался, устроился экономистом на какую-то полудохлую фабрику. С ежеквартальной зарплатой, равной полупрожиточному минимуму.

Нет, потом-то всё, естественно, наладилось...

Ну, вот и она — точка отсчёта шагов.

Чернёный креозотом и солнцем покосившийся деревянный столб. Прибитая к нему двумя гвоздями ржавеющая серо-зелёная вывеска. «С..ансар..а». Литеры «л» и «г» давно отвалились, но по оставленному грязному следу легко угадываются. Этакая нечаянная метафизика. Смешно? Пожалуй. Ни кассовой будки, ни перил. Щели между бетонными плитами такие, что можно кулак просунуть. Или оступить, коль засмотришься на дикую и почти никем не востребованную красоту. Или, если о чём-то крепко задумаешься...

— Твоюють! — Глеб и оступился, погружённый в мысли. Чуть не упал...

Да, потом всё наладилось.

Не проработав на фабрике и года, понял, что это не его. Ушёл в свободное плаванье. То есть, в свободную бухгалтерию. Взял под крыло с десятком предпринимателей, которым сперва помогал составлять отчёты, потом, поднабравшись и наблатыкавшись, и от хамских госпоборов уходить. В общем, зажил. Не то чтоб в необузданной роскоши, но более чем неплохо.

С Коляном виделся теперь только по датам — дняхи, новогодья, шашлымайские выезды, ещё что-то. Да оно и понятно — работа, личные обстоятельства. И у того, и у другого. Глеб, раскрутившись, открыл аудиторскую фирму. Николай, развернувшись, послал куда подальше жадного и, прямо скажем, не семи пядей во лбу Любиного боша. Переключился на новьё. Случайно задружившись на каком-то званом мэрском банкете с деловаристыми японцами, стал официальным то ли трейдером, то ли дилером. Салонов понаоткрывал штук десять — «мазды», «ниссаны», «тойоты», прочее, прочее, прочее. Плюс — сервисные станции, сеть магазинов запчастей. В олигархи? Нет, не целил. Смеялся: «само так получилось». Но остался человеком. Хоть и не без понтов, но не злым и вполне отзывчивым, что в среде крупного бизнеса всё-таки нонсенс.

Да и Глеб полностью не оцифровался. Аудит аудитом, однако жизнь-то продолжается. Женился. Развёлся. Спустил пять лет снова женился. И снова... Нет, пока до развода дело не дошло, но грань... Ох уж эта грань...

За четвёртым поворотом взору ожидаемо открывалась небольшая поляна, посреди которой рос дуб. Неожиданный, светлый и словно декоративно-бутафорский в иззелена-чёрном хвойном лесу. Настолько толстый, высокий и величественный, что друзья прозвали его Лукоморским. Подвыпивший Колян даже голду со своей тонкой шеи порывался на него перевесить. Чтоб «в натуре, как в сказке».

Да-да! Слансаргу Глебу открыл именно Николай.

То случилось чуть больше года назад. В начале июня. В субботу.

Глеб, отправив супругу в очередной круиз, валялся в постели перед телевизором, бубнящим кулинарными затейниками. Откровенно кайфовал, пуская струйки сигаретного дыма в жидкокристаллическое, безобразно-округлённое широкоформатной настройкой, лицо младшего Урганта. В гости до обеда никого, естественно, не ждал. Оттого электрический зов не отключённого по рассеянности домофона стал неприятным сюрпризом. Гудке на десятом, когда настроение, — не говоря уж о сломанном кайфе, — было окончательно испорчено, Глеб, припомнив весь свой словарно-обценный запас, выкатился из-под одеяла и решительно-яростно потопал в прихожую. Однако, увидев в дисплее улыбающуюся физиономию лучшего друга, поостыл. Почти.

Он прекрасно помнил, как тогда, превозмогая дикое «не хочу», сидел в вонючую электричку. Если б не коньяк, предусмотрительно купленный Колей в привокзальном магазинчике, та поездка закончилась бы на следующей же станции.

Да. К платформе «Слансарга» автомобилем было не добраться. Дорог, кроме железной, туда проложить не удосужились. Впрочем, а зачем? Если б та самая загадочная Слансарга — село ли, деревня или хотя б выселок, — была привязана к одноимённому полустанку, другое дело. А так...

— Ну и что, что приснилось... Ты понимаешь, дружище, — говорил Николай, отхлёбывая «Арагат» прямо из горлышка, — это интуиция. Знаю, вот ты сейчас смотришь на меня и считаешь законченным придурком... Да я и сам...

Коля отвернулся в окно, за которым мелькали столбы и деревья. Умолк на полуслове.

— Ладно тебе, брат, — отмахнулся Глеб. — Приснилось и приснилось. Слансарга, говоришь? Интересное название... А, плевать с высокой колокольни! Главное — не слишком далеко. Прокатимся на природу. Вдвоём сто лет никуда не выбирались. Помнишь, как в шестом классе из дому в Чернобыль решили сбежать? С радиацией бороться?

Друзья от души расхохотались. Выпили. Наконец-то отпустило.

— Эх, если б не Синягина, лежать бы нам с тобой теперь под свинцовыми одеялами, — отсмеявшись, проговорил Николай.

— А при чём тут Любка? — поднял брови Глеб.

— Здрасьте, приехали! — Коля хлопнул себя ладонями по коленям. — Это ж она нас сдала!

Глеб склонил голову на плечо и пристально посмотрел другу в глаза.

— А ей, значит, ты растрепал. Так?

— Ну, я... Очки зарабатывал, — печально улыбнувшись, вздохнул Глеб и снова уставился в окно...

Сюда, на платформу «Слансарга», вдвоём они приезжали ещё только раз. Спустя неделю. Но тогда погода — весь день лило, как из ведра — насладиться природой не дала. Только вымокли и продрогли. Потом, уже по возвращении в город, сидели чуть не до полуночи у Коли, смотрели под пиво какой-то тухлый матч нашей сборной. Не дождавшись окончания, распрощались, вызвали Глебу такси. И...

И с тех пор не виделись. Николай исчез...

Вот так вот взял и пропал. Как сквозь землю провалился. Если б счета обнулил, можно было б заподозрить в бегстве за бугор — фискалы последние полгода доставали его не по-детски, каждый месяц проверки устраивали, словно кто-то наступал, наклеузничал, решил разорить. Может, конкуренты, может, доброжелатели, которых во все времена хватало. А, может, просто так срослось. Пути ж неисповедимы, давно доказано...

За дубом тропа немного расширялась, но идти по ней становилось труднее. Мохнатые колючие ветки склонялись довольно низко, потому высокий Глеб вынужден был постоянно двигаться согнувшись. Или работать руками, освобождая себе пространство. Вот только это не выход — исколотые руки начинали саднеть быстрее, чем спина и шея. Впрочем, пытка продолжалась не слишком долго — минут десять. До оврага. Дальше Глеб и не ходил.

Лог, широкий и глубокий, с отвесными, вечно осыпающимися краями, для какого-нибудь экстремала препятствием, конечно, не был. Но человеку, выбравшемуся в лес «для погулять и расслабиться», желания топтать дальше не прибавлял. Вот и Глеб, дойдя до сюда, обычно садился на край, ставил ноги на торчащий из песка валун и «зависал» в воспоминаниях.

Однако сегодня всё было по-другому. Природа природой, но появилась конкретная цель, достичь которой следовало во что бы то ни стало. Или сгинуть. Так уж и сгинуть? Хм...

Памятуя о твёрдом своём намерении дойти до конца тропы, Глеб, подняв по пути длинную палку и попробовав её на прочность, решительно продвигался вперёд. Остановившись перед обрывом лишь на секунду, он упёрся импровизированным посохом в песок и спрыгнул на камень...

— Помолчи, хорошо? Ты ж не в курсе всех нюансов, — говорил Николай, сидя под дубом. — Да и дело прошлое, Глебка. Не любил ты её. Так, со мной соперничал. Несерьёзно, дружище.

— Ты-то откуда знаешь?! — вспыхнул Глеб.

— Доподлинно не знаю, конечно, — пожал плечами Коля. — Но догадываюсь. Стоило Любе укатить в Германию, ты через неделю Ольку завёл. Потом Лёну. А я...

Глеб с интересом посмотрел на друга. Странно было видеть его таким сентиментальным. Коньяк? Нет, тут что-то другое. Спиртное Николая никогда размазнёй не делало. Наоборот. Стоило чуток перебрать, и Колян становился агрессивным, даже жестоким. Мог гадостей наговорить, а порой, когда совсем срывало, и руки распускал. На следующий день, правда, долго и искренне вымаливал прощения, чуть не в ногах валялся. А тут — на тебе!

— Так ты до сих пор по ней сохнешь? — до Глеба наконец-то дошло. — Потому и не женился? Потому и с Клаусом её бизнес мутит, да? А я-то, дурак! Слушай, Коляныч, ты её давно видел? Корова ж старая. С твоими-то бабками можно и...

— Сам ты — корова. Просто расплнела чуток. Ну, так за сорок уже, да и дети... Я ж говорю — не любил, — Николай поднял с земли бутылку, посмотрел сквозь неё на солнце, потряс, но пить не стал, протянул другу. — Не лезет, Глебка, прости. Сам-то лопай, если хочешь, на меня не смотри.

Глеб молча взял бутылку, но пить тоже не стал. Заткнул и бросил на траву. Нутром почувствовал, что до самого важного Николай ещё не добрался. А «самое важное» лучше осмысливать на трезвую голову. Ну, на совсем трезвую уже не получится. Однако, хватит.

— Так вот... Приснилось мне сегодня, что если я хочу всё развернуть, то должен ехать до платформы «Слансарга», идти в лес, а там...

Николай вдруг умолк.

— Что «а там»? Ну? — подбодрил его Глеб.

— Да хрен его знает, — Коля, опираясь спиной о дерево, поднялся на ноги. Улыбнувшись, пожал плечами. — Проснулся.

Он отошёл шагов на десять и задрал голову вверх.

— Серьёзное дерево, — произнёс после паузы. — Лукоморское. Только цепи на нём не хватает со всеми сопутствующими. Русалка там, кот, богатыри — все дела. Слушай, мож, мою повесим?

Он уже потянулся к застёжке, но поднявшийся следом за другом Глеб покачал головой.

— Не-а, не катит. Не тот размерчик.

— Вижу, что не тот, — отмахнулся Коля. — Ладно, чё делать будем? Дальше пойдём или...

Пробрались до оврага. Постояли там молча минуты три и вернулись к железке.

Ничего не произошло.

Чуйка обманула? Бывает...

На той стороне оврага тропа стала еле заметной, хоть лес и не изменился. Всё тот же ельник. Только, кажется, ещё более густой. Хотя... Может, сказывалась усталость?

Так далеко Глеб ещё не забирался. Мелькнула мысль — не стоит ли вернуться? Цель? Глупости. Нафантазировал себе невесть что. Нет там дальше ничего. А тропинка? Кто сказал, что тропы оставляют только люди? Вдруг тут звери ходят. Кабаны. Медведи. Те же лоси, к примеру... Какие, к чёрту, лоси?! В таком тесном пространстве разве что собака почувствует себя более-менее комфортно. Собака или...

Нет, про волков он где-то слышал, что те на человека первыми не нападают. Во всяком случае, летом, когда харчи — не первая проблема. Или... Рука сама потянулась к карману, где лежал захваченный на всякий пожарный травматический пистолет. И тут же успокоился.

Всё. Будет. Нормально.

Словно в ответ на мысли впереди забрезжил свет. Поляна? Похоже на то...

Точно. Поляна. А посреди неё...

Ну вот. Плутал, плутал, а вышел обратно. К Лукоморскому. Он? Вне всяких сомнений. Вон и знакомая «Гренландия» — причудливой формы голыш на месте отвалившейся коры. Нда...

Присев под дубом, Глеб достал из нагрудного кармана плоскую фляжечку, отвернул крышку и сделал пару глотков. Коньяк... Странно. «Хеннесси», а вкус как у дрянного «Самтреста». Всё палят, суки. Да и хрен на них, сволочей.

Коньяк, разлившись за какую-то минуту по телу, разогнал кровь. Усталость, конечно, чувствовалась, но была не критичной.

— Ладно, Колян, — сказал в пустоту Глеб, — видит Бог, я попытался. Прости, дружище, не получилось. Жаль, брат, но тут уж ничего не поделаешь.

Что оставалось? Лишь одно. Топать обратно, на станцию. Глеб посмотрел на часы — до ближайшей электрички времени в обрез — двадцать семь минут. Можно, конечно, дожидаться следующей, но это долго. Почти два часа. Лучше поторопиться. Что тут столько времени делать? Да и перекусить совсем бы не помешало.

После допинга — коньяка — ноги понесли быстрее. Первый поворот. Второй. Третий.

Миновав последний — четвёртый — Глеб, словно оглоушенный невидимой дубинкой, вдруг встал посреди дороги. Как же так?

Заподозрив неладное, пусть и с опозданием, он снова полез в карман за фляжкой и, вытащив её, не смог поверить глазам. Вместо серебряного «Фердинанда Порше» в руке лежала этого же объёма, но стальная самоделка. Точно такую отец, помнится, спаял на заводе и вынес через проходную в голенище сапога. Глеб получил её в подарок на шестнадцатилетие. Вместе с кожаной обложкой для паспорта. И первой жидкостью, что налил туда, отправляясь с классом в поход, был вовсе не мамин морс, а тот самый...

Отвернув пробку, принялся. «Хеннесси»? Как бы ни так. «Самтрест». Эти вкус с запахом ни с чем не перепутать. Нда...

Пряча фляжку обратно, мельком глянул на часы. По прикидкам время до электрички ещё было, но лучше удостовериться, что... Что???

Строгая, без изысков, но элегантная в хромированном корпусе «Омега», подаренная коллегами, непонятным образом исчезла. С запястья начищенным медным пятакон бессовестно сверкал приснопамятный минский «Луч», доставшийся в наследство от почившего деда. Те самые первые часы, которые Глеб носил с двенадцати лет аж до окончания института. И глубокий шрам, оставленный меж большим и указательным пальцами сверлом соскочившей дрели, исчез. Да и сама кожа...

Дела-а...

— Так ты мне расскажешь, наконец, что за сон-то приснился? В деталях?

— А надо? — Николай, допив остатки коньяка, поставил бутылку под лавочку.

Вагон электрички, которой друзья возвращались в город, был пуст, если не считать одинокой женщины, сидящей в другом конце к ним спиной.

— Суть ты изложил, — ответил Глеб. — Но должно ж в нём быть что-то такое, благодаря чему ты понял, что он вещий. Интуиция интуицией, вот только не на пустом же месте...

— Тсс, Глебка! Подожди, соберусь с мыслями, — тормознул его Коля, но тут же смолк. Заговорил после долгой паузы. Но сбивчиво, как будто в сильном волнении: — Ага... На этой платформе — на лавочке — Люба сидела. Не такая, как сейчас, а молодая ещё, незамужняя. И всё было так отчётливо... Поезд стоял. «Куйбышев — Санкт-Петербург...» Черт! Не было ж тогда никаких бургов. Не было ведь? Ни на Неве, ни на Среднем Урале. Помнишь, как ты сам в Свердловск после школы собирался? В горный хотел поступать, чтоб геологом... Ну? Помнишь?

— Ага, забудешь такое, — усмехнулся Глеб. — Детские мечты, чтоб их. Заноза в зад... Ладно, дальше рассказывай.

— А что дальше? — пожал плечами Николай. — Ты на Урал собирался. Вот и мы, значит... Ленинградом грезили. Реально. До мурашек. Я в железнодорожный идти намеревался, Любаня — в универ, на философский... Чёрт! Разбередил только!

— Да, Колян, это уж точно, — вздохнул Глеб. — Разбередил. Но прикол-то в другом: спустя столько лет я слышу от тебя одну новость за другой. А ещё брат, называется... Погоди, а чего, если у вас такая любовь была, вы разбежались? Жили б себе, детей растили. Коль из-за меня, то зря. Ты прав, Синягину я не любил. Так, с тобою соперничал. И вот ещё что не пойму: если победил, почему не похвастал? Неужели не хотелось меня уделать?

Николай поднял голову. Посмотрел на Глеба. Оскалился, обнажив пожелтевшие зубы.

— Ещё как хотелось! Но Любка, дура, взяла с меня слово. Сказала, что не желает, чтобы из-за неё ссорились друзья. Эх... Да что они понимают в мужской дружбе?!

Глеб улыбнулся в ответ.

— А ведь ты знаешь, она была права, — произнёс он. — Это сейчас мы повзрослели, а тогда...

— Что? Ты мог бы со мной разосраться из-за бабы?!

— Сейчас — нет, а тогда, в юности... Вполне. А ты б не мог?

Помолчали. Первым заговорил Глеб.

— Так вот, сон твой... Люба была, поезд стоял. Куйбышев — Ленинград, говоришь? Нет тут ничего вешего, Колян. Успокойся. Просто подсознание играет с тобой воспоминаниями.

— А Слансарга? — тихо спросил Николай.

— Что — Слансарга?

— Ты про неё когда-нибудь слышал?

— Тоже мне! — фыркнул Глеб. — Ну, не слышал. Что с того? Я должен, по-твоему, знать все станции на всех направлениях?

— Так я тоже не слышал, Глебка! — воскликнул Коля. — До сегодняшнего дня не догадывался даже о наличии таковой. Её нет ни в одном расписании, понимаешь? Но она в реале, сам же видел. Видел?

— Видел, — кивнул Глеб. — Но ты меня всё равно не убедил. Наверное, в твоём сне было что-то такое, чего ты мне не хочешь говорить. Жаль... Может, я б подсказал...

— Да не было там больше ничего, — отмахнулся Николай. — Говорю ж, сидела на лавочке Люба. Меня ждала. Я подошёл, мы забрались в вагон и поехали.

— Ага, прямо так, без билетов. В Куйбышев? Или таки в Ленинград? — усмехнулся Глеб и отвернулся в окно.

— Сон ведь, — устало вздохнул Николай. — Там билеты не обязательны. Несущественная деталь... В Ленинград, рассказал же.

— Что?

— В Ленинград, говорю, поехали... Ладно, забудь. Эх, дружище... Я — подонок... Она меня не винит, давно остыла. Так говорит, во всяком случае. Вот только сам я... Да, брат, простить себе не могу... Она ж от меня залетела, ребёнка ждала, а я испугался, в военкомат рванул. Думал, что за два года ситуация как-нибудь разрулится. На её письма не отвечал... Представляешь? Ох, дурак! В натуре... Вернуть бы всё...

Со стороны платформы из-за поредевших деревьев раздался гудок. Но не высокий, отрывистый, каким предупреждают о прибытии электрички, а низкий. Густой и протяжный. Поезд?

Глеб в несколько прыжков достиг опушки и... встал как вкопанный. Состав, поскрипывая тормозами, замедлял движение. Зелёные ребристые борта вагонов украшала голубая лента трафаретных букв: «ГОРЬКИЙ — СВЕРДЛОВСК»...

Откуда только силы вернулись?

Глеб, бросив посох, стремглав нёсся обратно. Пару раз запнулся о корни, торчащие из земли. Упал, порвал штаны на коленке. Миновал дуб. Притормозил только возле оврага. Любопытство пересилило. Взглянул на часы — без десяти пять. Ага! Снова «Омега», пусть и с надписью «Луч». Но это — пока. Ненадолго. Фляжка? Ещё не серебряная, но уже «Фердинанд Порше». И пойло не пахнет бурдой. Почти...

Есть! Есть противоядие! Стоит перебраться на «нормальную» сторону...

Перебраться... А стоит ли?

Глеб, приводя дыхание в порядок, задумался.

Боже, это же такой шанс... Вернуться на четверть века назад, попытаться всё исправить...

Что?

Что исправить?!

Всё.

Что «всё»? Нет, ты скажи! Признайся себе.

Всё ж и так нормально... Почти... Да нет, «почти» — это мелочи.

Нор-маль-но!

Однако искушение было велико. Глеб даже отошёл от обрыва. Развернулся. Поднёс к уху ладонь, словно пытался расслышать неведомого подсказчика. Но всё окутала такая плотная тишина, в которой не было места даже птичьим трелям...

Нет. Незачем.
Пора возвращаться домой...

Глеб, чтобы ничего не готовить, купил по пути горячую пиццу, но — вот досада — коробку уронил в лифте. Пока был в душе, ужин успел остыть и превратиться в какое-то сопливое месиво. Неаппетитно. А, плевать!

Кухонный телевизор работал фоном. Шли вечерние новости.

Ведущая восторженно говорила про новый супер-пупер завод, построенный где-то в окрестностях Петербурга. Мощности, бла-бла-бла, инвестиции, бла-бла-бла, инновации, бла-бла, новые рабочие места, бла-бла, слово директору, бла...

На столе зачирикал уляпанный жиром телефон. Глеб кинул взгляд на дисплей — номер незнакомый. И, судя по код-префиксу, не местный. Кому это он понадобился субботним вечером?

Отключив пультом звук телевизора, он протёр трубку рукавом халата, и, коснувшись иконки «ответить», поднёс аппарат к уху.

— Алло?

Тем временем экран ящика расцвёл знакомой физиономией... Что?!

— Здоров, дружище, — раздался из трубки подзабытый за год голос. — Извини, что так долго молчал. Реально зашивался. Заводец строил. Только вчера открыли. Новости не смотрел? Включи, как раз сейчас...

С экрана, беззвучно раскрывая рот, что-то вещал, как гласила подпись, «директор завода». Николай Арепо.

— Коля?

— Коля, Коля, — раздалось из трубки. — Я чего звоню-то. У нас с Любашей на следующей неделе серебряная свадьба. Надеюсь, будешь?

— Какая свадьба? С кем? — Глеб не верил собственному слуху.

— С кем серебряная свадьба бывает, Глеб? Не тупи. Уже четвертак разменяем, прикинь. Ну? Чего молчишь?

Николай с экрана исчез. Теперь показывали какого-то лысого толстяка в очках. Должно быть, очередного эксперта.

Глеб прикрыл веки и помотал головой. И в ту же секунду услышал из телефона:

— Глебка, твоюют! Ты куда пропадаешь? Да что такое с этой чёртовой связью?!

— Я это... — Глеб прокашлялся, попытался взять себя в руки. — Только из-за города прикатил. Подустал малёха. В Слансарге был. Тебе... Тебе название ни о чём не говорит?

— А о чём оно должно мне сказать? — голос друга звучал непосредственно. И вполне искренне.

Неужели он... Он не помнит? Но... как же? Как?!

— Да так, — улыбнулся Глеб своим мыслям.

На автомате кинул быстрый взгляд за межкомнатную арку, в гостиную. Усмехнувшись, подмигнул подсвеченному изнутри зеркальному шкафу с коллекцией минералов. Потом встал из-за стола, не спеша приблизился к окну. Стемнело. Город зажигал фонари и рекламу. Громада нового кино-мультиплекса оставалась пока чёрной. Что они, вывеску включить не могут? Мало того, что название дали идиотское — «USATORI» — японское какое-то... японаматское, так ещё и...

— Глебка! Да что с тобой сегодня? — в голосе друга звякнула нотка обеспокоенности. — Может, мне попозже перезвонить?

— Не, не надо, — опомнился Глеб. — Когда, говоришь, отмечать будете?

— В субботу. В «Гранд-паласе» на Мойке. Но если ты забьёшь на работу и приедешь в четверг, то в пятницу мы с тобой хапнем мясца, коньячка и махнём на природец. Шашлычок заварганим. Вдвоём, а? На электричке. Ну как, брат, заманчивое предложение?

— Заманчивое? Не то слово, Колян! — ответил Глеб и чуть не рассмеялся.

Наконец, лампы за окном проморгались, и гигантские буквы на крыше кинотеатра вспыхнули огненно-красным, выстрелив в мрачное досель небо торжественным салютом.

Вот только «U» через пару секунд потухла.

А «I» вообще не зажглась.

Кошкинд

Его нашли на Варшавском вокзале зимой 1923-го.

На вид мальчонке было лет восемь-девять, не больше. Он сидел, забившись в угол — грязный, жалкий, дрожащий от холода и страха, завернувшийся в засаленную, пропитанную всей грязью войны солдатскую шинель, с размазанными по лицу соплями и обломком черствой баранки в крохотной ручонке, покрытой страшными язвами. Мимо сновали взрослые, все как один безразличные и равнодушные, похожие на ожившие статуи. Изредка, подволакивая ослабшие от голода лапы, трусили туда-сюда тощие шавки, очень нехорошо, по-звериному недобро — как на жратву, поглядывая в его сторону.

Потом перед детскими глазами выросли высокие серые валенки в блестящих галошах, а откуда-то сверху, словно с благословенных Господом небес, прокатился раскатом густой бархатистый бас:

— Что ж ты, парнище, неуж помирать прям туточки собрался? Ну, этого я тебе, братишка, никак не позволю.

Ещё через секунду к мальчику опустились две огромные, грубые и теплые, терпко пахнущие луком ладони, подхватили его с пола и крепко прижали к дорогому и мягкому черному сукну роскошного барского пальто.

— Да ты не бойсь, милай, — пропел всё тот же голос, только теперь он звучал тихо и ласково, в самое ухо, — не бойсь. Всё, паря, хорошо. Просто замечательно теперь всё...

Самуил Кошкинд, статный высокий блондин среднего на глазок возраста, не лишённый той грубоватой мужественной привлекательности, что так нравится представительницам прекрасной половины человечества, вышел на балкон третьего этажа босиком, в домашних трениках, растянутых на коленях, в белой майке. Встал у перил с крохотной чашечкой ароматного, только что заваренного в медной турочке кофе и длинной тонкой сигаретой шоколадного цвета.

Он крайне внимательно, по-хозяйски, оглядел привычный глазу пейзаж — недавно отремонтированную автодорогу набережной, коричнево-маслянистую гладь Обводного, на том берегу — жутковатую кирпичную громаду «Красного Треугольника», издохшего в агонии девяностых. После рекогносцировки сделал маленький глоток и глубоко затянулся, сократив длину сигареты на треть, но жизнь, увы, ни на долю секунды.

Из комнаты сквозь колышущуюся тюлевую занавеску донесся томный, до конца ещё не проснувшийся женский голос приятного консерваторского тембра:

— Муля-а-а... Прикрой дверь, хо-о-олодно!

— Хорошо, родная, — тихо, никому кроме себя не слышно ответил Самуил, однако не сделал ни единого движения, чтобы исполнить просьбу.

Кошкинд сосредоточился на предстоящем. Сейчас ему не было дела ни до кого стороннего. Даже до той, что горячо и самозабвенно любила его последние два месяца...

Перерезавший жизненный путь тогда, неприятной сырой зимой двадцать третьего года, мужчина, подобравший ребёнка на вокзале, оказался ни кем иным, как Виктором Стрельниковым, известным в очень узких кругах специалистом по решению деликатных проблем. Человек на первый взгляд добрый и весёлый, душа компаний, на истинную поверку — для посвященных, конечно — числился штатным монстром и хладнокровным чудовищем, для коего не было в мире ничего святого. И мальчонка-то ему понадобился только для грязной своей проклятушей работы. На раз.

Стрельников жонглировал человеческими жизнями с дьявольской легкостью — травил, стрелял, резал, устраивал катастрофы, устраняя неудобных и провинившихся. С искренней самоотдачей трудился на новое правительство и фигурой считался неприкосновенной. Посему в выборе гнусных средств не стеснялся и после актов особо не прятался, замечая следы порой слишком небрежно. Но фантазию проявлял замечательную, потому как просто так кого шлёпнуть — безыскусных мерзавцев и так полон эшелон.

Сейчас же дельце предстояло в высшей степени интересное. Надобно было учинить расправу над знаменитым французским журналистом, пребывающем в молодой Советской

республике по заданию французских коммунистов. И Виктор озадачился не на шутку. Хотелось всё сделать не просто чисто. Виртуозно. Чтоб никто ничего даже не заподозрил.

Жюль, так звали француза, человеком был не просто авторитетным и в широких европейских кругах известным, но прямым и открытым, поэтому и русские репортажи его читали по всему миру. В острых статьях вездесущего иностранца наряду с положительными отзывами о послереволюционном строительстве общества звучало много такой критики, с которой нынешние правители согласиться не могли, но и напоказ всему белу свету переборы свои, жестокости и глупости выставлять, естественно, не стремились.

Самое ужасное, что Жюль не давал абсолютно никаких поводов к собственному выдворению за пределы молодой социалистической республики. Более того, в столицу, коей вновь стала Москва, за правительством, где был бы под неусыпным чекистским оком, проклятый иноподданный не последовал. Остался в Петрограде-городе, бунтарскими своими настроениями известным. Недобитые эсеры и монархисты, те, что не покинули Россию с первыми волнами эмиграции и чудом выжившие, потихоньку выползали из затхлых нор своих, и, будучи людьми бесспорно грамотными, настроение вокруг себя создавали нервическое. Француз хоть и был честным коммунистом, в стороне от стихийных и, увы, не всегда бескровных, дискуссий оппонентов с большевиками оставаться не мог. Тем и заслужил тайное недовольство власть имущих.

Стрельников, получив задание, хотел было поначалу изобразить пьяную драку с летальным исходом, да вот только Жюль совсем не потреблял ни вина, ни чего покрепче, а посему мест разгула буйной шантрапы избегал и в позднее время в одиночку не шлялся. Можно было устроить вооружённый налёт на квартиру, да только жил француз в номерах «Англетер», плотно и неусыпно охраняемых чекистскими да военными патрулями. Своих же подставлять ну уж никак не смотрелось. Да и просто травануть подонка тоже бы выглядело моветоном — ресторанная кухня при номерах славилась свежестью продуктов и мастерством поваров старой школы. Гастрономическое лицо города! А в иных местах, если только не на приемах городских властей, осторожный писака не перекусывал. Даже воду с собой возил в серебряной фляжечке.

В общем, почти целый месяц изучал Виктор привычки и склонности неподатливого иностранца. Мозг его вновь, как в былые весёлые времена, работал, словно часы. Но отпущенное на операцию время истекало. Пора было что-то и предпринять. Опыт опытом, который, как известно, не пропьёшь, но гармонирующий со всем целым полотном вариант прорисовывался лишь один. Не сказать, что такой уж сверхпревосходный, однако с точки зрения демонстрации мастерства — ничего себе.

Было у писаки слабое место. Было! И не использовать сей пунктик сочтётся за большущий грех. Так представлял себе Стрельников, мысленно лелея раздутое эго своё.

Дело в том, что сентиментальный француз был буквально повёрнут на детях. И непременно хотел усыновить в России мальчонку. Беспризорника. Вопросик-то вроде не сложный, вона их сколько после войны по переулкам шастает — любого бери, не ошибёшься. Да только Жюль, хоть и француз по паспорту, роду-племени был иудейского, и ребёнка себе корнями из русских или каких иных нацифиннов ни в коем разе не желал. Еврейские ж родители, коль только остались живы в мясорубке последних лет, чад своих берегли не чета прочим. Всех же бродяжек одиноких, вследствие слабой тех приспособленности к жизни на улицах, относительно, конечно же, местных — славян и прочих чудо-вепсов — чекисты давным-давно поывлавливали и определили в спецкоммуну воспитательного типа.

Обретя цель, почти неделю рыскал Стрельников в поисках подходящей натуры, пока, наконец, не наткнулся на Варшавском вокзале на нужный типаж. Чумазый оборвашка, забившийся в угол, внешне подходил как нельзя кстати. Ничего, что волосы светлые — такое встречается. Зато профиль какой! Ей-ей, римский. Носяра знатный, с горбинкою. Да и серые глазищи по форме, что твои оливки из «Елисева». Главное, пацана правильному имени научить — скажем, будешь Мойшей каким аль Абрашкою, — да в нужное место в нужное время пред глазами проклятого иностранца вынуть-поставить. Поведётся, сволочь. Никуда, паскуда, не денется...

Да только мальчуган оказался вовсе не так прост, как виделось в мыслях Виктору. Ласку подлого убийцы отчего-то за искреннюю не принял. Хоть сел на руки, однако говорить со Стрельниковым решительно отказывался. Молчал себе. Какие уж тут инструкции? Хотя... может, немой? Неплохо, коль так. Без слов — оно и ещё деликатнее.

Пока ехали в пролётке к «Англетеру», Стрельников проделал несколько непонятных непосвященному манипуляций. Сперва обвязал по поясу мальчонкину шинель своим шарфом, предварительно извозяканым о колесо. Потом, улыбнувшись чёрным мыслям, заткнул за него

сбоку оборванную обложку от какой-то детской книжки-брошюрки, должно быть забытой рассеянным пассажиром и найденной теперь хитрым решальщиком. Оторванную не целиком, а лоскутом, с шуткой и намёком. И с двумя лишь жирными строчками — одна над другой:

**«Самуил
КОШКИН Д».**

Третьим действием, предварительно натянув перчатки, заколол английской булавкой отворот шинели. Под горлом. Мол, разве не добро содеял? Добро. Это чтоб не просквозило бедняжку на февральском ветру. Но на самом деле, булавка та была зело хитрая, отстегнуть её, не зная секрета, не уколов палец, никак не получится. Острие же пропитано ужасающей силы ядом, действующим не сразу, через недельку-полторы, но безотказно. Вызывая сильнейший сердечный приступ.

Вот только чего ж он так смотрит-то? Волчонок... Словно понимает всё, мерзавец. Да и пусть. Сдохнет вместе с французом — не велика потеря. Проговориться всё одно не сможет. Дай-то Бог...

Жюль обычно выходил из номеров около полудня. Привычки менял редко, если только что-то экстраординарное. Вот и сейчас, оказавшись на улице, он первым делом огляделся, ища глазами свободный экипаж. Таковой отыскался чуть поодаль, на краю площади. Француз, сунув два пальца в рот, оглушительно свистнул и махнул заметившему его кучеру рукой. Мол, давай сюда!

Тот, стеганув бойкую каурюю лошадку, ловко развернул пролётку и через минуту остановился у крыльца.

— Куда изволим, товарищ-барин? — громко спросил возница.

— По Галерной поедем. К верфям, — ответил пассажир, поставил ногу на ступеньку и, увидев в уголке на диванчике грязного сопливого ребёнка в шинели, выругался: — Мерде! Что за чёрт?

Кучер, оглянувшись, смачно сплюнул на землю и поднял хлыст:

— Ах ты гадёныш! Морда жидовская! Я тя щас...

— Стоп, стоп, стоп, — перехватил журналист занесенную для экзекуции руку. — Не надо! Кто это?

— Этот? — ещё раз сплюнул кучер. — Да никто! Мулька Кошкин, шваль беспризорная. Ух, я ему!

— Муля? Самуил? — в голосе иностранца почувствовалась заинтересованность. — Он не еврей?

— Мулька-то? В тютельку, товарищ! Жидяра, — кивнул кучер. — Отродье банкирское. Папашку еврейного, кровососа, наши на фонарном столбе ажно в семнадцатом вздёрнули, мамка — та раньше ещё, до самой революции издохла. Ух, чтоб их всех...

Но француз уже не слушал. Он, подхватив мальчика на руки и крепко прижав к себе, почти бегом направлялся обратно в гостиницу. Кучер же, глянув исподлобья в сторону импозантного господина-товарища в чёрном пальто, стоящего неподалёку с папироской, кивнул ему и, распустив хлыст, стеганул кобылку.

Стрельников, бросив на мокрую мостовую окурок, отпихнул его от себя носком галоши и улыбнулся. Но нехорошо улыбнулся — у возницы аж морозец по коже прошёл.

Как и полагал специалист по тёмным делам, француз скончался через неделю. От скорого и необратимого сердечного приступа.

Проблема была устранена.

Мальчик же, которого журналист так и не успел усыновить, остался вновь один. Правда, на этот раз с выправленной метрикой на имя Самуила Кошкинда, 1914-го года рождения. И, если быть до конца откровенным, то не один всё-таки, а в компании себе подобных воспитанников детской учебно-трудовой коммуны на Старопетергофском. В известной Шкиде.

За ту неделю, что была прожита с добрым Жюлем в роскошном номере «Англетера» Самуил, будем называть его так, оттаял. Был отмыт, накормлен и обласкан поистине отцовским к себе отношением. Даже говорить начал, рассказывать. Жюль, узнав от приёмышы, что тот ни судьбы своей, ни настоящего имени, данного при рождении, не помнит, как, впрочем, и самих родителей, вопреки собственным ожиданиям не расстроился. Наоборот — должно быть в паренёке

было что-то особенное — привязывался к нему всё сильнее и сильнее. С каждым часом. С каждой минутой.

Эх, если б не проклятая булавка!

Кошкинд в школе при коммуне учился отлично, лишь совсем изредка получая отметки «хорошо». Однако после выпуска из интерната в институт не пошёл, а, закончив годичные курсы красных командиров, был распределён в один из особых полков, где продолжил осваивать премудрости военной разведки.

Репрессии, начавшиеся в середине тридцатых, их полка не коснулись. Партийные руководители словно чувствовали, что своих шпионов и диверсантов, в чьё образование были вложены немалые средства, изничтожать получится себе дороже.

Самуил же был лучшим из лучших. Ещё до войны, имея невероятную способность к усвоению иностранных языков, он успел поработать и в Штатах, и в Германии, и даже в Японии, откуда неизменно поставлял на родину важнейшие сведения.

Никто не понимал того рвення, с которым Кошкинд осваивал все известные миру способы противоборств, сложнейшие приёмы силовой борьбы и рукопашного боя, работу с холодным и стрелковым оружием. Коллегам, владеющим хоть половиной частью его навыков, едва ли мог противостоять один на один самый изощрённый и опасный враг. Однако Самуил для себя вполне представлял, для чего ему это всё нужно. И представлял чётко и ясно.

Удивительно, но после всех долгих лет, прошедших со времени достопамятного зимнего утра на Варшавском вокзале, когда Кошкинда подобрал страшный человек в богатом чёрном пальто, лицо этого изверга ничуть не забылось. Жуткие тёмно-карие глаза, словно пропитанные засохшей кровью, ласково-тёплые, но грубые, пахнущие луком, ладони, массивный тяжёлый подбородок, крючковатый длинный нос.

Это лицо мелькало то тут, то там. Вот он на фото на стеночке в разведшколе. Стоит, щурится недобро объектив за спиной наркома Ежова. Вот в «Правде» промелькнул. Опять же на фото и снова за спиной. Только теперь в тени личности самого Хозяина...

Потом была война.

Кошкинд в составе отдельной разведроты, перебрасываемой с одного фронта на другой, для победы сделал немало. Но, что удивительно, дошёл до Берлина не только ни единожды не раненый, но и никого не убив. Да, искалечил он врагов не одну сотню. Порой раны наносил страшнейшие, но не смертельные. Человек после них навсегда мог остаться инвалидом, но жить оставался при любом раскладе.

Самуил знал, то есть, скорее — чувствовал, что лиши он кого-то жизни, жизнь его собственная превратится в нечто другое, неземное и страшное, если вообще тут же не кончится, посему обещание, данное себе же, не нарушил и в тот момент, когда с одним ножом «играл» в кустарниковых зарослях в прятки-салочки с дюжиной немецких карателей. Еле, кстати, выкрутился, чудом не нарушив табу, хоть тогда на миг и засомневался в силах своих. Выручил опыт. Ну и удача, конечно. Куда ж без неё?

После войны Виктор Стрельников тоже изредка бросался в глаза. Да, да! Теперь Кошкинд знал его имя, что намного упрощало негласное наблюдение за давним «приятелем». Появившись однажды, в конце сороковых, в «Красной Звезде», на последней её полосе в заметке-поздравлении с юбилеем под собственной нечёткой фотографией, убийца позволил себя идентифицировать. Генерал-майор Стрельников, бывший СМЕРШевец, начальник одного из управлений генштаба. Вы только посмотрите, коллега! Что ж, тем интереснее будет встреча. А она будет, не сомневайтесь, товарищ генерал. Пусть не сейчас, через годы, может, десятилетия, но состоится обязательно. Лишь бы с Вами ничего не случилось. Дай Бог долгие лета...

Между тем, творилось нечто странное. Месяц бежал за месяцем, год за годом, проползали десятилетия. Немногочисленные друзья Кошкинда, его боевые товарищи, неуклонно старели, уходили на пенсию, умирали. Сам же Самуил, достигнув однажды пика своей формы или, как говорят, окончательно возмужав, внешне меняться перестал. Словно само время остановилось для Кошкинда, не давая дряхлеть его телу.

Как выглядел он в пятидесятом, таким и остался к шестидесятому, семидесятому, восьмидесятому... Вот уж двадцатый век окончился, первое десятилетие двадцать первого прогремело на всю страну новой индустриализацией, теперь — капиталистической, а военный консультант Кошкинд в свои девяносто с гаком дал бы фору любому своему внуку, если б они у него только были. Свои-то.

Многоопытные врачи военных спецклиник все как один от такого феномена лишь руки в стороны разводили — чудо! Его б его на опыты, глядишь, эликсир бессмертия появился б на прилавках. Ан нет, нельзя. Секретность наивысшего государственного уровня. Государство ж своих тайн кому попало не открывает. Хорошо, само активно не пользуется, а то б замучили отставного полковника Кошкинда в лабораториях за семью заборами.

Но и отрицательных сторон в такой жизни немало. Ни жениться нормально нельзя, с любимой женщиной состарившись вместе, ни потомство за собой оставить — чёртово бесплодие. А уж с заменой документов вообще беда. Хорошо — связи. Но каждые пять лет паспорт менять, с места на место переезжать, из города в город, чтоб у дотошных соседей подозрений не вызывать своей вечной молодостью. Ужасно...

Впрочем, и со Стрельниковым происходило нечто подобное. Самуил несколько раз терял его из виду, но спустя десятилетия неизменно отыскивал. Такого же молодого и крепкого, как и он сам. Вот только встретиться по-прежнему не получалось. Самуил в Корею, Стрельников в то же самое время на Кубе, при посольстве. Кошкинда в Индокитае бросают, Виктор в Анголе. Один в Афганистане, другой в Венесуэле какой-нибудь... И так постоянно.

Три месяца назад, отработав контракт в Сербии, Самуил Кошкинд решил взять годичный отпуск, пожить на родине. В Петербурге на набережной Обводного ждала его пыльная двухкомнатная квартирка — холостяцкое пристанище. Скромненькое, но удобное. В малозаметном старинном доме с посеребрившим от времени оштукатуренным фасадом. Не так далеко Екатерингофский парк с удобными для утренних пробежек дорожками. За углом уютная кофейня, где можно выпить чашечку ароматного Espresso и не спеша пролистать свежую газету.

В этой самой кофейне и промелькнул однажды знакомый чёрный силуэт. На входе. Или на выходе, тут уж кому как.

Самуил узнал Стрельникова сразу. Потому и не обернулся. Дождался, пока тот скроется за углом, а потом, натянув на глаза неброскую серую бейсболку, осторожно двинулся следом. На расстоянии, чтоб не спугнуть.

Виктор, видимо забыв об осторожности, шел быстро, не оглядываясь. Перебрался по мосту на другую сторону Обводного, перебежал дорогу на красный сигнал светофора и, свернув налево, рванул к руинам «Красного Треугольника». Кошкинд уверенно следовал за ним шагах в пятидесяти, вполне удачно изображая торопящегося по своим делам горожанина. Наконец, Стрельников, с силой рванув тяжёлую дверь заводской проходной, скрылся в чреве жуткого здания.

Ага, вот оно где твоё логово.

Самуил чувствовал, что не ошибся. Интуиция за последние годы его не подвела ни разу. Когда ж вечером в одном из верхних окон жуткой башни «Треугольника», тех, в которых ещё остались стёкла, блеснул лучик света, неосторожно кинутый электрическим фонариком, молниеносный, но явный и отчётливый, Кошкинд осознал со всей ясностью — развязка случится скоро. Завтра. Что ж, тем лучше...

Господи, неужели в мире может быть столько грязи, разрухи и запустения?

Лестница, ведущая на башню, всем своим видом не внушала ничего кроме отвращения. Погнутые сварные перила, обвалившаяся штукатурка, битые бутылки, обрывки старых газет, шлепки засохших фекалий, дохлые крысы, кошки, мусор, мусор, мусор... И жуткий смрад. Выбитые двери на разных этажах открывали пейзажи подобные лестничным. Мерзость.

Но на самом верху, на площадке не только выметенной, но, похоже, и регулярно влажно-убираемой, пахло свежей масляной краской. Посреди глянцевого зелёного стены высилась солидная металлическая дверь порошковой покраски, ручка горела полированной медью.

Самуил, на минуту растерявшись и не зная, как поступить дальше, остановился за пару шагов до двери. Рукоятка наградного «ТТ», взведённого, но на предохранителе, покрылась от ладони испариной. Там, внутри помещения, кто-то был. Чувствовались признаки жизни. Он.

— Ну, чего застыл, входи уже! — раздался из-за двери хорошо знакомый, но слышанный почти век назад голос.

Кошкинд насторожился.

— Муля! Тебе говорю, — снова раздалось из-за двери.

Чёрт, прокололся. Но где? Когда? Как? А-а, какая теперь разница?!

Самуил спрятал пистолет в наплечную кобуру, запахнул ветровку и, решительно надавив на ручку, распахнул дверь.

Стрельников сидел посреди небольшой, со следами недавнего ремонта, полупустой комнаты в одном из глубоких кожаных кресел, установленных по бокам элегантного журнального столика, заставленного чашками на блюдцах, фарфоровыми чайничками, вазочками с печеньем и конфетами. Второе кресло пустовало.

— Не стесняйся, Самуил, присаживайся. Я со вчерашнего вечера тебя жду, — улыбнулся Виктор.

Кошкинд снял кепку, бросил её на стойку-вешалку хромированной стали, прошёл к креслу и, вздохнув — шумно выдохнув, уселся. Словно провалился в облако.

— Убивать меня пришёл, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс Стрельников. — Что ж, понимаю тебя прекрасно. И препятствовать не собираюсь. Сил больше нет, устал смертельно... Только выслушай меня сперва, хорошо?

У Самуила от волнения пересохло во рту. Но, собравшись, всё-таки кивнул.

— Вот и славно, — вновь улыбнулся Виктор. — Я за тобой, парень, давно наблюдаю. С тех самых времён, когда подобрал на Варшавском. Помнишь? Помнишь, вижу. И знаю, что забыть такое у наших не получается. У кого? Дело в том, Муля... что ты не человек вовсе. Совсем не человек. Или, вообще. Абсолютно. Как угодно. Жаль, я понял это уж слишком поздно... Ты див, Самуил. Самый обыкновенный див. Рождённый в другом мире и принесённый на землю огненным вихрем войны. Пусть и не помнишь того. Но я-то знаю. Потому как сам такой. И здесь мы с тобою с одной лишь целью — не дать угаснуть пламени.

— Пламени? — переспросил Кошкинд. — Вы о войне, генерал?

— О войне? Пожалуй, и о ней тоже, — кивнул Виктор. — Огонь очищает, тебе ж известно. Как ты себя чувствуешь в мирное время?

— Вы представляете, а неплохо, — усмехнулся Самуил.

Тем не менее, чудовищной и глупейшей на первый взгляд информации, донесенной до слуха собеседником, он отчего-то поверил. Безоговорочно. Ждал чего-то подобного? Подсознательно?

— Я ж до сего момента не знал, что я див, — продолжал Кошкинд. — Привык к мысли, что человек. Пусть и... скажем, с некоторыми... эээ... отклонениями. Поведай вы мне тогда в пролётке о происхождении моём, оставь у себя, всё могло бы быть иначе, а так... Подсунули бедному Жюлю, к которому я привязался. Какой в том был смысл?

Стрельников на несколько секунд задумался. Потом взял чашечку с остывшим чаем, отхлебнул пару глотков.

— Смысл... — негромко повторил он. — Да, я ошибся. Полагал, что смысл лежит на поверхности, потому и поленился заглянуть в суть. А ведь чувствовал... Чувствовал! В том беда, Муля, что мы, дивы, слишком быстро проникаемся первой привязанностью. Влюбляемся в своего воспитателя, если угодно. Пытаемся подражать ему во всём. И если тот погибает, мстим до последнего... Вот только Жюль не был их наших, Самуил. Эх... Он был всего лишь человеком, который, ко всему прочему, ненавидел войну. И он, дружище, не мог принять твою природу. Оценить её. При всём желании не мог, понимаешь?

— Понимаю, — ответил Самуил. — И понимаю также, что его природу принял и оценил я сам. Дело же в нашей... эээ... расовой восприимчивости? Так?

— Это и для меня самого стало большим сюрпризом, — вздохнул Стрельников. — Даже подумать не мог, что ты настолько очеловечишься. Нда... Если б не та чертова булавка!

Он вновь смолк.

— Верно. Булавка... Я, кстати, её сохранил, — негромко произнёс Кошкинд, доставая из внутреннего кармана маленький сверточек и кладя его перед Виктором. — Пусть был тогда мал, но сразу догадался, что послужило причиной смерти Жюля.

— Хм. Очень интересно... Взгляну? Можно? — спросил Стрельников, уже протянув руку к свёртку.

— Извольте, — пожал плечами Кошкинд. — Но вы ж помните, что это небезопасно?

— Спасибо за предупреждение, — саркастически улыбнулся генерал. — Я пом...

Слово застыло на кончике языка. Новый секрет сработал, легонько ужалив Виктора в палец. Он поднял на Кошкинда глаза, в которых читался... Нет, не испуг. Скорее, недоумение. Самуил улыбался. Правда, совсем невесело.

— Вы ж сами только что говорили про месть до последнего, — полушепотом произнес он. Вот и... А знаете, генерал, нам с вами действительно среди людей не место. Они сами разберутся,

как им жить. Пламя, не пламя... Им-то есть дело до нашей с вами природы? Да, вы правы. Я очеловечился... Немножко. И если вас это утешит, мне искренне жаль, что генерала Стрельникова совсем скоро не станет. Бродить по Земле без цели — невероятная скука. Даже не знаю, как я с этим справлюсь... Сожалею, что вы тогда меня просто использовали. Честно... Прощайте.

Кошкинд поднялся из кресла и шаткой походкой пошел к выходу. Теперешний яд был попроще того, старого, с помощью которого лишился жизни бедняга Жюль. Этот действовал гораздо быстрее. В общем, Виктор Стрельников тяжело дышал ещё минуты две. Или три...

Вечером того же дня, выйдя из дома за продуктами, потерявший бдительность Кошкинд пересекал по диагонали проезжую часть. И чуть не попал в глупейшее ДТП. Какой-то длинный красный автомобиль с яркой девичей за рулём вылетел на всех парах из подворотни и резко затормозил перед вздрогнувшим Самуилом.

— Дед, да ты с ума сошёл! Охренел?! Жить надоело?! — заорала перепуганная водительница, выскочив из машины.

— Кто дед? — удивился Кошкинд, пожал плечами и, обернувшись на полусогнутых, загляделся в зеркало витринного стекла нового универсама.

На него из-под седых кустистых бровей бесцветными, обрамленными в сетку морщин глазами смотрел сутулый дряхлый старец. Как только на ногах держится? В гроб давно пора, а он...

— Дед? Ты чего, пердун старый? Эй! Не умирай-ка, слышь?... Алло, скорая!

Хроника отстрела

Олег Андреевич Бердялин, некогда вполне приличный семьянин и одновременно уважаемый немногочисленными друзьями и некоторыми коллегами инженер-конструктор, испытал все тяготы и лишения кредитно-финансовой системы на собственной шкуре. Нет, он не скрывался от судебных приставов, не отказывался от уплаты алиментов и счетов за услуги ЖКХ. Он вообще не имел долгов. Разве что один единственный. Перед Родиной. Отдать который ему в своё время помешало банальное плоскостопие.

Бердялин в начале девяностых, когда родной завод перестал оплачивать труд своих работников, каким-то чудом устроился кассиром в мелкий банчок, неожиданно организовавшийся на недвижимой базе заводской столовки. Олег Андреевич, надеясь пересидеть год-другой в кондиционированной атмосфере кассового зала, чтобы позже, когда всё наладится, вернуться в родное ОКБ, задержался за купюросчётной машинкой на два десятилетия. А что прикажете делать? Завод тихо ахнул и загнулся, разместив в чревах мёртвых цехов своих торговые центры, рестораны быстрого питания, кинозалы, пропахшие попкорном, и даже невиданное досель в провинциальном Солитёрске чудо — аквапарк с настоящей морской волной и разноцветными пластиковыми горками, напоминающими индивидам, склонным к диалектике, спиральные витки мировой истории.

Банчок же, пройдя тяжкий путь финансового озверения, всем на удивление пережил и инкомы с менатепами, и мрачные августовские дни девяносто восьмого, выдержал, выдюжил, залез под тёплое жирное сиденье каких-то борзых то ли газовиков, то ли нефтяников, и стал довольно крупным и уважаемым банком. С филиальной сетью по всей стране и отделениями в привычно-провинциальных ныне Лимасоле, Гибралтаре и Лондоне.

Но Олег Андреевич карьеры не сделал. Хотя мог. Пока более беспринципные коллеги его перепрыгивали с условно-мягких дерматиновых стульев на велюровые, а затем и в кожаные кресла на колёсиках, карабкались по лысеющим головам неудачников и скользким от слюней и несправедного пота ступеням карьерной лестницы сначала на второй этаж — в отделы, потом на третий — в правление, Бердялин продолжал скромно сидеть за бронированным стеклом этакого аквариума, неспешно считая чужие банкноты. Правда, лет десять назад к должности «кассир» в его трудовой книжке дописали сомнительно-гордое слово «старший», а ещё пятилетку спустя облагодетельствовали списанной из гаража по остаточной стоимости непрестижной ныне фиолетовой «волгой» предпоследней модификации.

Вялотекущая семейная жизнь Олега Андреевича, словно продолжительная болезнь, мало того, что радостями баловала редкими и уныло-условными, так и закончилась серьёзными

осложнениями. Супруга, которой надоело терпеть рядом со своим телом «дешёвую тряпку», подалась к «настоящему мужику» с подсушенным на лесопилках торсом о пяти синих куполах с крестами, стыдливо выглядывающими из-под растянутой несвежей майки. Ушла, неверная, прихватив с собой сына, которого немедленно определила в суворовское училище, дабы оглоед не путался под ногами во время обещающего затянуться медового месяца. Ну и, до кучи, оттяпав квартиру. Нет, понятно, что «ушла» — громкое слово, не имеющее с фактическим положением дел ничего общего. Вынужден ретироваться был как раз сам Бердялин. Если уж быть до конца откровенным, Олег Андреевич с законных квадратных метров подвергся изгнанию с применением грубой физической силы тем самым «настоящим мужиком» по имени Леонтий, что следующие полгода занимал место возле тела бывшей супруги, а потом... Впрочем, о «потом» и речь пойдёт потом. Потерпите немножечко, хорошо?

Пока же всё шло своим чередом.

В безумных водоворотах неурядиц наш кассир мог сгинуть вполне себе. С его-то неприспособленностью к жизни. И если б не воистину счастливый случай, толкнувший под колёса троллейбуса родную бердялинскую тётку, не имевшую наследников кроме самого Олега Андреевича, даже не ясно, куда б он отправился жить-бытовать. Мож, на чердак какой, а возможно и в зловредно пахнущий метанами канализационный люк — с зарплаты кассира-то, пусть и в процветающем банке, на квартирку не скоро накопишь. Однако всё что не делается, как известно, к лучшему. Унаследованная однокомнатная квартира в центре, освобождённая с помощью вмешательства так вовремя подоспевшего общественного транспорта, насущный вопрос со средой обитания решила в течение трёх секунд. Живи б, казалось, и радуйся счастливым стечениям...

Нда... Считать чужие деньги — занятие неблагодарное и в высшей степени неблагоприятное. Характер портится. Жутко.

Может быть, это обстоятельство, может, жизненные пертурбации, но, вероятнее прочего, дремавшие досель в душе мелкие бесы, довольно быстро превратили Олега Андреевича в человека угрюмого и злопамятного. Нет, на людях-то он по-прежнему выглядел спокойным и дружелюбным, таким лишённым стяжательных амбиций интеллигентом в воображаемой шляпе, всегда готовым ответить на любую полученную пощёчину подставой второй щеки. Похвально, конечно, с точки зрения занимательной теологии, но в обществе, где все друг другу давным-давно волки с крокодилами, не очень выгодно и чревато сердечными коликами.

Изо дня в день глядя с той стороны стекла на толстосумов, что несли в банк на депозиты чемоданчики, чемоданы, а порой и чемоданища с банкнотами твёрдых валют и крупных достоинств, Олег Андреевич — раньше спокойно, а теперь с какой-то внутренней яростью — вопрошал к равнодушным небесам: ну почему я должен считать их деньги? Отчего не наоборот? И запечатлевал образы наиболее привилегированных клиентов в своей нехорошей памяти. Мол, найду я на вас управу, олигархи хреновы, придёт ещё моё время!

Но «денежные чемоданы» продолжали идти, а счастливое время Бердялина робко топталось на месте, боясь сделать неверный шаг.

Да и проклятая совесть не давала покою.

Нет, не сказать, что фактурой Олег Андреевич обладал жидковатой. Обычную имел комплекцию. Вполне себе среднестатистическую, если можно так выразиться. Статью и мощью своей несколько не уступал, а то и превосходил ненавистного «настоящего мужика» Леонтия, того самого, что вытурил его из дому и лишил еженедельных, но, отнюдь, не совсем уж бесприятственных моментов исполнения супружеских обязанностей. Вместо того чтобы дать зарвавшемуся урке в рог и показать свихнувшейся бабе, кто есть в доме хозяин, а кто — пресловутая дешёвая тряпка, наш кассир тихонечко ретировался, оставив комплект ключей в прихожей на перчаточной полочке. И это в самый момент, в краткое мгновение супружеских душевных колебаний, связанных с утверждением в её сознании новых приоритетов! Кошмар! Да-да, вот так вот молча и скоренько собрал старый коленкорный чемоданчик, с коим в детстве катался по пионерлагерям, и, получив обидного пинка от нахального преемника, лихим горнолыжником скатился с лестницы на гладких подошвах модельных туфель из качественного кожзаменителя.

Нехорошо получилось. Некрасиво. И осадок остался мутный.

Однако исправить ошибочку всегда можно, не правда ли? Отомстить, как литературный граф Монте-Кристо. С чувством, толком, расстановочкой и гордо поднятой головой. Чтоб запомнили, суки драные, как над культурными людьми измываться!

Но подобно инертному ожиданию прихода «денежного времени» Бердялин и способ мести избрал воистину устрашающий. Лежал себе на койке поверх лоскутного тёткиного покрывала и планировал, как пойдёт однажды в спортзал, где быстренько накачает бицепсы с трицепсами, отработает на боксёрской груше апперкот и хук слева, а потом подкараулит в тёмной подворотне мерзкого Леонтия и так отмудохает, что у того разом поломаются и руки, и ноги, и рёбра, и все прочие органы, не обладающие природной эластичностью. Впрочем, дальше мечтаний дело не шло: то спортивную форму надо было думать, какую покупать — красную или, может, чёрную? Или синюю с белыми вставками? То досадные минусы в фитнес-центрах выискивать — в «Атланте» боксёрских груш и перчаток нет, в «Граните» шкафчики не запираются, а в «Юниверсуме» вообще бассейн на ремонте. Разве ж сработает зловещий план без бассейна и шкафчиков?!

А тут лихим игом и новая проблемка со свистом подскочила на почве затянувшейся депрессии. Олега Андреевича одолела бессонница...

Если не считать разных побочных средств, предлагаемых нам фармацевтической химией и народно-целительной медициной, существует лишь два проверенных способа бороться с этой напастью. Первый — считать овец или других представителей окультуренной фауны, пока не сомкнутся веки. И второй — читать что-нибудь нудное и тягучее до тех пор, пока не одолеет зевота и не возникнет стойкое желание перебраться в мир грёз.

Химию, да и травы чудодейственные Бердялин отмёл сразу — первую от принципиального неприятия, вторых — из лениности готовить отвары, настои и прочую подобную ерунду сомнительной эффективности. Воображаемую скотину в мозгах оцифровывать тоже не возникало желания — на работе Олег Андреевич так насчитывался, что порядковые числительные в домашней обстановке его бесили не меньше воспоминаний о местных олигархах и «настоящем мужике». Оставалась литература.

Ухватившись за нить воспоминаний, какие книги он не смог одолеть во времена освоения школьной программы, Бердялин тут же вытянул на свет Божий увесистый томик жидкобородого игромана. Не откладывая решения проблемы в долгий ящик, Олег Андреевич выдернул с полки интригующую названием книжицу и, раздевшись, нырнул под одеяло. Удивительное дело, но он так увлёкся повествованием, что даже не заметил, как в незашторенное окно скользнул солнечный луч. А через минуту зазвонил будильник.

После бессонной ночи, проведённой в компании ростовщиков, малолетних шлюх и нервических студентов с топорами из века позапрошлого, в столетие нынешнее и на опостылевшую работу выходить желания не возникло. Да и сил, впрочем, не было. Позвонив начальнице и сказавшись больным, Бердялин с лёгкостью взял первый в своей жизни отгул. Из тех, что за долгую и беспорочную у него скопилось, должно быть, не меньше сотни. Спать хотелось неимоверно. Вот и зевота напала, веки сомкнулись... Из-за окна послышалось ритмичное шушание — вышел на охоту за асфальтовыми нечистотами радивый дворник. Чтоб его! Из форточки в засранца запустить чем-нибудь тяжёлым, что ль? Нет, нехорошо. Грубо...

И тут Олег Андреевич вдруг вспомнил какой-то давний фильм, в котором вполне себе обаятельная дама-психоаналитик учила пациента избавляться от дурных мыслей, мысленно же устраняя людей, эти невесёлые думы вызывающих. Бердялин тут же представил, как он со снайперской винтовкой подходит к открытому окну, передёргивает затвор и, прицелившись, стреляет в дворника... Ах, какой выстрел! Враг повержен, лежит на асфальте в луже собственной крови, а рядом проклятая метла... проклятая метла... проклятая метла...

Олег Андреевич пробудился лишь вечером. И то не по своей воле. Турецким маршем надрывался телефон.

Подняв трубку и прижав её к небритой щеке, он, неузнаваемым спросонья голосом, выдал из себя тихое:

— Аллё?

— Олег Андреич? — раздалось из динамика.

— Да, он самый, — кивнул книжному шкафу Бердялин.

— Это Пастухова. Как вы себя чувствуете? — звонила начальница.

— Спасибо, Виктория Павловна, лучше, — не стал врать Бердялин, — завтра выйду.

— Вы... это... У меня тут мысль одна возникла, Олег Андреич...

Мысль возникла? У Пастуховой? Бердялина такой поворот событий повеселил, но и заинтриговал. Начальница расчётно-кассового центра острым умом совсем не отличалась. Зато выглядела в свои двадцать пять как Лайза Минелли в лучшие годы. Она и должность-то свою нынешнюю получила... Нет, какое, к чёрту, кабаре?! Проще всё! Через постель Толстогоубова, председателя банка. Чего, впрочем, никогда и не скрывала.

— Делитесь вашей мыслью, Виктория Павловна.

— Мы тут сегодня с Толстогоубовым насчёт вас говорили... — выдала с придыханием Пастухова. Нет, с таким голосом вовсе не в банке работать надо! — Так вот... вы у нас старейший работник... и... в общем, Григорий Сергеевич решил вас премировать горячей трёхнедельной путёвкой в профилакторий «Белые пещеры». С полным пансионом! Да и я только за. Что-то вы в последнее время неважно выглядите... Ну, как вам сюрприз, Олег Андреич?!

Бердялин не верил собственным ушам. От возмущения у него спёрло в зобу.

— Уж, д...д-да... с-сюрприз! Па... па... позвольте, но на дворе январь, а я хотел взять отпуск в июне! — брызжа слюной, выкрикнул он в трубку.

— Да успокойтесь вы, Олег Андреич, — даже по голосу можно было понять, что Пастухова довольна произведённым эффектом, — никто на ваш отпуск не покушается. Пойдёте в июне, как и запланировали. Я ж говорю — пре-ми-ру-ем! Мы ваши отгулы посчитали... Так что... Выезд завтра в полдень санаторским автобусом от здания горсобеса. Или вы на своей машине поедете? Сами решайте! Только с утра ко мне забегите. Возьмёте путёвку и заявление на реализацию отгулов напишете...

Реализация отгулов! Придумают же формулировочку.

Впрочем, такого проявления человечности от собственного руководства Бердялин никак не ожидал, посему согласился. А что терять? Тем более, зарплата сохраняется, и отпуск никуда не сдвинется. Надо съездить, развеяться. Надо! Бессонницу опять же подыстрепить. А ну как поможет смена обстановки вкупе со свежим лесным воздухом?!

Тем же вечером случилось ещё одно замечательное событие, которому Олег Андреевич, впрочем, не придал совсем никакого значения. Был всецело поглощён сборами.

Часа через два после звонка Пастуховой приходил участковый милиционер, интересовался, не слышал ли гражданин Бердялин утром ничего необычного? А ещё лучше — может, видел что странное? Да, да, из окна. Окна ж во двор выходят? Точно, во двор. Нет, ничего не видел, не слышал. Плохо себя чувствовал. Спал как сурок. А что случилось? Да так, ерунда какая-то. Кто-то дворника местного подстрелил. Из снайперской винтовки, представляете?! Нет, слава Богу, не насмерть. Пуля в левое плечо попала. Прошла навывлет. Но сам факт... Ужас! В какие времена живём?! Казалось бы, дворник — самая мирная профессия... после библиотекаря...

В «Белых пещерах» Олег Андреевич не бывал лет двадцать. С тех самых пор как профилакторий по наследству от усопшего завода перешёл на баланс города. Правда, спонсором реконструкции выступила та самая жирная нефтегазовая контора, которая ныне владела и бердялинским банком.

Некогда строгое и мрачноватое шестиэтажное здание, построенное в середине шестидесятых в стиле конструктивизма без негодных и никому не нужных изысков, теперь узнать было не просто сложно. Решительно невозможно! Бердялин даже представить не мог, как пансионат выглядел летом, но сейчас, закутавшись в пушистые снежные «пены морские», он, со всеми своими новодельными пошловатыми балкончиками, вычурными, о китайских львах, крылечками, причудливыми, непонятного назначения «буддистскими» ступами на крыше, напоминал огромный британский пароход эпохи безудержного разграбления Востока, налетевший во время стремительного своего бегства на гигантские рифы. Нет! Не на рифы! Скорее, подобно «Титанику», столкнувшийся с айсбергом (дальнее крыло постройки подпирало отвесную известняковую скалу).

Короче, вид Олегу Андреевичу предстал тошнотворно-сногшибательный. Но весёленький. И так приподнятое настроение нашего кассира совсем не ухудшилось, когда его «волге» нашлось место на отапливаемой подземной парковке. Сервис, бляха-муха!

Номер, прекрасный полулюкс с ванной в мраморе, баром-холодильником и плоским, словно шутки по нему транслируемые, телевизором. Кормёжка в столовой комплексная, но видали б вы те комплексы! Иной провинциальный ресторан позавидует. А ещё — бассейн, сауна, ванны

грязевые и ванны минеральные, массаж, душ Шарко, тир, бильярд, боулинг, теннис большой и теннис настольный, лыжи, снегоходы... Трёх недель мало, чтоб всё перепробовать, испытать все возможные и невозможные прелести постсоветского потребительского рая. Ай, спасибо Виктория Павловна! Не такая уж ты и тварь оказывается. И вы, уважаемый Григорий Сергеевич, хоть и козёл редкостный, но порой об этом забываете...

Первую неделю своего неожиданного отпуска Бердялин спал как убитый. Напрочь забыл о мучивших его нехороших мыслях, а вместе с ними и о проклятой бессоннице. Ещё бы! За день уставал так, что сил оставалось разве что посмотреть по телевизору очередную биатлонную гонку (норвежскому «однофамильцу» Бьёрндалену, за которого неизменно болел Олег Андреевич, в этом сезоне, впрочем, как и во всех минувших, несказанно фартило) да перелезть из глубокого, словно Марианская впадина, кресла в широченную, как былинные просторы, кровать. Утро — бассейн, после завтрака ванны и массаж, обед, часок на пищеварение, потом тир, лыжи, после ужина полюбившийся боулинг. Очень нравились тёплые камни, что обаятельная медсестра Варя, хоть и немолодая уже — бердялинская, наверное, ровесница — раскладывала своими нежными пальчиками по искривлённому годами сидячей работы позвоночнику. Не жизнь — волшебная сказка!

Бердялин балдел. Дней семь или восемь. А потом случайно встретил его. «Настоящего мужика» Леонтия. И ледяная глыба ненависти снова обвалилась на его казалось бы оттаявшее сердце.

Леонтий приехал в «Белые пещеры» с бригадой шабашников перекрывать крышу над бассейном. И надо ж было такому случиться, чтобы столик, за которым откушивал изысканные комплексные яства Олег Андреевич, оказался по соседству со столиком ненавистного врага. За ужином, естественно, взгляды их пересеклись.

Бердялин, будучи человеком интеллигентным до мозга костей, не стал отворачиваться от ядовитого прищура неприятеля, наоборот, легонько кивнул тому в знак приветствия. И немедленно получил в ответ:

— Чё, тряпка дешёвая, нервозы лечишь? Давай-давай, правь здоровьишко. Хотя... оно теперь тебе без надобности. Пиписька-то уж три года как работает только на сортир. А без пиписьки нахрен такая жизнь, а?!

И даже не эти слова были самыми обидными, и не гогот троих шабашников, леонтьевских дружков с такими же звериными, как у «настоящего мужика», мордами, а то, что всё это безобразие видели отдыхающие, которые разом заулыбались и с любопытством уставились на Бердялина. Во всяком случае, так Олегу Андреевичу показалось. Ответив обидчику что-то типа: «да вы, сударь, хам!», он лишь вызвал новый приступ хохота и вынужден был из столовой ретироваться. Ладно, перекусить успел.

Естественно, ни в какой кегельбан Бердялин из столовой не пошёл. Вернулся в поганом настроении в номер, включил телевизор, пощёлкав пультом, нашёл какой-то второсортный боевик и, достав из бара бутылку водки, уселся в кресло.

Он пил белую прямо из горла, не закусывая, почти не пьянея и ничего не чувствуя, кроме ярости, что вздымалась в его израненной душе подобно девятому валу. Толстый китаец из телевизора метелил обрезком трубы какого-то тощего прощельгу, который в наивной надежде на помилование тянул к нему свои окровавленные руки с изломанными пальцами, отчего изверг лишь сильнее свирепел. Бердялин, отхлебывая из бутылки, представлял себя на месте экзекутура, уложившего на грязный пол киногаража мерзкого Леонтия. Тот орал благим матом, умоляя прекратить, испуганно извинялся, по обезображенной харе его текли жалкие слёзы вперемешку с соплями и кровью. Но Олегу Андреевичу было не до прощений. Он поднимал руку с зажатой в неё трубой и опускал на тело несчастного урки, поднимал и опускал, поднимал и опускал... поднимал и опускал...

Фильм давно кончился. Водка тоже. Воображаемый Леонтий, забитый насмерть, валялся в луже собственных телесных жидкостей на заплёванном бетонном полу.

В дверь постучали.

Олег Андреевич, бросив опустевшую бутылку под тумбочку, с трудом поднялся на затекшие ноги и по стенке двинулся в тамбур. Отперев замок, он широко распахнул дверь. На пороге стоял директор профилактория. Глядя своими искрящимися лицемерной радостью глазами в мутные бердялинские, он громко и отчётливо произнёс:

— Олег Андреевич, дорогой мой, я только что узнал об ужасном происшествии, приключившемся в столовой. Прошу вас, простите нас, пожалуйста, за недогляд. Рабочие больше

не будут питаться в общем зале. Мы подумали хорошенько и решили ограничить их передвижение по территории нашего пансионата. Надеюсь на вашу порядочность. Вы ж не станете поднимать скандал? А мы со своей стороны...

— Всё нормально, — резко перебил его Бердялин, — можете ни о чём не беспокоиться. Никаких мер я принимать не собираюсь!

Олег Андреевич захлопнул дверь, из-за которой прозвучало жизнерадостное:

— Спасибо!

— Не за что, — зловеще прошептал Бердялин своему отражению в зеркале и, пройдя в комнату, достал из бара второй пузырь, с которым вновь плюхнулся в кресло.

По спортивному каналу показывали биатлон. Гонку преследования. В жёлтой майке лидера летел к очередному огневому рубежу «великий и ужасный» Оле Айнер. Трибуны неистовствовали, хором выкрикивая имя своего героя:

— Бьёрн-да-лен!... Бьёрн-да-лен!... Бер-дя-лин!... Бер-дя-лин... Бер-дя-а-а-а-а...

Бердялин проснулся затемно. Часы в сотовом показали 02:44. Притихший телевизор светился синим. Башка раскалывалась.

С трудом высвободившись из навязчивых объятий кресла, Олег Андреевич, пошатываясь, прошёл в туалет, где битый час вызывал в фаянсовый рупор неведомого и загадочного ихтиандра. Освободив организм от не до конца переваренного ужина и лишней желчи, он вернулся в комнату и повалился на кровать.

Попытка быстро заснуть окончилась неудачей. Мешала не столько пульсирующая боль в висках, сколь неприятные мысли. Нет, Леонтий отчего-то Бердялина уже не беспокоил. Ну что с него взять? Может, кому и настоящий мужик, но по сути своей — обычное быдло. Пускай живут себе с бывшей, всё равно юношеская любовь давно прошла. Оставалась привычка, от которой, Олег Андреевич теперь точно знал, он окончательно избавился... «Переходящий вымпел достался новому победителю соцсоревнования»... И сына, если тому в тягость, из суворовского можно в любой момент забрать. К себе. Жить, слава Богу, есть где. Хоть в тесноте, да не в обиде.

Сейчас заснуть не давала глумливая ухмылка директора профилактория.

Пришёл извиняться, так извиняйся по-человечески. Искренне. Нет же, за жопу свою боишься... Скандал не поднимайте, пожалуйста... Нужен ты мне, лицемер!

Олег Андреевич отчётливо представил себя знаменитым норвежским «однофамильцем» на огневом рубеже. Он бойко снял с плеч снайперскую винтовку, передёрнул затвор и, задержав дыхание, прищурился в прицел. На месте первого чёрного блина красовалась потная от страха рожа директора. Грянул выстрел! В яблочко! В самый центр лобешника...

Веки Бердялина медленно сомкнулись. Пришёл сон...

Бассейн и завтрак Олег Андреевич пропустил. Проснулся лишь в десять. Быстренько освежившись под душем, надел спортивный костюм, сунул босые ноги в тенниски и отправился на процедуры. Странно, но настроение после вчерашнего происшествия было вполне сносным. Ни обиды на Леонтия с его хамоватыми дружками, ни ненависти к лицемеру-директору.

Медсестра сегодня, впрочем, как и всегда, выглядела просто потрясающе. Только отчего-то даже не улыбнулась. Неужели ей всё рассказали?

— Доброе утро, Варенька, — поздоровался Бердялин. — Камушки мне поставите?

— Здравствуйте, Олег Андреевич, разоблачайтесь и ложитесь, — кивнула медсестра. — Вы у меня сегодня первый пациент. Ох уж... Все разбегаются, словно крысы с тонущего корабля. Впрочем... разве можно кого-то обвинять, когда здесь творится такой ужас?

Олег Андреевич, раздевшись, улёгся животом на разогретый каменный подиум и повернул голову в сторону Вари.

— Какой ужас? Я вас не понимаю, Варя.

— Вы не слышали? — медсестра на секунду застыла над Бердялиным с увесистым катышем в руке. — Да вы что?!

Тёплый камень аккуратно лёг на поясницу. Ласковое тепло заструилось по позвоночнику.

— У нас ночью директора убили. В собственной кровати, представляете? Пустили пулю в лоб... Даже Юля, горничная, спавшая с ним рядом, ничего не слышала. Очень тихо сработали. Наверное, пистолет с глушителем был. Или с расстояния били. Сквозь форточку... Профессионал работал...

В помещение, шумно распахнув дверь, влетел взъерошенный доктор.

— Извините, Варвара Степановна, можно вас на пару слов в коридор...

Олег Андреевич остался в одиночестве. Расслабился. Пока единственный камень, лежащий на его спине, вдруг стал неимоверно жечь, чего раньше никогда не случалось. В голове яркой молнией промелькнуло странное воспоминание — биатлонное стрельбище, мишень, на ней лицо директора, покрытое испариной, выстрел... Бердялин провалился в черноту.

Очнулся Олег Андреевич от хлопка. Снова выстрел? Нет, всего лишь дверью шарахнули. Вернулась Варя.

— Простите, пожалуйста.

Она, один за другим, быстро брала разогретые камни и выкладывала из них тропинку по бердялинскому позвоночнику.

— Не жжёт?

— Нет, Варенька, — попытался улыбнуться Олег Андреевич, — всё хорошо. А доктор... приходил... ещё что-то?

— Даже не знаю, говорить ли вам... — после паузы полушёпотом вымолвила медсестра.

— Да уж говорите, говорите, говорите, — слишком торопливо забубнил Бердялин, хотя откуда-то знал, что новая информация понравится ему ещё меньше.

Варя вздохнула и, наконец, ответила:

— Только что кровельщика нашли на подземной парковке. Избитого почти до смерти.

— Кровельщика? — удивился было Бердялин, но вспомнил, что «настоящий мужик» Леонтий — сомнений в этом факте даже не возникло — прибыл сюда с бригадой ремонтировать крышу бассейна.

— Да, шабашника. Наверное, дружки его и постарались. Ну что за люди?! Перепьются как скоты, а потом отношения выясняют! Неужели по-человечески нельзя, словами...

— Он жив?

— Жив, — ответила медсестра. — Только кости все переломаны, мозг серьёзно травмирован и, похоже, позвоночник перебит... Кому нужна такая жизнь? Овощ... в инвалидной-то коляске. Бедная жена его. Всю оставшуюся жизнь теперь мучаться будет.

— Бедная, — согласился Бердялин. — Будет мучаться.

И попытался тяжело вздохнуть. Но сдержаться не смог — злорадно ухмыльнулся...

Пока Олег Андреевич мирно отдыхал в профилактории «Белые пещеры», его родной Солитёрск стремительно терял инвестиционную привлекательность. Словно само время повернуло вспять, возвращая город в страшные девяностые. Ежедневно что-нибудь нехорошее, но случалось.

В ночь, следующую за той, когда был убит в собственной постели директор пансионата, кто-то дерзкий и безбашенный совершил нападение на начальника городской милиции. Ради справедливости надо сказать, что полковника в Солитёрске не шибко-то и любили. Отъявленный взяточник, готовый за хороший куш прикрыть глаза на любое, пусть даже самое мерзкое, преступление, наглый и беспардонный крышеватель среднего и мелкого бизнеса. Что говорить — поганый был человечиска. И пристрелили-то его в момент, когда он в стельку бухой выползал из сауны, в которой устроил с замами «субботник» для проституток.

Следующим вечером пулю в голову получил прокурор — лучший дружок покойного главмента и такая же мразь. Этот — в собственном «майбахе» возле дома любовницы.

Третья ночь лишила Солитёрск председателя горсуда, четвёртая — главу дорожного комитета горсобрания, пятая — директора нефтекомбината, шестая...

Опера и следователи сбились с копыт, стараясь добраться до неведомой «белой стрелы», учинившей расправу над городским патрициатом, но результатами похвастаться не могли. Пытаясь объединить жертв в хоть какой-то «кружок по интересам», они тоже не преуспели. Разве что личные счета и депозиты те держали в одном банке. Но это мелочь для провинциального городишки обычная. Погибшие силовики и чиновники с казнёнными представителями крупного бизнеса интересы имели не то что не общие, скорее, противоположные. Может, проще всё? На территории Солитёрска действует две группировки? Уничтожают себе друг дружку — планомерно и обстоятельно? Но... но куда тогда прикажете отнести биатлониста?

Биатлониста?! Какого ещё? Чуть это всё, нет его! Слухи, выдумки, молва. Городские легенды. В народе шептались, будто бы перед каждой расправой редкие свидетели видели спортсмена в жёлтой майке лидера с винтовкой за спиной, летящего на лыжах по нечищеным улицам... Бред. Галлюцинация! Да и судмедэкспертиза тому подтверждение — все погибшие

застрелены из боевого снайперского оружия пулями калибра 9 мм. И характерных следов от лыж ни разу обнаружено не было. Скажите, ну причём тут спорт?

Григорий Сергеевич Толстогубов, скатив своё жирную потную тушу с изящного тела Виктории Павловны Пастуховой, взял с тумбочки стакан виски, неаппетитно причмокивая, осушил его в три глотка и, крикнув, произнёс:

— Слушай, Вика-чечевика, твой-то Олег... этот самый... Андреич когда на работу выходит?

— Так завтра из пансионата возвращается. Послезавтра должен быть. А что? — Пастухова губами достала из пачки тонкую сигарету и прикурила её от золотой зажигалки.

— Да так, идеяка одна оформилась, — глядя в потолок, задумчиво произнёс Толстогубов.

— Какая ещё идеяка? — Виктория Павловна приподнялась на локоток и с интересом уставилась на шефа.

— Михалыча-то сегодня на пенсию отправили. Вот... Собираюсь тебя на его должность поднять. Будешь моей замшей по работе с населением. А Олег Андреича на твоё место. Ты как?

— Я? Нормально, — улыбнулась Пастухова. — Давно пора. Лучше б ты, конечно, со своей коровой развёлся и на мне женился...

— Так! — остановил словоизлияния банкир. — Этот вопрос не обсуждается. Забыла? И с тобой дело мне ясное. Я про этого... про Бердулина спросил.

— Про Бердялина, — поправила Виктория Павловна.

— Слушай, какая мне разница, а? Бердулин, Пердялин! Главное, киса, чтоб он с работой справлялся!

— Ну я ж справляюсь! — выдала Пастухова саморазоблачающую реплику.

Толстогубов с любопытством посмотрел в её оливковые глаза, лишённые всякого признака интеллекта, и громко расхохотался.

— И то правда, — утирая запястьем выступившие от смеха слёзы, произнёс банкир. — Значит, так и запишем. Завтра переезжаешь в кабинет Михалыча, а Пердулина своего по выходу сразу ко мне. Замётано?

— Как скажете, Григорий Сергеевич, — по-деловому сухо произнесла Пастухова.

— Ладно, одевайся, кукла. Быстренько! По домам пора...

Вот и пролетел последний день бердялинского пребывания в «Белых пещерах».

Диск луны с размытыми краями просвечивал сквозь полупрозрачные тюлевые занавески.

Сон не шёл. Одолевали думы.

Завтра домой. Эх, хорошо б Толстогубову пришла мысль назначить меня начальником расчётного центра. Можно было б Варе предложение сделать. Она мила... Очень мила! И смотрит так, что... Но разве пойдёт она за простого кассира? Нет... Сволочи! Дождёшься от них! За двадцать лет «волгу» старую и вот теперь пансионат этот. Ух... Ненавижу...

— Григорь Сергеевич, смотри! Лыжник! Ночью! — Виктория Павловна одной рукой потянула Толстогубова за рукав, указывая другой в сторону застывшего в полусотне шагов биатлониста, готового поразить мишени.

— Где? — обернулся Толстогубов и, заметив угрозу, попытался укрыться за машиной, таща за собой наивную любовницу. — Дура, он же в нас цели...

Этой ночью Бердялин спал особенно хорошо.

И пусть мечты его были всегда несбыточны, а надежды давно умерли, но и... врагов не осталось. Ни тайных, ни явных. Никаких.

Да. Врагов не осталось...

«Ну и что всё это значит?» — вдруг спросит кто-нибудь.

«Да так, ничего, — ответит, должно быть, вполне счастливый Олег Андреевич. — Просто всё. Можно спокойно спать».

А-цзы и дети

Странная и загадочная эта история произошла в конце семидесятых годов прошлого столетия в небольшом дальневосточном посёлке Усино, небрежно разметававшем свои улицы по пологому южному склону одиноко стоящей горы Лишанская.

Усино — населённый пункт для нашего соотечественника мало чем примечательный. Пять улочек, расходящихся лучами от круглой центральной площади со стелой, посвященной павшим бойцам, консервный завод — образующее предприятие, птицеферма, три хрущёвского вида панельных пятиэтажки, придавшие в своё время поселению гордый статус «городское», а также поликлиника, отделение милиции, средняя во всех отношениях школа и детский сад № 43 «Лукоморье».

Невероятные события, о которых будет поведано чуть ниже, как раз в этом самом «Лукоморье» и начались.

Стоял конец апреля. Довольно тёплая и комфортная погода. После первой грозы под ногами зазеленела крохотная и пока ласковая травяная поросль. Почки на деревьях и кустах набухли, но листочков пока не было.

Татьяна Валентиновна Козлова, заведующая детским садом — человек ответственный и во всех отношениях положительный, — пришла на работу раньше других. Как обычно. Сторожа в «Лукоморье» тогда не держали. Зачем? Усинцы, народ мирный и приветливый, ни в жизнь бы не позарились на чужое добро, тем более — детское. Совесть бы не позволила. Это сейчас иные времена настали... Но речь не о сейчас.

Так вот, Татьяна Валентиновна пришла на работу около шести утра, открыла входную дверь своим ключом и, проверив кухонное помещение на предмет санитарно-гигиенической чистоты, прошествовала в свой кабинет, где, включив в розетку электрический кофейник, решила перед началом рабочего дня испить суррогатного ячменного кофю с принесенными из дома маковыми сушками, а заодно подумать, как можно найти выход из создавшегося положения.

Это самое положение — источник непрекращающейся головной боли заведующей — грозило перерасти в настоящую проблему. Дело в том, что сразу две старейшие воспитательницы, Клавдия Антоновна и Антонина Викторовна, собрались на пенсию. Винить их, конечно, трудно. Когда женщинам порядком за семьдесят, ждать, что они поработают «ещё годок» — самонадеянная роскошь. Однако прекраснополая молодёжь, каждый год разъезжавшая из Усина по благовещенским и хабаровским пединститутам, желанием вернуться домой, повыходив в городах замуж, ясное дело — не горела.

Положение «Лукоморья» осложнялось ещё и тем, что древнее здание буддистского монастыря, перестроенное под нужды деток, обладало лишь одним неоспоримым преимуществом перед современными постройками, а именно — толстыми прочными стенами на добротном фундаменте. Удобства же, как то — водопровод и канализация, здесь отсутствовали. Посему районное, да и областное начальство уже который год косо смотрело на детский сад № 43, морща нос из-за элементарных, как им, наверное, виделось, гигиенических пробелов дошкольного содержания поселковых спиногрызов. Шефы, консервный завод, кормили «Лукоморье» всё больше закатанными в банки овощами и компотами да ежегодными обещаниями: мол, да, проблемы знаем, в ближайшее время решим. Между тем, «ближайшее время» растянулось на две пятилетки. Впрочем, это не первоочередное. Чистый незамерзающий колодец в техническом дворе есть, горшков в группах хватает — успевай выноси.

Где найти замену?!

Татьяна Валентиновна налила в чашку сомнительно-ароматного напитка, уселась за стол и, разломив первую сушку, приготовилась думать о том, как перетасовать оставшихся в наличии воспитательниц и нянечек, чтобы младшая и средняя группы не остались без присмотра, когда в дверь негромко постучали. Кого в такую рань принесло? Повариху? Так она вроде б без стука входит.

— Да-да, войдите! — громко откликнулась заведующая.

Странное дело, но вечно-скрипучая дверь на этот раз медленно и как-то чересчур осторожно распахнулась без единого звука, а на пороге выросла тоненькая фигурка молоденькой девушки

чересчур привлекательной наружности, монголоидного, правда, типа. Но кого на Дальнем Востоке удивишь китайцами, корейцами и прочими бурято-монголами?!

— Здравствуйте, — лёгкий непонятный акцент, лёгкий поклон, лёгкий шаг, и девушка в кабинете.

— Слушаю вас, — невольно улыбнулась Татьяна Валентиновна, залюбовавшись зеленоглазой скромницей.

— Простите, но я узнала, что вам требуется воспитательница, — произнесла визитёрка и опустила очи долу. — Если я что-то напутала, я сразу же уйду...

Ага! Попалась!

Заведующая действовала молниеносно. Вскочив со стула и выбежав из-за стола, она метнулась к посетительнице, крепко схватила её за руку и потащила к диванчику.

Сейчас же! Уйдёшь ты теперь!

— Что вы, что вы! — залепетала ангельским голосом Татьяна Валентиновна. — Вы не ошиблись! Нам действительно нужна воспитательница! Даже две... А у вас... э-э-э...

— Образование профильное, не беспокойтесь, — улыбнулась девушка и, подняв изумрудные глаза, лукаво подмигнула (или заведующей это только почудилось?), — Красноярский пединститут, факультет дошкольного воспитания, выпуск позапрошлого года.

Эвона как! Аж из самого Красноярска к нам в дыру пожаловали!

Правда, вслух заведующая произнесла другое:

— Здорово! А как у нас, если не секрет, очутились?

— Замуж вышла, — снова опустив очи, тихо произнесла претендентка на вакансию, — за Алексея Янина, сына вашего милицейского начальника.

— За Янина? За Алёшку?! Поздравляю! — ещё сильнее обрадовалась Козлова. — Очень хороший мальчик! Я помню его со времён, когда он под стол пешком ходил. Наш, кстати, воспитанник. И отца его, Глеб Иваныча, прекрасно знаю... Значит, женился Алёшка!

Татьяна Валентиновна встала с диванчика, подняла за руку будущую свою, она в этом уже ни капли не сомневалась, сотрудницу и обошла её кругом, словно новогоднюю ёлку, приговаривая:

— Хороша, хороша девица...

Хороша-девица застенчиво покраснела.

— Так, значит, — Козлова прошла на своё рабочее место и уселась за стол. — Что ж, вы «Лукоморью» подходите, товарищ Янина. Я вас беру... На младшую группу... Нет, на младшую сразу сложно. Пойдёте на среднюю. Простите, как вас звать?

— Ой, извините, — стушеввалась девушка, — я совсем забыла представиться. Моё имя — А-цзы. Я китайка, но выросла в СССР. Отца звали Юй. По-русски — Анна Юрьевна, Аня. Меня так с детства все кличут.

— Хорошо, Анечка, так и будем вас звать, — вновь улыбнулась заведующая. — А китайка вы или русская, нам никакой разницы нет. Главное, чтоб дети вас любили. И вы — детей.

— Ох! — А-цзы пристально поглядела в глаза Татьяне Валентиновне и, облизнув губы — впрочем, Козлова не придавала этому значения, — произнесла: — Дети меня любят. И я детей люблю. Очень! У вас в средней группе сколько человек.

— Восемь, — ответила заведующая. — У нас маленький садик. Посёлок же, не город.

— Хорошо, — кивнула «Анна Юрьевна», — очень хорошо. Восьмёрка — счастливое число. А в младшей?

Татьяна Валентиновна в удивлении вскинула брови, но ответила:

— Тоже восемь.

— Просто прекрасно, — обнажив белые ровные зубы заулыбалась «Анечка», — вдвойне хорошо! Две восьмёрки! Если захотите, мы можем группы объединить. Я в Красноярске работала с тридцатью детишками. Так что не беспокойтесь, я справлюсь...

Через две недели, аккуратно после майских праздников проводили на заслуженный отдых лукоморских старейшин Клавдию Антоновну и Антонину Викторовну. Проводили громко, с размахом, с песнями под баян, хлебосольным столом и спокойной совестью.

Анна Юрьевна — зря боялась заведующая — специалистом в воспитательном деле оказалась превосходным. Обе группы — младшую и среднюю — объединили, но и этот факт остался родителями практически незамеченным. Янина справлялась с двойной нагрузкой преспокойно, не требуя ни доплат, ни компенсаций. Но главное, как дети её приняли! Стайкой вокруг ходили, ни

на минуту от себя не отпускали, а та и не возражала. Как только времени хватало на всех вместе и каждого по-отдельности?! Плюс — горшки пресловутые. Водопровод-то с канализацией недобросовестные консервные шефы так и не провели.

Анечка ж детей словно заворожила. Сказочным своим голосом, мелодичным, словно свирелька-дудочка, пела детям песенки, сказки чудесные рассказывала про зверюшек разных. Про тигра полосатого, хозяина тайги дремучей. Про медведя, лежебоку-ягодника. Про ёжиков колючих и трусливых зайчиков, мышек-нарушек и лягушек-квакушек. Но чаще всего про рыженьких лисичек-сестричек, умных и хитрых, сноровистых.

А детки сидели по стульчикам тихонечко, слушали внимательно, носиками шмыгали, ресничками хлопали, ещё просили...

В посёлке ж тем временем начали происходить странные вещи.

Дело в том, что Усино расположено в такой местности, что ближайший лес от него находится в добром десятке километров. В противоположную от горы сторону, за тепличным хозяйством «консерваторов». Да и не лес вовсе, а так, листовенные островки-рощицы, раскиданные по склонам мелкосопочника. А тут — на тебе! Лисы! Повадились кур таскать. Ладно б с птицефабрики, там пернатая живность хоть своя, но и общая, а потому — не так жалко. Эти ж твари на святое позарились — на домашнюю птицу, выращенную с любовью и негой, жирную и, что ещё важнее, яйценоскую. Каждую ночь аж по восемь штук недочёту.

Трагедия! Хозяйки с горя воют, на мужей с нервными припадками бросаются. Мол, куда смотрел?! Сарай опять не запер? Лишь бы настроение своё поганое на близком человеке сорвать. Мужики ж с непоняток только плечами жмут. Начали после работы кучковаться, пить больше обычного. В ЗАГСе при поселковой администрации первые заявления о разводе на сукно легли. Никуда не годная ситуация.

Глеб Иванович, свёкор нашей воспитательницы Яниной, а по совместительству — главный усинский милицейский начальник, удручение своё по местной радиолнии высказал чётко и определённо: «Нужно нам, товарищи, облаву на лисиц устроить. Мужчины с охотничьими билетами и огнестрельным оружием, милости просим вас на промысел. Сбор в двадцать ноль-ноль у отделения милиции».

Таковых, вооружённых охотников с билетами, оказалось человек тридцать. Плюс сам Янин со служебным «макаровым». Неплохо. Решили на пары разбиться. Половину личного состава по засадам попрятали, остальных в патрули снарядили.

Помогло. На одну ночь.

На вторую ж охотнички расслабились, остались по домам-квартирам почивать. Результат: минус шестнадцать кур. В два раза больше! Это уж, граждане, ни в какие ворота! Решено было еженощный патруль нести. Для подкрепления Янин даже егерей-следопытов из районного охотхозяйства выписал в количестве пяти специалистов. Но эти обещали прибыть лишь через неделю.

А лисьи бесчинства меж тем не прекращались. Хитрые твари настолько обнаглели, что шастали по курятникам на глазах у охотников, буквально подставлялись под пули. Но ни одну из рыжих разбойниц убить так и не удалось. Беда!

Приехавшие ж наконец хитромудрые и многоопытные охотоведы за дело взялись хоть рьяно, но со смекалкой. Ружья свои отставили в стороны, снарядили капканы, предварительно разведав по следам лисьи тропы. И ведь улыбнулась им удача в первую же ночь! Попалась одна тварь.

Да только назовёшь ли тварью дитя?! В капкан лисёнок угодил крохотный, размером с овчарошного щенка-молокососа, пушистый и хорошенький. А уж выл-тявкал-то до чего жалобно, аж слёзы у старого егеря выбил. Словно человеческий ребялёнок от боли загибался. Пожалел его охотник, отпустил-таки на волю, замотав разбитую лапку лоскутком с подорожником и напоследок шлёпнув ласково.

Ох уж и бранились на него потом остальные, что жалость проявил. Да только, как оказалось, зря ругались. Прекратились массовые куриные истребления после того случая. Лисы словно поняли, что люди им хоть враги, но не беспричинные, просто так никого убивать не станут. Да и с детками не зверствуют. И исчезли сами собою. Ушли, как и не было никогда.

Вот только девочка одна из группы Анны Юрьевны, Ксюшенька, утром в садик пришла с ручкой загипсованной. Мама, что дочку привела, сказала, что та ночью с кровати упала неудачно...

В августе месяце детский сад «Лукоморье» закрыли на ремонт. Работников распустили в отпуска, детишек — на каникулы. Родители взвыли. Ладно, если у кого дед-бабка есть, понянутся с внучатами. А если у кого нету?

Но и тут на помощь добрейшая Анна Юрьевна пришла. С мужнина согласия разрешила к себе домой ребятиг приводить на время рабочего дня. Да ещё и радовалась, когда таких восемь человечков набралось. Известно, что для китайцев восьмёрка — самое счастливо число. Нам их понять трудно.

Жила Анна Юрьевна с мужем Алёшей не в частном доме, а в одной из хрущёвских пятиэтажек, в типовой двухкамерной квартирке с проходными комнатками, где толком-то и не развернуться. Раскладушки для тихого часа родители притащили, продукты тоже носили, даже готовили их с вечера, чтоб Яниной осталось только погреть и разложить по тарелочкам.

Вот только с обязательными моционами оказалось несколько сложнее — игровых площадок в Усино кроме детсадовской отродясь не водилось. Но и тут смекалистая Анечка не расстроилась. Пятиэтажка её на самой окраине посёлка в своё время выросла. Дальше только гора Лишанская, южный склон её, пологий и вполне безопасный.

Там, в предгорье, и устроили площадку для прогулок. Отцы, взявшись дружно, за вечер соорудили качели и лавочки, чтоб их чадам было где отдохнуть. На том все и возрадовались.

Анна ж Юрьевна подопечных своих к площадке самодельной не привязывала, водила по склону аж до самой Хвандиной пещеры — отлогой дыры в самом начале горной кручи, места для усинцев заповедного, с чьего-то давнего боязливого слова — нехорошего. Внутрь, правда, не пускала. Так, в тени прятала от летнего зноя, про травки-ягодки рассказывала, что детки на земле находили и срывали. Какую можно скушать, какую — лучше не надо. Да сказки свои чудесные петь продолжала. Про зверюшек лесных. Всё больше про лисочек.

В один из таких дней, особенно жарких, когда на небе ни облачка, а после ночного ливня землю так парит, что дышать нечем, пожалела Анна Юрьевна детей, пустила неглубоко в пещеру Хвандину, чтоб от зноя спрятаться.

Посидела с ними недолга, а потом, приказав строго-настрога на месте оставаться, решила в глубь на разведку сходить. Ненадолго. Взяла фонарик, заранее приготовленный, словно знала наперёд своё решение. И ушла.

Светло-жёлтый зайчик скакал по неровным стенам пещеры минуты две-три. Потом пропал. Как и сама Анна Юрьевна. Которую больше никто и никогда в посёлке не видел. Даже милицейский розыск результатов дал ноль.

Родители, пришедшие домой к Яниным за своими чадами после работы, звонили в дверь долго и упорно, но, уверившись, что в квартире никого нет, тотчас бросились на поиски.

Детей нашли быстро. Не больше, чем через час. Те, совершенно спокойные, сидели кружочком в пещере у самого выхода вокруг разрезанного пополам крупного яблока и, глядя на него, отчетливо выбивали своими нежными голосёнками немудрящую мантру:

— Ууу-хао... ууу-хао... ууу-хао... ууу-хао...

При этом половинка яблока, лежащая справа, если смотреть от входа в пещеру, темнела всё сильнее и сильнее, пока окончательно не почернела. Левая ж оставалась неизменно белой. Таковой и сохранилась до самого выхода всех — и поисковиков, и найдёнышей — на отлогий простор предгорья.

Ещё говорят, что когда все спускались к посёлку, то сквозь шествие, словно бешенная, пронеслась огромная, с телёнка размером, огненно-красная лисица с притороченным к спине луком. Не слезоточивым корнеплодом, естественно, а древним стрелковым оружием. И будто лисица та была о множестве хвостов. О скольких, никто точно сказать не может. Но большинство свидетелей склоняются к числу девять.

Все взрослые шарахнулись тогда в ужасе в разные стороны. Дети ж, застыв на месте, подняли вверх ладошки и хором, в один голос, выкрикнули непонятное:

— Цзай-цзянь, А-цзы! Цзай-цзянь! Ни-хао!

Лисица же, обернувшись, встала на задние лапы, сняла со спины лук, и, подняв его над головой, твякнула хриплым громким:

— У-хао! — и растворилась в воздухе.

Только гора Лишанская ответила ей многократным эхом:

— Хао-о... хао-о... ао-о... ао-о... о-о-о-о-о...

Это протяжное «о» и стало заключительной точкой той истории.

Нет, толков и пересудов потом ходило множество. И относительно исчезновения красавицы Анны Юрьевны, и касательно странного поведения детей в пещере, и применительно к явлению странного чудища то ль из китайской мифологии, то ли из таинственного мира духов. Однако всё закончилось. Происшествие практически забылось. Даже безутешный первые месяцы сын главного милиционера Янина Алёша спустя некоторое время женился на приличной девушке из местных. О давних же тех событиях поведала мне совсем старенькая теперь Татьяна Валентиновна Козлова. Может, и напутала чего. Или добавила оттенков красного словца ради. Иные старики — они, как дети, сами знаете. Посему, давайте не будем судить милую бабульку. И других выдумщиков не будем. Ведь даже самые невероятные плоды чьей-то фантазии, если они не падают с хрустом и треском никому на голову и, соответственно, не наносят вреда здоровью — телесному ли, душевному, не важно — и материальному благосостоянию, вовсе не проявление какого-либо смертного греха. А вы сами-то так не считаете?

Ковёр

В ночь с пятницы на субботу Туманову приснился ковёр.

Это обстоятельство показалось ему настолько удивительным — Туманов вообще в своей взрослой жизни снов не видел, — что он решил к голосу своего потустороннего alter ego прислушаться повнимательней и при благоприятном значении видения неукоснительно выполнить указания спущенного Всевышним знамения.

Сонник, подаренный Бахметьевыми на день рождения лет пять назад, обладал великолепным, тиснёным золотом переплётом и стоял в книжном шкафу на одном из самых почётных мест. Однако по ненадобности до сего момента ни разу не открывался.

Случился, правда, один конфликт, из-за которого чудесная книга могла навсегда покинуть скромные пределы малогабаритного тумановского жилища. Бывшая жена — Варвара Трофимовна, жестокосердная, но, к счастью, не великого ума томная красавица, поминаемая ныне оскорбительными эпитетами — при громком и скандальном уходе своем в поднебесные типа «пентхаус» апартаменты местного медиамагната Бобрыкина, самые красивые «корешки» из шкафа повыдергала и связала их в тугой двадцатитомный узел. И если б сонник неизвестно по какой причине не был упрятан Тумановым в тот вечер в пыльные недра скрипучего дивана, ждала б его ныне та же постыдная участь — служить интерьерной единицей вероломной гарпии и её нынешнему укротителю, о чьих вечно влажных ладошках и гуттаперчевой совести в городе ходили не самые добрые легенды. Ох, так то оно так, да вот только нынешний наш рассказ не об этой расчудесной парочке.

Итак, в ночь с пятницы на субботу Туманову привиделся сон, что само по себе было ему в диковинку. А тут ещё и сонник, оказавшийся под рукой, однозначно трактовал видение ковра, как совет ожидать в ближайшем времени значительной прибыли. Плюс сновидение, случившееся в указанное выше время, необходимо было однозначно почитать за вещее.

Туманов, не слишком обременённый тяжким интеллектуальным грузом ответственности, всю свою сознательную жизнь трудился на местном градообразующем предприятии оборонной направленности инженером по технике безопасности. Эту немудрящую, но любому производству крайне необходимую — хоть и бесперспективную — должность получил он по окончании политехнического вуза в дар от родного дяди, тогдашнего замдиректора завода, пребывающего ныне в добром здравии на заслуженном пенсионном отдыхе. Заработная плата нашего инженера — пусть нулями не заоблачная, но стабильно, два раза в месяц миловидной кассиршей Дашей выдаваемая — позволяла Туманову питаться сносно, даже вполне калорийно, одежды приобретать более или менее приличные, во всяком случае, не постыдные, в достойном виде содержать старенькие «Жигули» седьмой модели и ежегодно посещать по путёвке умеренно-комфортабельный заводской профилакторий «Бора-Бора» на озере Чёрном. На том самом, что теперь уже не слишком надёжно прячется от назойливых глаз и снастей любителей меркантильного лова серебристого карася в солнечном хвойном лесу километрах в сорока от города.

В связи с изложенными обстоятельствами Туманов на скорейшее получение сверхприбыли, обещанной ковром из собственного сна, рассчитывать, конечно же, не мог, и он это прекрасно понимал. Но в душе очень надеялся — под капотом «семёрки» в последние недели что-то нехорошо постукивало, пора было ставить «ласточку» на капремонт. А это, как вы понимаете, нешуточные траты.

Сегодня же, в наступившую по местному времени около девяти часов назад субботу, Туманов не без удовольствия принял контрастный душ, сварил чудесный кофе, которым и позавтракал вкупе с тостами, объединёнными с изысканным (в глубинах холодильника) пошехонским сыром. После быстренько собрался, вышел на улицу и направился лёгкой походкой обнадёженного человека в сторону центрального городского рынка с целью оздоровительного променада и попутной закупки провианта на грядущую неделю.

Погода стояла по-майски умеренно-тёплая и переменно-облачная, трактующая своим вальяжным настроением скорое наступление лета. Соловьи, волнующие атмосферу мудрёными ругадами с высших липовых ветвей не раздражали; наоборот, радовали. Дети, то и дело снующие под ногами, психику отчего-то не деформировали. Даже стайка развалившихся на газоне бродячих собак почти не пугала. А вскоре на близком городском горизонте показался хорошо знакомый разливанный павильон «Реки полные», весело и гостеприимно распахнувший двустворчатые металлические двери навстречу каждому страждущему. А там! Там, в тихом и уютном чреве, привычно и ненавязчиво пахнущем обязательным ежечасным дезраствором и разогретыми в микроволновке вчерашними чебуреками, со стенами, оклеенными фотообоями о знаменитых историческими развалинами сенолуарных просторах, притаились за барной стойкой правильные ряды дубовых на вид бочек с хромированными крантиками, извергающими по требованию и за скромное пожертвование античному богу Бахусу разные вина: сухие белые, красные, разноцветные полусладкие, могучие номерные портвейны и любимый Тумановым субботний утренний нектар — восхитительную «мадеру» с постолимпийской и знаменитой ныне на весь мир Кубани.

Однако, когда до заветного преддверия сублимированного рая оставалось шагов десять, Туманов почувствовал, что локоть его правой руки отягощён лишними ощущениями. Обернувшись, он сверху вниз взглянул в слезящиеся выцветшие глаза, и настроение, еще секунду назад приподнятое до отметки «+96 по Кайферу», резко опустилось по шкале на три десятка делений.

Сухенький растрёпанный мужичонка неопределенного возраста, пропахший перегаром и кислой капустой, грязный и оборванный, неделю небритый, исцарапанный, в синяках и кровоподтеках по лицу и рукам, смотрел на Туманова не то что жалобно, но с надеждой.

— Товарищ, стойте, — хриплым полушёпотом произнес мужичок и еще крепче ухватился за тумановский локоть.

— Простите, не подаю, — отрезал Туманов и, сделав порывистое движение предплечьем, освободил руку.

— Да не прошу у вас, не прошу! — в отчаянье сорвался на фальцет оборванец. — Ужель похож аз на нищего? Вам вещь предлагают, слышите? Вещь! Ковёр. Персидский, мануальной работы, антикварный. И просят-то... тьфу! — Мужичонка смачно сплюнул на вымытую ночным дождём тротуарную плитку. — Это даже не цена. Сущие пустяки... Поймите же — вокруг всё рушится, всё горит... Ну? Товарищ!

Столь эмоциональный монолог застал Туманова врасплох. Он, уже сделавший два шага и готовый вот-вот уйти от неприятного собеседника навсегда в традиционном своём субботнем направлении, остановился и, развернувшись, оглядел мужичка еще раз. С ног до головы.

— Ковёр, говорите? — прищурился Туманов на солнце, сверкающее над головой странного продавца сиятельным гало.

— И, заметьте, пре-превосходный! — оживился мужичонка, в третий раз поменяв тембр собственного голоса. Теперь тот звучал чистым тенором. — Такой ковёр, товарищ, вы не найдете ни на одном рынке, разве что в Тебризе! Ворсинка к ворсинке, узелок к узелку. А орнамент? Нет, вам определённо повезло...

— Где ваш ковёр? — перебил словоизлияния Туманов. — Я хотел бы на него взглянуть.

— Ковёр рядом, товарищ, — вновь перейдя на заговорщический шепот, коварно заулыбался странный тип. — Стоит пройти пару кварталов, подняться в одну квартиру...

— Пойдёмте, — кивнул Туманов, — покажете...

Они нервно шли минут двадцать какими-то подворотнями, проникая в затхлые дворы-колодцы через провонявшие мочой арки, выбирались сквозь проходные подъезды, оскальзывались на грязных ступенях, открывали, не касаясь ладонями, разбитые в щепу скрипучие фанерные двери и проржавевшие стальные решетки. Туманову порой казалось, что зря он поверил этому неприятному человеку. Заманит, ограбит со своими дружками, да и, чего доброго, оглошат потом кирпичом по голове, оставят умирать в каком-нибудь отстойнике. Но, невзирая на тревожные мысли, Туманов, словно привязанный за шею барбос, тащился след в след за своим проводником.

Наконец гонка кончилась, мужичок остановился перед высокой, неровно окрашенной дверью.

— Пришли, — констатировал он свершившийся факт. — Гоните сотенную, товарищ, и поднимайтесь на третий этаж. Сорок четвёртая квартира.

— Позвольте, но... — попробовал возразить Туманов.

— И никаких «но»! — резко визгнул тип. — Быстро сотню давай!

Туманов, словно зомби, полез в карман, достал бумажник, вытянул из него требуемую банкноту и протянул проводнику.

— Вот так-то, — мужичок взял купюру, осторожно свернул её в четыре раза, заботливо спрятал меж пальцев и тут же растаял в воздухе. Лишь злодейский его шёпот еще пару секунд витал в воздухе: — Квартира номер сорок четыре... Ковёр там... Не бойтесь... товарищ... ждут...

Сто рублей — потеря невеликая. Можно было махнуть на всё рукой, развернуться, и выбраться обратно к рюмочному павильону. Худо-бедно, но дорогу Туманов запомнил. Однако редкое в монотонной инженерно-безопасной жизни приключение, загадочный проводник, ещё более таинственная квартира номер сорок четыре и, главное, данный в ночном видении знак — ковёр, шансов уйти вот так, когда разгадка чудных событий лежала буквально на пороге, оставили Туманову немного.

Вздыхнув, Туманов на всякий случай перекрестился, чего до сих пор ни разу не делал, потому как был некрещёным, раскрыл тяжёлую дверь и проник внутрь дома.

Гладкие беломраморные ступени, обрамлённые мраморными же — но серыми — поручнями, покоящимися на вычурных, достойных Эрмитажа точёных порфиновых балясинах, закручивались изящным винтом вверх. Зеленая ковровая дорожка, ровно, словно по нити, проложенная по центру широких маршей, зазывно приглашала ступить на себя. И Туманов ступил...

Сорок четвёртая квартира, проводник не солгал, оказалась на третьем этаже. Это, в принципе, Туманова не удивило. Изумило другое — ни на первом, ни на втором этажах квартир не было вовсе. Дверь же, обычная, современная, холоднокатаного металла, отстоящая в трёх метрах слева от сорок четвёртой была пронумерована двумя тройками. Вход в квартиру справа от нужной — высокий, арочный, не произрастающего в России тисового дерева, — шутники от домоуправления (или весёлые хозяева) обозначили числом «55».

Эбеновая — иссиня-чёрная, резная замысловатым восточно-батальным сюжетом — дверь сорок четвёртой оборудована была не общепринятым в нынешних кондоминиумах и жилтовариществах электрозвонком с пошлой пластмассовой кнопкой, а допотопным ударным кольцом, надёжно заключённым в хищную пасть гривастого бронзового хищника. Туманов за него и взялся. Осторожно стукнул один раз. Подождал. Затем еще два, смелее и громче.

По подъезду прокатилось звонкое эхо. Дверь бесшумно отворилась.

В тесной сумрачной прихожей вопреки всем тумановским ожиданиям аппетитно пахло жареной с чесноком курицей. Слева прижался к стене невысокий шифоньер о трёх разболтанных и просевших полированных створках, точь-в-точь такой же, какие стояли практически в каждой советской квартире в семидесятые годы ушедшего столетия. Справа примостился нелепый трёхногий табурет с вырезанным в круглом сиденье сердечком. На нём лежал треснутый обувной рожок, над которым высилась недовавилонской башенкой початая бутылка пива «Рижское». С потолка одинокой стеклянной грушей свисала на скрученном проводе мутная лампочка.

— Эй, есть кто дома? — негромко позвал Туманов. Подождал, прислушался, ответа не получил. Крикнул погромче: — Э-эй! Хозяева!

На этот раз в глубине квартиры что-то брякнуло, ухнуло, раздался привычный уху возглас: «Вашу в душу клушу Машу». Потом послышались шаркающие шаги, и через полминуты в прихожую, в которой тут же вспыхнул свет, из бокового прохода вынырнуло странное существо условно-человеческого облика.

Судя по голубому ситцевому халату в многочисленных и оттого еще более вульгарных тюльпанах и нарциссах размерами с грейпфрут, а также виолончельным округлостям телесных изгибов, существо было, по-видимому, полу женского. Однако лихие гусарские усы под крупным, картошкой, носом, свидетельствовали о явной поспешности такого предположения.

— А-а, это вы, — ничуть не удивившись, произнес субъект глубоким контральто, идентификации его пола, увы, не поспособствовавшим. — Проходите в тронный, смотрите. Нас поставили в известность... Стоп, стоп, стоп! Туфли снимите. Там вымыто.

Туманов, разувшись, в носках прошел сквозь проём, доселе скрытый тяжёлой бархатной портьерой ультрамаринового цвета, услужливо отодвинутой хозяином (хозяйкой?), и очутился в просторном сводчатом помещении. Как он (она?) там сказал (сказала?) — в тронном?

Действительно, в зале о пяти окнах, внушающих уважение размерами и зеркальным блеском, у дальней стены на трёхступенчатом подиуме бахвалилось собственным исключительным положением высокое, обитое красным сафьяном кресло изысканных форм, которое при желании можно было принять за трон. Перед креслом лежал он. Ковёр.

Туманов узнал ковёр сразу, как только к нему приблизился. Без сомнений. Он самый, из сна. Те же цвета поля — белый, синий, красный, словно на российском флаге, тот же вычурный орнамент, напоминающий многочисленными переплетениями сувенирно-корзинную вязку, та же ворсистая мягкость фактуры, осязаемая даже зрением...

— Два миллиона узлов на квадрат, — раздалось из-за спины замечательное контральто. — Берите, не пожалеете.

— Что? — переспросил, полуобернувшись, Туманов. — Два миллиона чего?

— Узлов, говорю, — ответило существо. — Два миллиона на квадратный метр. Хорошая плотность, не правда ли? Стойкий к вытиранию. А краски! Изделию пятьсот лет, а оно даже на полтона не выцвело. Вы же не думаете, что я вас хочу обмануть, господин Туманов?

— Простите? — совсем смутился Туманов, услышав свою фамилию, которую — он точно помнил — ни провожатому, ни здесь, в квартире не называл.

— Естественно, прощаю, — лукаво улыбнулось существо и, как давеча проводник-зазывала, с легким шипением растворилось в воздухе, оставив за собою лишь слова: — Берите же его скорее! Скручивайте и уходите, пока падишах не проявился... А мне... обед... надо... переваривать...

— Но сколько он стоит? — в пустоту крикнул Туманов.

— ...упло-о-о-очено... — откуда-то издали пропело затихающее контральто.

Дома антикварный, даже пахнувший как-то не так, не по-русски (по-персидски, что ли?) ковёр был осторожно развёрнут и аккуратно разложен между столом, диваном и мебельной стенкой. Свободного пространства комнаты хватило с точностью до сантиметра.

Встав на табурет, Туманов, пребывающий до сих пор в смешанных чувствах от утреннего своего приключения, оглядел безусловно изменившийся к лучшему интерьер. Потом вдруг вспомнил о кальяне, привезенном некогда Варварой Трофимовной из Египта и в спешке забытом ею же при своём ураганно-опустошительном бегстве к локальному олигарху Бобрыкину.

Курительный прибор, завёрнутый в старый, давно пришедший в негодность, пододеяльник, робко прятался от посторонних глаз в самом тёмном углу забитой хламом кладовки. Настоящий каледонский трубочный табак — последняя пачка — лежал в кухне на полочке рядом с чаем, укусом и макаронами...

Когда кальян был подготовлен, Туманов переместился с ним в комнату, по-турецки уселся посреди ковра и сделал первую — неглубокую — затяжку. В ту же самую секунду, буквально на выдохе, ковёр на пару сантиметров приподнялся над полом...

Туманов, расслабившись, сидел на ковре, с удовольствием курил кальян и медленно плыл над городом в сторону, — он откуда-то знал это совершенно точно, — древней сказочной Пальмиры. Он ощущал себя натуральным Аладдином и свято верил в великую свою миссию — восстановить прекрасный город после варварских бесчинств треклятых террористов. Он больше не хотел даже слышать о сверхприбыли, обещанной лживым сонником в тиснённом переплете, не желал вспоминать о постылой работе, о «Жигулях» седьмой модели, о малочисленных своих приятелях, занятых семейными проблемами, карьерным ростом и тихим пятничным алкоголизмом. Он выкинул из головы вероломную бывшую супругу и нынешнего её

малопорядочного мужа, забыл о миловидной кассирше Даше из полукруглого окошечка — о той самой, к которой долгое время был тайно неравнодушен...

Туманов летел по направлению к светлому будущему — своему и всего прогрессивного человечества — и радовался жизни, вдруг ставшей прекрасной и удивительной. И только подспудная остаточная мысль из прошлого свербела в расслабленном мозгу: «Нет, это крайне недальновидно и в высшей степени неправильно — пользоваться воздушным транспортным средством, не соблюдая элементарной техники безопасности...»

[интермедия) Сорт

Смеялись над Кулибьевым целое лето.

Нет, вру. Не целое. Начали подхихикивать в конце июня, когда появились первые — такие поздние — всходы. А уж в голос захохотали недели через две. Но все. Постоянные. Выходным-то заезжалщикам, появлявшимся в товариществе ради шашлычка, до чужих грядущих урожаев дела мало.

— Тимох, ну что ты позоришься? — морща нос, говорил степенный Игнатов, могучий старик с правого участка. — Твоей свёкле свету не хватает, вот листья и серые. Убери ты к чёрту этот забор, он же всё солнце заслоняет! Чай, свои люди. Никто ничего красть у тебя не станет.

— И навозу подкинъ, — слева вторила Мышлакова. — Мой машину вчера заказал, сёдни привезут. Хошь, поделимся?

Тимирязий Сергеевич не хотел. Ни забор сносить, ни дарового навозу. Даже поливкой себя не утруждал. Видать, надеялся на благоприятные метеоусловия, которых, впрочем, нынче не ожидалось. За месяц небо ни капли живительной влаги из себя не выдавило.

Всходы, тем не менее, были изумительные. Крепкие, как будто даже сочные. Пусть и цвета непривычного. «Металлик». Вон, у других посмотришь — побеги жидкие, листочки вялые, с прожелтью. Нда... Не будет нынче хорошего урожая. Аномальная для здешних мест жарница под сорок все колодцы в округе высушила. Чудно — кулибьевские серые лопухи не убила. И град, прошедший однажды утром в начале августа вреда им не причинил. Так, погромел весело по удивительным листьям... Что?! Погромел? А, ну да. Именно. Как по пустым жестянкам...

В последнюю неделю сентября за урожаем к Сергеичу машина пришла. И не «газель» плохонькая, на каких вывозили тощую моркву да мелкую картоху и Мышлакова, и Игнатов, и Прохоровы с Бубновыми, а «камаз». Двенадцатитонник. С бригадой копальщиков-грузчиков.

Четверо здоровых мужиков корнеплоды выкопали с трёх соток за час. И это не из привозного чернозёму, как у всех тутошних, а из натуральной жирной глины — Кулибьев, лентяй этакий, вообще с удобрениями не заморачивался.

Крупные иссиня-чёрные плоды, не срезая натурально гремящей ботвы, сложили не в мешки, а в прочные зелёные ящики, которые штабелями уставили в фуру. И, напоследок поднеся Тимирязий Сергеичу бумагу на подпись, забрались следом, укатили в сторону города.

Соседи больше не смеялись. Стояли рядком на меже, рты разинув. Долго. Минут пятнадцать.

Первым пришел в себя Игнатов. Вытряхнул из мятой пачки кривую беломорину, закаблучил, прикурил от спички, кивнул бородищей в сторону изрытого участка Кулибьева.

— И что это за фрукты ты вырастил, Тима? — негромко, но значительно произнёс старик.

— Дык свёклу, — загадочно улыбнувшись, пожал плечами Тимирязий Сергеевич. — Ты ж в курсе.

— Не юли, — погрозила пальцем строгая Мышлакова. — Что мы тут, дураки все? Свёклы не знаем?

— Да я и не юлю, — вполне серьёзно ответил Кулибьев. — Говорю — свёкла. Так, чутка доработанная. Сорт новый вывел. Решил опробовать в полевых, так сказать, условиях. Сам дивлюсь, что всё получилось.

— Неуж гэмэо? — вскинул брови Игнатов. — Засухоустойчивое? С чем скрещивал?

— Да так, — отчего-то смутился Тимирязий. — Объяснять муторно.

— А ты попробуй, профессор, — подал голос грузный Бубнов. — Чай, мы не совсем уж тёмные, популярную прессу регулярно почитываем.

— Если в двух словах, подсадил ген канабского червя, — вздохнув, сказал Кулибьев. — Этот вид из почвы парамагнитные металлы выделяет. Ими и питается.

— Это алюминием что ли? — скептически прищурился Игнатов.

— Ну... в данном случае титаном, — на полном серьёзе ответил Тимирязий. — У нас тут его... А цикл добычи-обогащения знаете какой? Вот я, значит...

— Модернизировал, получается, — смачно сплюнув на сапог Мышлаковой, констатировал железный факт Бубнов. — Твоя свёкла, снова получается, этот самый титан сама из глины вытягивает. Хм, любопытно... Интересно получается. И хорошая вышла прибыль?

— Да разве ж в прибыли дело?! — вскричал уверовавший в чудо Игнатов. — С нами такой человечине живёт, а мы... Тимох, я что думаю... Газ который год к нам сюда провести не могут. Нельзя ль твою свёклу... эээ... так сказать, на углеводороды переориентировать? А то, понимаешь, хреново без газа. Сергеич? Ну? К буднему лету поднатужишься?

Кулибьев отошел к лавке, стряхнул с неё рукавицей комки грязи, уселся. Достал из кармана ватника чекушку, свернул пробку. Принюхался к горлышку, сделал маленький глоток. Поморщился.

Соседи молчали. Терпеливо ждали ответа, внимательно наблюдая за манипуляциями ботаника.

— А что, можно попробовать, — наконец, произнёс тот. — Только свёкла, господа хорошие, на эти цели не годится вовсе. И канабский червь — не вариант. С зулусским бамбуком придётся экспериментировать. И с бактерией Смита. Полагаете, приживётся на Вологодчине бамбук?

Рептилия

(история одного эксперимента)

Среднестатистический человек — существо безгранично и в собственных челюстях до умопомрачительного трясу любознательное. Сидел бы на диване после работы, читал бы легкую пустую книжицу про амур-инцесты латиноамериканские, или телесериалами кровавыми по НТВ наслаждался. Так нет же — лезет во все запретные щели, словно таракан-переросток, вынюхивает опаснейшие зарины с хлорцианами, которые нюхать-то по правде и не след. Чревато.

Вот и с генетикой последнее время все больше и больше мудрят. То помидоры с колбасой генномодифицируют, то овец клонировать пытаются, то бабам деток из пробирки рекламируют, чтоб мужики без дела остались и естественным образом повымерли. Как будто мужики — ходячие контейнеры с семенем. Больше, мол, они ни на что и не нужны. Как же это — не нужны-то? А поцеловать?

Впрочем, это все лирика с примесью философии. Надо ж было как-то вступление оформить. А то сразу: «в начале нового тысячелетия в генетической лаборатории одного из самых засекреченных ведомств России был проведен любопытный эксперимент...» Не очень это литературно, согласитесь. Мы ж не в РАН отчет пишем.

Хотя...

«В начале нового тысячелетия в генетической лаборатории одного из самых засекреченных ведомств России был проведен любопытный эксперимент.

Из девятисот шестидесяти девяти добровольцев для участия в нем на первом этапе было отобрано трое — двое мужчин (27-ми и 32-х лет) и одна женщина (25-ти лет). На втором этапе мужчины были отбракованы по ряду дополнительных параметров, как то: значительные колебания артериального давления при атмосферных перегрузках и превышающая установленный порог возбудимость. Женщина, хоть и не явилась идеальным кандидатом, но показатели ее организма в некоторой степени превзошли показатели кандидатов мужского пола...»

Так начинается письмо, которое я получил в конце прошлой недели по электронной почте от давнего своего приятеля, весьма неординарного и уже не очень молодого человека, талантливого микробиолога, уехавшего в одну из западных стран по приглашению знаменитого мирового исследовательского центра. Имени и нынешнего местоположения ученого я по понятным причинам раскрывать не стану. Упомяну лишь, что выбраться из России в начале двадцать

первого века людям «засекреченным» нисколько не легче, чем при «злыдне» Сталине и «добряке» Брежнев. Да и нелегальный переход границы с Финляндией в случае провала мог стоить моему знакомому отнюдь не собственного помещения в прекрасно оборудованном исследовательском учреждении и совсем уж не двухэтажного дома в престижном районе изумительного по красоте и качеству жизни города.

Но не будем о грустном. Давайте-ка лучше об интересном.

Письмо ученого я перепечатывать не стану, дабы не путать неискушенного в специальной терминологии читателя обилием формул и многолинейных порядков. Лучше перескажу своими словами то, над чем раздумывал все последнее время.

Для начала и для упрощения нашего повествования присвоим подопытной «женщине (25-ти лет)» условное имя. Скажем, звали ее Юля.

Итак...

Юля только-только после мединститута устроилась обычным участковым педиатром в одну из многочисленных детских поликлиник столицы. Была она достаточно умна, прекрасно физически развита (первый разряд по плаванию), обладала хорошей фигурой и приятным лицом. С личной жизнью, как водится в среде умно-красиво-порядочных женщин, у нее не очень-то складывалось. В модели-певички она не рвалась, олигархов не цепляла, ночных клубов и престижных автомобилей, начиненных развязными «папкиными» балбесами, избегала. Любила двойняшек-племянников, единственную подругу-однокурсницу Леночку, выскочившую замуж за лейтенанта и укатившую с ним на Камчатку, свою работу, всех детей мира, а также пожилых родителей и бутерброды с «докторской» колбасой на завтрак.

Случайно узнав об эксперименте от старинного отцовского знакомого, ныне осевшего в глубоком кожаном кресле одного из влиятельных государственных ведомств силовой направленности, Юля поучаствовать в нем сперва не отважилась. Но потом, взвесив все «за» и «против» и решив: «а, собственно, что я теряю?», а в случае успеха «только приобретаю» дармовую однокомнатную квартиру в любом районе возле МКАДа, девушка записалась на тесты.

Заметим, суть эксперимента до самого окончания отбора ей никто так и не изложил, а то Юля наверняка отказалась бы от участия в нем. И не только из страха за собственное здоровье, но и по этическим соображениям.

А суть эта заключалась в следующем.

Подопытному в организм в ходе эксперимента подсаживалась какая-то хитрая штуковина — то ли хромосома, то ли ген. И не просто ген-хромосома, а ген-хромосома натурального нильского крокодила. Или аллигатора. Точной информации по этому поводу у меня, к сожалению, нет.

— Для чего это нужно? — спросите вы.

Отвечаю:

— Человеку издревле не дают покою два мечтательно-насущных вопроса: а) почему я не летаю, как птица? и б) почему я не плаваю, как рыба?

С «не летаю, как птица» все очень сложно. Во-первых, нет крыльев. И, во-вторых, а зачем, собственно, летать по-птичьи, когда есть на вооружении самолеты, вертолеты и прочие монгольфьеры-цеппелины?

С «не плаваю, как рыба» проще. Вы в пику мне конечно же начнете бубнить, что есть лодки, в том числе и подводные, корабли, батискафы, акваланги, наконец. Э, братцы, тут еще вот какой коленкор. Да будь ты хоть трижды авианосец, иногда счет идет на минуты, на секунды даже. Кровь из носу, а надо успеть. Спасти утопающего ребенка, снять мину с днища пассажирского катера. Да мало ли подобных ситуаций, когда действовать след мгновенно. Пока акваланг надеваешь, можешь и провозиться дольше положенного. Ведь бывает же? Нет, ну скажите — бывает? И я говорю — сплошь и рядом.

Короче, посадили в организм нашей подопытной Юле ген крокодила, чтобы сделать из нее «ихтиандра» принципиально нового поколения. А что? С виду девушка осталась прежней — ни жабр тебе за ушками изумительной формы, ни бочки с водой для регулярного погружения в поликлиническом кабинете за ширмочкой, ни костюма с чешуёй под вечерним платьем. Отлично!

Наблюдали Юлю ученые целый год, если не больше. И как температуру тела она снижает усилием одной лишь воли до двадцати пяти градусов по Цельсию, и как пульс собственный сокращает до четырех (нет, вы только вдумайтесь — до четырех!) ударов в минуту. А задержка дыхания до четверти часа! Каково, а? При этом девушка остается нормальным человеком. Мозг не пострадал, способности — ни умственные, ни физические — не растрочены. Одни плюсы. Одни

лишь приобретения! В их числе и обещанная однокомнатная квартирка в Алтуфьево (десять минут пешим ходом до одноименной станции метрополитена).

Да и в личной жизни появилась какая-никакая, но гармония. Не без охоты познакомилась Юля у себя в поликлинике с симпатичным молодым папашкой-одиночкой, что повадился еженедельно приводить к привлекательной «тёте-доктору» на прием совершенно здоровую, хоть и чересчур любознательную малолетнюю дочурку. И дело уже пошло к свадьбе, но...

... тут грянул гром.

В Россию пришло лето.

Ученые генетики из секретной лаборатории, что сделали из Юли водоплавающего сверхчеловека, решили испытать плод своих творений, так сказать, «в полевых условиях».

Выбив Юле парочку незаслуженных отгулов, потирающие от нетерпения руки испытатели вывезли свою подопытную на спасательную станцию на Клязьминское водохранилище — одно из любимых мест отдыха и «сугреву» бесшабашных горожан. Уж больно много там народу тонет каждое лето. Надо ситуацию править. Вон и Президент с министром по ЧС ругаются из телевизоров. Мол, доколе?! Так что, как говорится, одним ударом убить двух зайцев — и жизнью наспасать целую цистерну, и высочайшим руководителям польстить реальным деянием.

Купаются горожане, заплывают в неположенные места, цепляются плавательными трусами за коряги, на помощь требуют — наша Юля тут как тут. Только за первый день троих потенциальных утопленников к берегу доставила. Глаз — алмаз, реакция — молния. Пока простой, привычный нам пляжный спасатель лодку с понтона отвязывает, она уже близ самого дна рыщет. И в том именно месте, откуда еще десять секунд назад пузыри на поверхность шли.

Второй день — семеро спасенных. Из них — трое несмышленных, а потому бесстрашных детей, две нетрезвые дамы интересных лет и старичок со старушкой, силенок на заплыв не подрачивавшие.

Третий день — суббота. Одиннадцать спасенных.

Ай-да Юля, ай-да дочь прогресса! Спасатели довольны. Генетики чуть от счастья не прыгают — удался эксперимент-то! На славу удался...

Но ближе к вечеру крайне обеспокоенная женщина на спасательную станцию приходит. В слезах вся. Вздрагивая, рыдает в осипший голос. От сбоя дыхания и неподдельного горя слюни поминутно глотает. Что случилось, дамочка?

— Муж мой пропал, — всхлипывая и размазывая по лицу остатки косметики, наконец, произносит бедная. — А я видела, как она (пальцем на Юлю показывает) на его крик в воду кинулась. Думала, спасет, а она... Одна выплыла.

— Юля? — вопросительно смотрят на девушку ученые.

— Юля? — переглядываются меж собой в искренних непонятках спасатели.

Юля только плечами жмет. Сама ничего не понимает. Как так, спасти кинулась и не спасла? Не может такого быть!

Но солнце еще не полностью за горизонтом скрылось. Решили спасатели учинить проверку по заявлению. Облачились в дежурные акваланги, погрузились в катер и в направлении указанного места возможного утопления в сопровождении экспериментаторов и предполагаемой вдовы отчалили.

Юля не погружалась. Она с учеными ради чистоты проверки сидела в катере на лавочке.

А мужики ныряли до самой темноты. Уже отыскать утопленника отчаялись, когда один из них остальных за собой вглубь водоема профессиональным жестом позвал. Туда, где на дне старый топляк страшными кучами навален...

Короче, провалили генетики очередной эксперимент по получению сверхчеловека в лабораторных условиях. Крокодиловый ген, что подсадили они милой девушке Юле, так дал побочный эффект. То есть, хочу я сказать, природа, гадина этакая, взяла свое. Возвернула сторицей, так сказать.

Страшная рептилия, чья подлая звериная сущность до поры до времени дремала в нежном девичьем теле, вырвалась наружу.

Так что же там произошло-то? — в нетерпении спросите вы.

А случилось следующее.

Вместо того чтобы выволочь бедного дядьку на берег, затащила его Юля-крокодил под утопленное бревно, чтоб тот никуда не делся и, не дай Бог, на поверхность от накопившихся внутри себя газов не всплыл.

Натуральные крокодилы-аллигаторы, между прочим, точно так со своими жертвами и поступают. Это чтобы мясо чуть подгнило. Тухлятинка-то, люди, знающие толк в кулинарии, говорят, для употребления в пищу понежнее иной телятинки будет. Спросите, к примеру, у норвежцев. Или у чукчей наших, они тоже в курсе...

* * *

С момента того самого конфуза минуло больше двух лет. И я, как человек лишь поведавший русскоязычному народонаселению об удивительном эксперименте по созданию «Нового Ихтиандра» на базе простой русской женщины, пусть даже чрезвычайно приятной личным экстерьером и глубоким миром внутренним, оказался в несколько неловком положении. Читатели и слушатели, коих отыскалось на мою отнюдь не защищённую тугоплавкой бронёй голову вполне достаточное количество, все как один, словно сговорились, требуют какой-то конкретики. Мол, чем всё закончилось? Что там с продолжением эксперимента? Не разогнали ли лабораторию после первой неудачи? Наконец, как там наша Юля поживает?

Что ж, придётся, пусть и с неохотой, пойти у вас на поводу, до трясу в собственных челюстях любознательные вы мои. Итак.

Доподлинно известно, что люди в скрытых под серыми пиджаками погонах своих провалов афишировать не любят. Посему лаборатория как числилась за секретным ведомством, так и числится. И работают там те же самые гении. За исключением одной ответственной дамы, выведенной за штат на вполне заслуженную персональную пенсию. Оставшиеся, пусть чрезвычайно кропотливо, с постоянными перестраховками, вернулись к решению мечтательно-насушного вопроса за номером один: "почему люди не летают как птицы?". В связи с участвовавшими в последнее время авиакатастрофами, вопрос этот из когда-то риторического превратился во вполне рабочий. Высшее руководство, оно вообще не склонно к юмору. Прикажет Шамбалу открыть — придётся быстренько открывать...

В общем, создают нынче в лаборатории наш научно-обоснованный ответ античному отроку Икару, взяв в разработку известного на весь мир бывшего чемпиона, прыгуна с шестом, и подсадив ему опять то ли ген, то ли хромосому теперь уже натурального латиноамериканского кондора. Намедни в близких к ведомству кругах прошёл слух, что отрыв от земли подопытного субъекта на сегодняшний день составляет от 0,4 до 2,5 метров и во временном интервале — от двух до пяти секунд. В зависимости от диетического рациона, волевого настроя, окружающей температуры и атмосферного давления.

Что ж касается Юли, то её отпустили на все четыре стороны (или говорят, что отпустили). Правда мурыжили около года всякими Роршахами и «полиграфами», выявляя склонность к каннибализму, садизму, немотивированной агрессии, чуждым гуманности безусловным рефлексам и прочую несовместимую с УК психодрянь. Так никаких отклонений (опять же — лишь говорят) и не выявили. В рапорте, как водится, списали провал на переменную магнитно-солнечную активность — явление на сегодняшний день всё ещё загадочное и недостаточно изученное... в лаборатории конкурирующего ведомства. На этом более-менее и успокоились.

Сама Юля как работала педиатром, так и работает. Только совсем в другой поликлинике. По прежнему любит всех детей мира, включая племянников, а также старичков-родителей, разведённую ныне подругу Леночку и «докторскую» колбасу на завтрак. Замуж снова не собирается и всё чаще по вечерам отдаётся любимому своему новому хобби — преподаёт в одном из бассейнов краткий курс для начинающих дайверов. И здорово, говорят, преподаёт...

Да, чуть не забыл! Если кто-то вдруг пожелает Юлю найти, даже не старайтесь. Без толку. Потому как живёт она теперь не в Алтуфьево. И даже не в Москве. Да и звать её вовсе не Юля. А как? Да так же, как и в сданных в архив суперсекретных документах: «женщина (25-ти лет)». Только не 25-ти уже, а 27-ми. По имени, предположим, Оля. Или Наташа. Вам-то какая разница? Правильно, никакой. Меньше знаешь — крепче спишь.

Вот как-то так, любопытные друзья мои. Как-то так...

На сём откланиваюсь.

Статист

Юра Мякишев прилетел на Землю неизвестно с какой планеты. Года три тому назад. В чемодане. В виниловом. С двумя медными застежками, запертыми на ключ.

Шереметьевские таможенники, перетерпев положенное количество времени и так и не дождавшись хозяина злополучного багажа, вскрыли его (этот самый багаж) с помощью отвертки и потом долго пытались поверить собственным глазам. Здоровый мужик, по прикидкам роста никак не менее шести футов пяти дюймов, как любят говорить наши заокеанские сопланинники, весом что-то около центнера (это уже по-нашему), с густой черной бородой, мирно спал, свернувшись таким «калачиком», которому позавидовал бы самый гуттаперчевый из всех каучуковых гимнастов-акробатов. Еще и просыпаться не хотел, вяло отмахиваясь от пытавшихся поднять его стражей госдостоинства своей внушающей уважение ручищей. Помогло старое проверенное средство — ледяная вода из чайника.

На вопросы вызванных на подмогу ментов, Юра отвечал вяло и как-то неохотно, но все же по-русски. Мол, да, путешествую в чемодане. Почему? Так удобнее и дешевле. Чем дышу? Чем придется, тем и дышу. Нет, никаких сопровождающих не держу. Из какой страны родом? Чёрт ее знает. А какая это планета? Земля? Хрена ж меня занесло. Прописка? А это что такое? Откуда прибыл? К сожалению, запомнил... И так далее, и тому подобное.

Часа через четыре насквозь пропотевшие лейтенант с сержантом, проводившие допрос странного субъекта, замучились вконец, набрали «03» и перепоручили заботу о пришельце на удивление быстро прибывшей бригаде скорой помощи. Виниловый же чемодан, в коем нашли подлеца, конфисковали «для экспертизы и до выяснения».

В четвертой горбольнице, куда был доставлен «пациент с амнезией», циничные потомки Авиценны продержали Юру пару-тройку деньков — для проформы, а затем выписали, выдав на прощание хрустящий рецепт, крохотную баночку с маленькими белыми таблетками и странное для инопланетянина пожелание «поменьше пить или хотя бы получше закусывать».

Оказавшись за воротами замечательного медучреждения, наконец-то полностью проснувшийся и пришедший в себя Мякишев тут же поинтересовался у первого встречного прохожего, коим оказалась необычного вида девочка-подросток с черно-розовыми волосами.

— Простите, юная леди, не подскажете, где тут у вас театр?

— Чего? — вылупила глаза «леди», продолжая методично работать развитыми не по годам челюстями.

— Театр, говорю, у вас где? — повторил свой вопрос Юра.

— Ну, дядя, ты в натуре! — повертела пальцем у виска странная землянка, удивительно похожая на диковатых, но добродушных аборигенов с планеты Читау-4. Впрочем, до ответа все же снизошла: — Ты в Москве, мужик. Тут театров тыща, тебе какой?

— Самый большой, — не удивился такой постановке вопроса Мякишев.

— А, Большой! — с облегчением вздохнула девочка-монстр. — Так это тебе в центр надо. Садись на метро и дуй до «Театральной». Вкурил?

— Вкурил, — с благодарностью кивнул Юра и, пытаясь побыстрее раскодировать в своей многоумной голове прожженного путешественника выданный только что маршрут, прямым ходом направился в сторону невидимой отсюда ближайшей станции подземки. Вживленный в мозг навигатор работал безупречно.

За долгое время скитаний по мирам Юра Мякишев прекрасно овладел древнейшим искусством бытового гипноза, поэтому не переживал за отсутствие аборигенских дензнаков в кармане собственного комбинезона, очень кстати оказавшегося в новейшем местном тренде. Наводя легкий морок на контролеров, пришелец без труда, но с несколькими пересадками все же достиг нужной остановки, а, выбравшись на поверхность из неуютного подземелья, уверенной походкой направился напрямик к театру...

На вопрос по счастливой случайности оказавшегося на месте художественного руководителя: «А какими, собственно, вы обладаете навыками, что вот так, сразу, с улицы?», Мякишев произнес сакраментальную фразу:

— Я очень хороший статист. С переменной фактурой и навыками абсолютной бездвижности до пятнадцати часов земного времени.

- Продемонстрировать можете? — недоверчиво улыбнулся худрук.
— Естественно, — оскалился в ответ Юра. — У вас когда ближайшая репетиция?...

Отстояв на репетиции шесть часов в одной позе, и при этом ни разу не моргнув глазом, «гениальный статист» Мякишев в тот же день получил отдельную комнату в общежитии, скромный аванс из прямо скажем небольшой зарплаты, трудовую книжку «взамен утерянной» и рабочий репертуарный список с подкорректированным перечнем собственных ролей, как то: «Лебединое озеро» — Прибрежное Дерево, «Жизнь за царя» — Царь-колокол и т.д. и т.п.

С подачи всесильного худрука, буквально онемевшего от актерских данных своего нового служащего, в первый же месяц пребывания на Земле Юра оформил общегражданский паспорт (опять же «взамен утерянного») с постоянной (!) пропиской и паспорт заграничный, необходимый для зарубежных гастролей.

В актерском коллективе Мякишева тоже полюбили сразу. А что? Высок, статен, вежлив и обходителен. На главные роли не претендует, по поводу недостатка материальных благ не скулит, всем искренне улыбается, в интимных связях никому, не взирая на возраст и половую принадлежность, не отказывает, но ни на руку, ни на сердце, опять же, не претендует.

Да и спектаклей не срывает. Уж если сказано в программке «Скала — Ю. Мякишев», то скала будет стоять. Железобетонно...

Прошло почти три земных года.

Юра, получивший некоторое время назад в трудовую книжку новую запись «старший актер-статист», увеличил собственное ежемесячное благосостояние на полторы тысячи рублей, обзавелся дармовой «от Минкульта» однокамерной квартирой в Люблино и домашним котом Чезарио, вызванным с родной планеты срочной гравитограммой и прибывшим в Шереметьево в пластиковом атташе-кейсе.

Тем временем слава Мякишева росла со скоростью если не света, то звука. Точнее, слухов и сплетен. Поначалу незаметное «Прибрежное Дерево» однажды приковало внимание надменного закулисного червя и одновременно известного на весь мир театрального критика, кой посетил балет, даваемый Большим во время Лондонских гастролей в Ковент-Гардн. Статист, отыгравший спектакль столь вдохновенно и без единой помарки, настолько впечатлил высохшего от излишеств собственной желчи грызопёра, что в рецензии был упомянут сразу вслед за режиссером и примой.

Как следует ожидать, после публикации о новом даровании заговорили. Сначала шепотом, в кулуарах. Потом громче, в расширенной околотеатральной среде. И, наконец, зашевелилась, зазвучала многоутробным гулом равнодушная к сценическим действиям общественность.

Что поделаешь, такова сила авторитетного слова.

Куда бы не приезжал с гастроями Большой театр, аншлаги были гарантированы. Так повелось со времен царя Гороха. Но в какое-то мгновение появилась небольшая группка почитателей, превратившаяся вскорости в довольно приличную, которая ломилась в зал исключительно на «Miakisheff».

Статиста начали узнавать на улицах, клянчить у него автографы, в Интернете появился фан-клуб. «Родная» Москва тоже не отставала. Вычислив многоэтажный подъезд, где спряталась крохотная Юрина квартирка, его осадили страждущие прикосновения к кумиру и рыдающие при каждом явлении звезды девушки и юноши всех мастей и национальностей.

«Охотники за головами» из других театров, в том числе — драматических, а также с киностудий, отечественных и зарубежных, осаждали Мякишева по пути на работу, звонками по мобильному телефону и прочими тривиальными способами, предлагая такие условия, от которых закружились бы головы и у Данилы Козловского, и у кузин, так их перетак, Старшенбаум.

Да и коллеги по цеху начали недобро шушукаться, отводя при виде Юры в сторону полные искренней ненависти глаза...

Служба курьерской доставки, щедро оплаченная с кредитки и вызванная по продиктованному адресу в Люблино, ранним утром, когда, как известно, самый сон, взяла в незапертой квартире тяжелый виниловый чемодан (его пришлось нести вдвоем) и небольшой пластиковый атташе-кейс, погрузила два сих предмета в желтый фургон с броской красной стрелой и тремя латинскими буквами и, быстро миновав не закупоренные еще пробками улицы громадного мегаполиса, домчалась до Шереметьева. Как и было заранее оговорено по телефону,

чемодан с кейсом курьеры оставили возле третьей стойки регистрации международного терминала.

Куда дальше проследовал бесхозный багаж, мы не имеем ни малейшего понятия, но девушка-регистратор, что через пять минут расправилась с остатками небольшой очереди, ни чемодана, ни «дипломата» возле своего рабочего места не обнаружила...

Чемпо Санимас прилетел на Костус неизвестно с какой планеты. Пару недель назад. В сундуке. В нефритовом, обитом элегантными титановыми полосами. С хитрыми навесными замками, запертыми на ключ...

Вогра

— А теперь предоставим слово многоуважаемому сопредседателю нашего жюри — Варваре Федоровне Осиновой.

Микрофон, передаваемый по цепочке быстро заскользил в ее сторону, и Вогра, не будь дурой, со всей ясностью осознала: «Вот он! Вот тот самый момент, ради которого я жила и терпела. Отец надуется от гордости, если вообще... не лопнет от зависти. Давай же, действуй, девочка! Другого такого шанса может и не представиться. Настал твой звездный час!»

— ...Нас сейчас смотрит весь цивилизованный мир, — тем временем голосил поставленным баритоном ведущий. — Прямая трансляция с церемонии награждения победителей Международного Московского Кинофестиваля ведется на тридцати языках. Это, поверьте, огромная аудитория, насчитывающая...

— Спасибо, Иван, — перебила его Вогра, которая, наконец, обрела микрофон, а с ним полный контроль над переполнявшими ее эмоциями и непоколебимую уверенность в собственной правоте. — Ну, что я могу сказать о нашей картине-победителе...

Вогра перехватила микрофон другой рукой. Обворожительно улыбнувшись, она пристально посмотрела в глаза раскрасневшемуся от счастья и волнения именитому режиссеру-триумфатору, окинула заинтересованным всеохватным взором парадную напوماженную аудиторию зала и, подмигнув в телекамеру, вновь поднесла микрофон к губам...

Вогра родилась в двухкомнатной берлоге в самой глухой чащобе осинового леса где-то то ли под Костромой, то ли под Ярославлем в семье обычных троллей. Воспитывал ее отец, уважаемый многими Короед Костогрызович, всю свою долгую, полную ничтожных свершений жизнь, проработавший по месту обитания.

Маму Вогра не помнила. Та погибла на службе, когда, не рассчитав собственных сил, вышла на рельсы и пыталась напугать электричку. В людских газетах тогда написали, что под поезд попала гигантская горилла неизвестного науке вида, непонятно каким образом забравшаяся в столь умеренно-климатические широты. Но свои, лесные, говорили, что мама была на обезьяну, пусть даже человекообразную, нисколько не похожей, наоборот — ужасно милой тварью, полной противоположностью приматов. Мол, Вогра статью и мордой уродилась в нее, а вовсе не в папу, в облике которого изредка проскальзывало что-то неуловимо-гуманитарное. Должно быть, бабка в молодости втихую грешила с лесорубами.

С самого раннего детства Вогра старалась во всем помогать родителю. Вместе с папой они целыми днями ловили разных лисиц, волков, ежей и зайцев, разбирали их «на запчасти», заживо сдирали шкуры с неосторожных лосей, кабанов и медведей, кидались сухими бревнами в охотников, грибников и туристов, разрушали бобровые плотины и разоряли птичьи гнезда, резво и отчаянно весело топтали надменные красноголовые мухоморы... Много еще чем полезным занимались. В общем, жили как настоящие тролли.

Но однажды в Вогриной жизни случился, как говорят мудрецы, крутой перелом. Возле кострища, оставленного туристами, среди пустых бутылок и обглоданных куриных костей, юная тролльчиха нашла удивительную штуку. Яркую и красивую, как осенний лес. Блестящую и с множеством картинок.

Отец не знал, что это за диво. Пришлось обратиться к кикиморе, которая слыла на весь лес всезнайкой и мастерицей-универсалкой.

— Это глянцевого журнала, деточка, — кикимора ласково погладила Вогру по бугристому, заросшему густой шерстью черепу. — В нем люди читают про красивую жизнь.

— Как это — читают? — не поняла тролльчиха.

— А вон те закорючки черненькие, что кривые вязальные петельки, видишь? — кикимора ткнула пальцем в страницу.

— Ну, — кивнула Вогара.

— Это буквы, деточка. Каждая буква есть знак, из которых слово складывается...

Вогра оказалась ученицей в высшей степени прилежной и не без способностей. За два года усердных занятий таки обучилась под пристальным оком кикиморы человеческому чтению по блестящему журналу.

Но ладно б — просто читать выучилась. Что с того? Грамота, как говорится, она и в Эфиопии — грамота. Нашей же тролльчихе теперича «красивой жизни» захотелось. И не в осиновом среднерусском лесу, и даже не в тайге сибирской, а в человеческом городе. И не в каких-нибудь Костроме — Ярославле провинциально-незатейливых, а в самой столице.

Опять кикимора помогла. Нашла где-то в лесу нестарую еще туристку, что не так давно заблудилась в чащобе, уснула в сугробе и от несусветного холоду в рай душу отпустила. А дальше понеслось!

Даром что кикимора на весь лес кудесницей-рукодельницей слыла, обратила она нашу тролльчиху за несколько мучительно-болезненных процедур в почти настоящую человеческую девушку, взяв за эталон так кстати замороженный труп. Ох и визжала же Вогра! От щекотки, пока густую шерсть острым ножом с нее снимали. И от боли адской, когда кикимора ей на теле груди-талики снимала-комковала.

Результат превзошел все ожидания. Даже отец родной не узнал. Ох, как он орал и лапами размахивал, увидев «человеческую женщину» возле родового гнезда!

Долго потом Вогра смеялась. И уж в поезде, и пока по лесу шла в сторону станции, снабженная добросердечной кикиморой людской одеждой с плеча бедной туристки да цветными бумажками, найденными в карманах, что — тролльчиха это из того же журнала прознала — люди деньгами называют. Плюс, рекомендательное письмецо и адресок один нужный, по коему доставить его надобно, получила.

— Ты, Вогрушка, ни о чем не беспокойся, — ворковала ей под ёлкой добрая кудесница, наставляя в дорогу. — У меня в Москве сестрица родная уж с четверть века живет. Работает в Министерстве культуры. У нее первое время и перекантуешься.

— Спасибо тебе, карга старая, — у Вогры при прощании даже слезы на глаза навернулись, чего досель ни разу в ее жизни не случилось. — Век твоих мерзопакостных зенок выразительных не забуду, душенька.

Кикимора от умиления тоже растрогалась:

— Иди ужо... тварюга безобразная. Иди, а то, боюсь, не отпущу. Как дочь мне стала...

В столице Вогра кое-как устроилась. Помогла Клавдия Тихоновна, родная сестрица той самой кикиморы из отчего осинового леса. И сама натуральная кикимора, хоть министерская и вполне очеловечившаяся.

— Значит так, тролльчиха, — сказала городская нелюдь, прочитав рекомендательную писульку от близкой родственницы. — Дикие свои правила в городе забудь. Рвать и кусать здесь никого не следует, в психушку загремишь — до самой смерти не выберешься. Мелких пакостей на людях тоже старайся не показывать. Для этих целей люди ненастоящий виртуальный мир придумали. Интернетом называется. Вот там шуруй сколько хочешь, вряд ли нарвешься. Пользоваться научу. Ясно?

— Ясно, — покорно кивнула Вогра.

— Поживешь пока у меня, на работу тоже пристрою, — продолжала Клавдия Тихоновна. — Слушай! А давай-ка мы тебя сначала выучим! Пристрою в институт культуры, у меня там связи. А? Окончишь, к себе в министерство возьму. Как тебе такой вариант?

— Не знаю, — попыталась улыбнуться Вогра.

— А я знаю, — хищно оскалилась кикимора. — Решено. Будешь студенткой. И никаких родовых имен. Отныне ты Варвара Федоровна Осинская. Отец — Федор Константинович. Запомнила?

— Запомнила, — Вогра схватывала все на лету.

— Ну а коль запомнила, пошли в паспортный стол документы справлять. Взамен утерянных...

Все пять курсов в институте пролетели для Вогры быстрее мгновения. Училась она всегда с удовольствием. Да и, как оказалось, добрая половина студентов, ее бестолковых сокурсничков, такие же замаскировавшиеся под людей тролли, кикиморы и лешие. Все, черт их забери, в нерезиновую столицу рвутся, падкие на красивую житуху. Не только люди, но и нечисть разных мастей.

А уж в Интернете-то своих сколько! Зайди на любой форум, пусть даже с самой серьезной темкой для обсуждения, как-то — «Ядерная катастрофа в Японии». Читаешь-читаешь советы и соболезнования, ан вдруг реплика бестолковая под ником типа «appsurt_013»: «маччи жадов, хахлофф & нигерув @[xDD]». Ага, свой!

Вогра и сама такой детской ерундой частенько забавлялась. Не без удовольствия, надо сказать. Надо ж природу происхождения поддерживать! Опять же, круг общения в среде единомышленников и соплеменников пополняла.

В «человеческой» своей жизни тролльчиха взбиралась по крутой карьерной лестнице по головам неудачников, без глупых принципов и пустых сожалений переступая с одной ступеньки на другую. Сначала подталкиваемая добросердечной министерской кикиморой Клавдией Тихоновной. Потом, когда старуху на пенсию выперли, свои связи, накопившиеся к тому времени, включила. В Минкульт пробилась. С профильным-то образованием, отсутствием моральных комплексов и такой «теткой» заслуженной! Тьфу! Разве это проблема? Со временем стала заведомом по делам развития кинематографа...

Вогра, обворожительно улыбнувшись, посмотрела в глаза раскрасневшемуся от счастья и волнения именитому режиссеру-триумфатору, окинула заинтересованным всеохватным взглядом гламурно-фрачную публику и, подмигнув в телекамеру, громко и членораздельно произнесла:

— Пиздец! Я такого говна еще ни разу в жизни не видела!

В мгновение притихшем зале прокатилось эхо:

— Не видела... видела... идела... ла...

Режиссер-победитель схватился за сердце. Оператор, выглянувший из-за камеры, выпучил на нее глаза. Ведущий закашлялся.

— Пэ... пэ... простите? — голос его сорвался на фальцет.

Вогра, опять улыбнувшись, вновь поднесла микрофон к губам:

— Что тебе не ясно? Говно, говорю, ваш фильм. Ни актеры толком не играют, ни оператор планы не выдерживает. А режиссер! Ему только признание да бабки подавай! Срать он хотел на художественную ценность и литературный замысел. Дегранты! Идите вы в жопу со своими фестивалями! Так понятнее?! Кстати... я всё сказала.

Вогра швырнула микрофоном в ведущего, развернулась на каблуках и, цокая набойками, быстро пошла к выходу.

Постепенно присутствующие начали оживать. Кто-то нервно смеялся, кто-то хохотал во все горло, кое-кто выл и требовал немедленно призвать нарушительницу этики к строгому ответу...

Но Вогра ничего этого уже не слышала. Взяв в гардеробе плащ, она вышла на улицу, почти бегом спустилась по ступенькам и элегантно взмахнула затянутой в лайковую перчатку рукой. Мгновенно подкатившее такси гостеприимно распахнуло пассажирскую дверь, откуда-то изнутри донеслось привычное:

— Садитесь. Вам куда?

Вогра устроилась рядом с водителем, бросила расшитую стразами сумочку на торпеду и весело скомандовала:

— На Ярославский, шеф. И давай-ка, дружище, побыстрее. Задрал меня этот гадюшник...

Осеннее обострение

Это происходило с Фадеевной каждый год. Начиналось, как водится, в полнолуние, в первое осеннее, а во второе уже заканчивалось. Для нее — к сожалению, для соседей и родственников — к счастью.

Но давайте-ка по порядку.

Итак.

Лизавета Фадеевна Самохина, одиннадцать месяцев в году — милая старушка, божий одуванчик, на чьей тонкой шее (можно — стебельке, тут уж как кому угодно) сидят: а) бестолковый сын Терёха, неизлечимо, но без буйства большой легкой формой алкоголизма; б) не так давно заразившаяся от него невестка, некогда милейшая нравом и внешним образом Танечка; в,г) парочка ихних оболтусов — Ванька да Венька, шести и одиннадцати лет отроду соответственно.

Живет вся эта относительно дружная семейка в полуразвалившейся с виду, но еще достаточно крепкой избе о печном отоплении на окраине крохотного городка Максакова Н-ского края-области, в Белой слободке, там, где пока господствуют мелкие, но все ж частные, лэндлорды. Или, по-нашему, землевладельцы.

Из «мясных» содержат Самохины курей да поросят на собственный прокорм плюс излишки — на продажу. Из «ботвы» — картофельно-морковный огород в двенадцать соток. Любовно выращенную картоху круглый год потом изводят на пюре, жарёху и «прочий продукт» домашнего перегону. И ничего в последнем нет зазорного, на «казённую» цены-то нынче кусаются. Да и на казённую ли? По августу-сентябрю Самохины запасаются в ближайших лесах грибами да клюквою, в урожайные, естественно, годы. А пенсия Фадеевны, единственная в семье регулярно-денежная достача, уходит на Терехин табак, портки малым оглоодам, да магазинные деликатесы — кильку в томате, макароны «перья» и сушки-крендельки по субботам да праздникам.

И все бы ничего. Тысячи семей так сосуществуют почти в согласии, относительно благополучии и в сельской местности, не претендуя ни на привилегированные, ни даже на простые акции всяких зенитных газпромов и прочих зеленых сберкасс.

Да вот только у Самохиных, как мы упомянули в самом начале нашего повествования, каждую осень с полнолунием случается одна и та же беда. А именно — старейшина клана, Фадеевна, впадает в шизофреническое обострение. Это по научному, по-медицински, значит. По народному ж, обращается старуха Лизавета в натуральнейшую ведьму. Из тех самых, что летают по небу на метлах, не спросясь у авиадиспетчеров, и в непотребном виде рассекают цельными шабашами по мирным ночным проспектам и улицам Максакова в сторону ближайшего водоема. Впрочем, в светлое время суток наша Фадеевна ничего, зараза такая, не помнит, что творила при бледном мерцании звезд.

Ежегодно, значит, это случается.

То есть, до нынешней осени все прошлые годы случалось...

Уж до чего крепко накачались пойлом Тереха с Танюхой на нынешнее полнолуние, в ужасе ожидая очередного бабкиного превращения, а не взял их хмель. Да и не произошло ничего.

Ванька с Венькой дрыхнут давно. На улице стемнело, круглая луна в безоблачное небо выкатилась, метла в сенях от нетерпения задрожала, а Фадеевна как сидела на лавочке, плела круглый половичок, так с места и не сдвинулась. Знай себе, отверткой старой орудует, петли разноцветные тянет.

— Ма-ам, — свесился Тереха с полатей.

— Да, сынок? — отвечает ему Фадеевна, глаз не подымая от своего рукоделия.

— А ты чё... это... не полетишь нонче? — интересуется мужик, а самого чуток нервически потряхивает.

— Куда, Терешенька? — знай себе тащит тонкие цветные тряпицы старуха.

— Ну... — заколебался Терентий, — не знаю. Тебе видней.

— Ох, сынок, сынок, — вздохнула Фадеевна и подняла, наконец, голову, — не злоупотребляли б вы с Танечкой. Самогонка — дело, конечно, хорошее. Да уж больно много вы ее

сёдни напробовались. Вредно это для печени, и для ума пользы мало... Что-то заболталась я с тобою, Терешенька. Поздно уже, спать пойду.

Фадеевна отложила недовязанный половичок, поднялась с лавочки и нетвердой походкой вразвалочку двинулась к себе в уголок-комнатку за печкой.

— Доброй ночи, голубчики, — только и слышали Терентий с Татьяной.

— Доброй ночи, мамка, — отвечали в голос супруги.

А потом выключатель щелкнул, и мутная лампочка под обсиженным мухами самодельным абажуром погасла.

Полежали Терентий с Татьяной в растерянных непонятках до момента пока из-за печки бабкин храп с присвистом характерным не раздался, легонько помиловались с полчаса, да и тоже веки смежили до самых утренних петухов...

И на следующий вечер ничего не произошло из ряда вон выходящего. И на последующий. И всю неделю спокойная жизнь ни на минуту не прервалась.

У Терехи от волнения сон пропал. Танюха каждое утро сама не своя, огрызается как с похмелюги, а сама накануне ни капли в рот не брамши. Да и слободчане сердобольные интересуются: «Уж не заболела ли наша Фадеевна? Мож, лежит при смерти, а мы и не в курсях?»

— Да нет, вроде бы, все с мамкой нормально, — жмет плечами Терентий, а у самого кошки на душе скребут.

В общем, недельки через две нервы по всей округе начали сдавать.

В очередное утро подошел к Терехе дед Митяй, что живет бобылем в избенке напротив, взял мужика под локоть, отвел в сторонку, да шепотом и говорит:

— Ты б, Тереха, в поликлинику смотался, что ли. Дохтура б вызвал. Чтой-то боязно мне за мамку твою. Да и все наши людишки-то в недоразумениях ходят. Уж две недели прошло, а Фадеевна молодухой не обращается, на метле не летает, скотину не пугает... Ох, боюсь, не к добру это.

— А что?! — обрадовался Терентий. — И схожу к Лаврентий Андреичу, к невропатевту, у коего мамка моя на учете последних два десятка лет наблюдается. Мож, посоветует чегось? Мож, самолично приедет, посмотрит чё к чему?

Так и сделал.

Прибыл следующим днем к Самохиным психотерапевт Лаврентий Андреевич, муж ученый и во всех отношениях уважаемый. Осмотрел Фадеевну, фонариком в зенки старухины посветил, молоточком резиновым по коленкам постучал, виски круговым движением в левую сторону погладил, да только не нашел ничего подозрительного.

Вышел из бабкиной комнатки, вымыл под мойдодыром руки с вонючим хозяйственным мылом, да изрек:

— Все нормально, Терентий Вениаминович, с вашей матушкой. Здорова, как корова.

И захихикал. А Тереха с Танюхой глазищи вылупили. И дед Митяй, что рядышком стоял, языком поцокал.

— Ай, дохтур, — покачал головой старик, — как же нормально-то?! На метле не летает?

— Не летает, — кивнул врач.

— Голой на шабаши не бегаешь?

— Не бегаешь, — поправил на переносице очки доктор.

— Петухам шеи не сворачивает?

— Не сворачивает, — пожал плечами Лаврентий Андреевич.

— Ну, вот! — засмеялся Митяй, оскалив единственный желтый зуб. — А ты говоришь, нормально все! Тоже мне, специалист. А-ну, пусти!

Дед Митяй оттолкнул врача, прошел из сеней в избу, взял Фадеевну под локоток и во двор вывел. По пути выхватил из угла метлу. На улице инструмент этот самый оседлал и как свистнет!

— Смотри, Фадеевна! — заорал дурным голосом дед. — Во, как надо! А вы чё стоите? Берите мётлы, и за мною!

Оседдали вслед за Митяем метлы Тереха с Танюхой, малые Ванька с Венькою, даже доктор Лаврентий Андреевич в наглядную терапию не без интереса включился. Оставили бедную Фадеевну у ворот, а сами со двора на дорогу рванули. Орут на всю слободку, соседей созывают...

И скачет, значит, через час уже вся Белая слободка города Максакова Н-ского края-области на метлах по улице. В авангарде — дед Митяй, психотерапевт Лаврентий Андреевич, да четверо Самохиных. Взад-вперед, взад-вперед, взад-вперед... А Лизавета Фадеевна глядит на всю эту жуткую синематографию из ворот, и головой неодобрительно покачивает.

А тучки и темнеть зачало. Тонкий серп Луны в черных небесах зловеще засветился.

Дед Митяй прималяся, остановиться хотел, видя, что помощи личным примером никакой оказать доброй соседочке не может. Не тут-то было! Оторвались старые его ревматические ноги в поношенных валенках от тверди земной, и понесла старая метла своего всадника в антрацитовую ночную атмосферу. А за бобылем неугомонным и все слободские огромным клином гусиным ввысь пошли. Ну, натурально на юг!

Постояла еще с минуту у воротного столба Фадеевна. Потом рукой махнула, сплюнула наземь сквозь дырку меж зубов, развернулась, да домой засемила. На крылечко, кряхтя, поднялась, посмотрела в черное звездокрапчатое небо, в котором сердобольные слободчане на метлах мертвые петли имени летчика Нестерова крутят, пожалала печами...

А потом улыбнулась недобро, ведьмину искру глазом желтым пустила, хохотнула гортанно и тоном, не терпящим возражений, значительно изрекла:

— Что поделаешь? Осеннее обострение...

Да в избу шустрой тенью и шмыгнула.

Тяга

Лесник поворошил золу кочергой — глянул, остались ли угли. Поцокал довольно языком, поднялся с корточек и закрыв дверцу, потянулся к заслонке.

— Тяга, Колюнь, нам более ни к чему, верно? Тяга... — задумчиво проговорил он. — Кстати! Повಾದились тут, понимаешь, к нам эти... Интервенты, во! Одного-двух дерев им, собакам, мало. Давай, говорят, Саныч, мы вон ту площадку вырубим. Тебе злата доставим, а? Оно ж у вас в цене?

— А ты чего?

— Я? Хм... Ой, Коль... Чего ж вы, говорю, гости дорогие, удумали? — Саныч легонько постучал кулаком по печи. — Тута ж заповедник, злыдни! А они мне, знаш чё? Ты, говорят, Саныч, если на наши условия не согласен, мы тя в шхуну свою посадим и... эту... лотобо... любото...

— Лоботомию?

— Точно! Лоботомию, говорят, сделаем. Ну, Николаха, и осерчал же я! Снял с плеча ружжо да главному ихнему пальнул поверх треуха четвертым номером. Для острастки. Чтoб совесть наружу вытащить.

Лесник уселся на табурет, налил чаю сперва в чашку, потом оттуда в блюдечко, осторожно взял его за краешки, подул и с шумом отхлебнул.

— Сникли, а как же... Стоят себе с топорами наперевес, морды кислые, зенки долу. Но то — страх, брат, не совесть. Совесть, Никола, чувство воистину человеческое. Ни у одного, даже самого распрекрасного, гуманоида ее нет. Да и у наших-то потихоньку выводится. Это я тебе, парень, как старший егерь говорю... с высшим университетским.

— Ты ж бывший военный. У тебя есть гражданское образование? — удивился я.

— А что, непохоже? Одичал, да? — хитро прищурился лесник, стрельнув поверх блюдца взглядом единственного глаза, но зато удивительного натурально-изумрудного цвета.

— Леший тебя знает, — улыбнулся я. — Ты где учился-то?

— Дык МГУ заканчивал. Исторический... Давно, Николах, то было. До армии ещё. — Опустевшее блюдце аккуратно стало на стол. — Будто в иной жизни, брат. И не в моей.

Минут пять сидели молча. Каждый думал о своем. Я об удивительных инопланетных звездолетах, работающих на дровах. Если история Саныча, конечно же, правда. Он о... Чёрт его знает! Об ушедших годах, должно быть. Или... К бесам домыслы! Не знаю.

— Ладушки, собирайся, Коль.

Саныч резко встал из-за стола, опрокинув табурет.

— Пойдем. Минут через десять будут. Обои сразу. Познакомлю и тебя, не против? А заодно и конвенцию составим. Трёхстороннюю. Ну, чтоб заповедника не трогали... Да ты куда в шкеры-то? Обморозишься! Колотун нынче знатный. Вона, в углу, валенки видишь? И бекеша за печью на гвозде. Тебе приготовил... Заслонка! А, прикрыл уже...

Каждый год по первозимью я езжу на Урал, к старому своему знакомому, бати покойного другу, Сергею Александровичу Сойкину, или, просто — Санычу, как все его зовут.

Семидесятилетний Саныч, убежденный холостяк, лет тридцать тому назад, уйдя на пенсию капитаном ракетных войск, покинул пределы Московского Военного Округа и перебрался подальше от столичной суеты. Поближе к природе. К лесу. К настоящей тайге, где на десятки, да что десятки — сотни километров вокруг нет ни единой живой души.

Сейчас таких называют дауншифтерами. Но то — сейчас, когда рвать из городов стало занятием не то что престижным, но модным. А тогда, в начале восьмидесятых, его, мягко говоря, не поняли. Впрочем, Саныч на чье-то мнение особого внимания и раньше не обращал. Даже в армии. Потому, видать, до майора и не дослужился.

Приехал, в общем, он на Урал, окончил здесь (то ли в Перми, то ль в Свердловске) курсы охотоведов и устроился егерем в одно из самых глухих лесничеств. И жил себе — не тужил до поры, до времени, когда потянулись в тутошние края странные люди.

Люди эти говорили, что здесь, в этой самой Богом забытой глуши, творятся невиданные вещи. Мол, приземляются тут частенько летающие тарелки пришельцев неземного происхождения. Инопланетян, значит. Сами себя те люди звали себя уфологами. А место — М-ским треугольником. Слыхали?

В конце восьмидесятых в М-ский треугольник ежегодно сотни экспедиций съезжались. Даже иностранцы бывали. Так что работы у Саныча тогда хватало. Городские ж тайги не знают. Пойдут куда с компасом на денек-другой, да и плутают неделю, а то и месяц. Рыбы поймать не могут, зверя в ловушку заманить не умеют, ягод с грибами не сыщут — кору жуют, что оголадавшие зайцы, а то и чего похуже. Грибы ж, известно, все съедобные. Только иные един раз... Вот Саныч таких «дуристов» и отлавливал по всему своему участку. Возвращал, как говорится, с девственного лона природы в железобетонные рамки цивилизации.

Слухов потом было... Аномалия! Странное место! Неземное происхождение! А про то, что компас, когда ты с ним над залежами железной руды стоишь, стрелкой своею куда хочешь крутит, никто почему-то не поминал.

Слава Богу, в девяностые большинству стало не до космической посуды. Шквал уфологов схлынул «строить рынок». Две-три экспедиции в год — не в счет. Приемлемо. Да тут пришла другая беда. Повадились в здешние края браконьеры. И не такие, чтоб пострелять-побаловаться. Эти-то изредка возникают, и всегда были, все больше из местных — Саныча они остерегаются. А такие пришли нелюди, что начали тайгу вырубать. Нещадно, без оглядки и совести. Но с жадностью неумемной.

Попытался было лесник, начальник Сойкина, уважаемый всеми Андрей Петрович, за лес вековой вступить. Куда там! Через день Саныч труп его холодный с пулей в черепе на покинутой браконьерской делянке и обнаружил...

Нового лесника так и не прислали. Остался Саныч на заимке один-одинешенек. Так, друзья-приятели навещаются. Кто на рыбалку, кто на охоту, кто, как я — просто по лесу погулять, воздухом подышать, здоровье поправить да впечатлениями запастись.

Но и спокойней стало в тайге. Черные лесорубы тоже куда-то из этих мест повывелись. Не удивительно. Добычу-то вывозить надо, а дорог на сотни верст ни одной. Да и кедра строевого — любимого браконьерами дерева — очень уж мало осталось. Не промышленные, как говорится, объемы. А сырая ель с кривой березой кому нужны?

В общем, за последний десяток лет катаклизмы Санычеву землю вроде бы как покинули. Ни уфологов тебе в zapредельном количестве, ни дровосеков с «народными самострелами» системы кудесника Калашникова. Живи, казалось бы, не хочу... Ан нет, и тут ерунда приключилась.

Какая? А вот, значит.

Повадились в лесничество к Санычу инопланетяне. И за чем бы, вы думаете? За дровами для своих звездолетов. Да не смейтесь вы! Серьезно говорю. Могу доказательства предоставить. Если понадобится.

Вот, к примеру, рассказ Сойкина, который я предусмотрительно записал на диктофон. Слушаем?

«Я обычно летом кварталы на лошади объезжаю. За недельку справляюсь. Пешком-то уж больно долго получается. Да и хлопотно. Провизию на собственном горбу тащить — это тебе не три литра пива в распущенном брюхе. Вот и прошлым маем, как вода сходить начала, я Сивку своего оседлал, баул сложил, да и в путь.»

Первый-второй дни прошли без происшествий. Двигаюсь потихоньку, метки свои проверяю. Подновляю, где надобно. Карту корректирую. Там — болото новое нарождается, тут — сухостою излишек, надо вырубать, иначе пожара не миновать. Работаю, в общем. Привычным делом своим занимаюсь.

Вдруг на третий день, только-только к самым глухим местам подбираться начал, слышу — топоры стучат. Не сильно, без энтузиазма, как говорится. Бензопил не слышать. Но все ж интересно стало, кто сюда забраться-то отважился? Ближняя деревня в сорока верстах почитай. Это по бездорожью-то. Расстояние, я тебе скажу, очень даже приличное.

Спешил я, взял Сивку под уздцы, и пошли мы с ним на звук.

Через полчаса или около того выбрались на огромную, Николаха, поляну. «Лужники», никак не меньше. Смотрю, и глазам своим не верю: летающая тарелка в самом центре стоит. Большущая, метров сто в диаметре, высотой в пятиэтажку, под солнцем полированным хромом играет. Красотища — глаз не оторвать!

Где, думаю, эти чертовы гуманоиды-то? Пригляделся получше... Ан, вон они! Двое братьев по разуму с краю поляны толстенную березу серьезными топорами работают. Ну, думаю, была — ни была, подойду, поздороваюсь. Мож, я первый землянин, кого они увидят. Надо ж, Николай, нашу планету в лучшем свете представить. А? Проявить, как говорится, гостеприимство.

Подхожу ближе... А это два мужика. По виду — натурально наши. В свитерах серых, штанах ватных, да в простые кирзачи обутые. Ну, я про тарелку сразу как-то и позабыл.

— Привет, — кричу, — бедолаги! Бог в помощь!

— Здорово, — оборачиваются, — коль не шутишь.

А я на их рожки-то смотрю... Цвет у них какой-то нездоровый. Бледный, с зеленым отливом, будто они денатуратом траванулись... Печень-то, брат, с ядом не справляется, желчь к коже и подступила. Вдохнул.

— Эх, — говорю, — мужики вы, мужики... Что ж вы себя губите-то? В лесу по осени ягод полно, в сельмаге крупа, дрожжи. Поставили б бражку, сварили б самогоночки. И то — натурпродукт. Кто ж в двадцать первом веке технический спирт внутрь себя потребляет? Жить надоело?

Они разом улыгнулись, один мне подмигнул лукаво и говорит:

— Ты, отец, так подумал, потому что у нас кожа другого цвета?

— У кого это — у вас? У Сенькинских? — оторопел я.

А они как заржут! Кони! Вот, думаю, опростоволосился. В Сенькино самогонку в каждом дворе варят. Фирма! Это ж Чуриловские!

— Да и не Чуриловские мы, — прочитали они мои мысли. — Мы с другой планеты, отец. А к вам сюда за сырьем для топлива иногда наведываемся. Тяга от него, понимаешь...»

Запись на этом обрывается. Диктофон старенький, всю пленку в кассете изжевал. Обидно, конечно, но я рассказ Саныча помню. Так что дальше дорасскажу своими словами.

Короче, уфологи в восьмидесятые годы места тамошние не зря М-ским треугольником прозвали. Инопланетяне туда прилетают довольно часто.

Сегодня два корабля собственными глазами видел. А на одном даже побывал — тройственную конвенцию Санычу составлять помогал. Мы со стороны землян условия оговаривали. Конвенция устная. На доверии. У нас в галактике, оказывается, так договариваться принято уже несколько тысяч лет.

Прилетают на Урал инопланетяне за земными березовыми дровами для своих звездолетов. У них там какой-то ученый путем, естественно, сложнейшего синтеза, получил из нашего с вами любимого русского дерева супертопливо, которого надо буквально стакан, чтоб до нашей Земли и обратно к своей удаленной точке галактики добраться. На гиперскорости за каких-то пару-тройку дней. Во как!

И что самое интересное, одной нормальной березы хватает на три ведра этого замечательного, хоть на нашей планете неизвестного — временно, конечно — супертоплива. Представляете, какие у нас в стране огромные природные ресурсы нового поколения растут, пока наши драгоценные деятели газ с нефтью качают? Газ с нефтью кончатся, не беда. Мы инопланетянам дрова начнем поставлять. Чем не развитие экономики, скажите? Уж чего-чего, а дров в России наломать мы всегда могли. И до сих пор легко можем. Обращайтесь. Имею ввиду, за ними, за дровами. А мы пока о модернизации процесса подумаем. Чтоб тяга не ослабевала... Что? А! Во всех смыслах. Во всех...

Извращенец

«...если кто забыл, то напомню: поводом к чудовищным событиям весны нынешнего, 2025-го, года, раскачивающим общественное мнение вот уже второй месяц, послужил лишь мелкий и не вполне осознанный проступок замечтавшегося студента. Нечаянное, если можно так выразиться, правонарушение, которое даже не трактуется ни административным, ни, тем более, уголовным кодексом.

Вот я вас и спрашиваю...»

А стоит ли очередному господину обозревателю спрашивать о том, о чем вы знаете лишь из уст многочисленных ему подобных деятелей, давным-давно оккупировавших все сколько-нибудь значимые сетевые и телевизионные площадки? Ещё бы! МинФОМ — Министерство формирования общественного мнения — не терпит ни малейшей конкуренции на передовой фронта формирования этого самого, простите, мнения. Ну, да вы, надеюсь, и сами в курсе, что к чему. Так ведь?

Впрочем, довольно демагогии. Уже тошнит.

Просто я, пользуясь, как говорится, случаем, хочу рассказать глупейшую историйку, произошедшую с тем самым «замечтавшимся студентом». Рассказать открыто и честно, без сгущения красок, без налипших на неё идиотских домыслов. Рассказать, как бы чудовищно это в наш постпросвещённый век ни звучало, от первого лица.

Ну что, знакомимся?

Я — Артём Кашин. В недавнем прошлом студент третьего курса философского факультета Московского государственного университета. Ныне, после шумного своего отчисления из тусклых рядов будущих светил науки, занимаю не слишком высокий, но весьма ответственный пост звеньевое четвёртой ночной механизированной бригады грузчиков железнодорожной станции Москва-Сортировочная. Тружусь здесь, как и заведено в подобных гастарбайтерских мекках, без трудовой книжки и за наличный расчёт, что меня вполне устраивает.

Ещё каких-то полтора месяца назад у меня была любимая девушка (из приличной семьи), койка с тумбочкой в двухместной комнате (приличной же) общаги, именная стипендия губернатора Брянской области и грандиозные планы на без тени сомнения светлое будущее. Сейчас ничего этого, разумеется, уже нет. Всё правильно: долой иллюзии.

Что же имеется в наличии? Ободряющий до одури физический труд на свежем воздухе с на удивление приличной зарплатой, шконка в клоповнике, кем-то и когда-то обозванном (из искреннего, должно быть, сострадания) хостелом, вагон свободного времени и поистине всенародная слава извращенца номер один. Хвала Всевышнему, начальство не в курсе нюансов моей биографии, а то и с груздвора б выперли. Какому, скажите, работодателю нужен в коллективе несознательный элемент типа меня? Вопрос, если что, риторический.

Так вот, полтора месяца назад произошло следующее.

Отправляясь на вечернее свидание с потенциальной невестой, я, как обычно, спустился скоростное в метро на «Курской», сел в поезд и, чтоб убить час дороги до Петушков, достал из кармана смартшет. Честно говоря, давно хотел прочесть «Фиесту» nereкомендуемого (мягко говоря) за пропаганду аморального образа жизни писателя Хемингуэя. Но найти долго не мог — МинФОМ работает чётко и жёстко. Ждать же несколько месяцев своей очереди и бегать по всем этим моралкомиссиям, устойчивым комитетам и психдиспансерам, чтоб записаться в библиотеку, желания тоже не возникало. А тут такая удача — совершенно случайно набрёл в сети на плавающий анархосайт. Боже, сколько там всего интересного — и фильмов, и музыки, и книг... было. Выловили и закрыли. Но речь не о том. Отвлёкся, простите.

Короче, еду себе, никого не трогаю, сижу в уголочке и тихонько читаю нежелательную (слава Богу, не запрещённую — демократия ж) литературу. А интересно, знаете! Сюжет, я вам скажу, немудрёный, но как написано. Экспрессия. Эмоции персонажей через край льют. А экспозиция! Как будто ты не в вонючем метро костями тощего таза о жёсть седла трёшься, а в мечтабельном Париже столетней давности абсент шампанским запиваешь... Ладно, хватит. Возникнет желание, сами найдёте и сами прочтёте. Я ж, дурья башка, настолько погрузился в эту

чёртову атмосферу аморального прошлого, что сам не заметил, как почесался... Вроде как? Да нет, было. Просто не отрефлексовал. Зато бдящие — есть такая категория людей — углядели злой умысел...

Что тут началось!

Сначала завизжала бабка, сидевшая напротив. Читала б тоже литературку или носки болезненному внуку вязала. Или что там нормальные бабки в её возрасте делают? Эта ж зараза оказалась той породы, представителям которой нет бы тихонечко промолчать, когда на её глазах никого не убивают. Нет, им надо хай поднять по любому поводу. Даже по самому незначительному. Как мой. Подумаешь, почесался. Так ведь не специально ж. Говорю ж, на автомате. Сам не сообразил, что натворил!

Я, кстати, тогда сразу даже и не понял, что старуха из-за меня орёт. Оторвался от смартшета, посмотрел на неё в недоумении, хмыкнул без задней мысли... Ох, лучше б я продолжал наслаждаться «Фиестой».

— Нет, граждане, вы только посмотрите! — понесло её вообще без тормозов. — Мало того, что он на глазах высокоморального общества между ног бессовестно почёсывает, так он ещё и ухмыляется, как будто ничего мерзкого не совершает! Давайте все теперь будем свои хозяйства принародно холить и лелеять!

И орёт и орёт, и орёт и орёт, и орёт и орёт, чтоб ей...

А пассажиры уже заволновались. Шеи через чужие плечи тянут, мой образ пытаются идентифицировать. Даже те, которые были ещё не в курсе, что произошло. Ясное дело, столько шума из-за какой-то ерунды подняла. Э-эх... Ерунда — не ерунда, а какой-то сердобольный старичок в мятой бейсболке, смотрю, кнопку связи с машинистом жмёт, в микрофон что-то бубнит. С полицейским нарядом на станции, наверное, просит связаться.

Да, думаю, влип ты, Артём Сергеич, в историйку. Хоть бы остановка уже, а? Чтоб выскочить из этого чёртова вагона, с толпой смешаться и на улицу выбраться поскорее. Но про закон подлости все знают...

В общем, минуты три ещё ехали. Сколько, господи, за эти ничтожные мгновения я о себе нового узнал, не поверите. И от гадкой бабки, и от других представителей «высокоморального общества». Наверное, только давешний мятый старикашка ничего обидного мне не высказал. Но таки и он, гад, свою миссию выполнил на пять с тремя плюсами: стоило мне выпорхнуть из вагона на долгожданной остановке, как тут же очутился в нежных форменных лапах парочки бугаёв красноречивого облика. Один безо всяких прелюдий тут же приступил к делу:

— Это вы, гражданин, — спрашивает, придерживая меня за локоть, — свои... эээ... половые принадлежности в общественном месте чешете?

А бабка уж тут как тут.

— Он! — истерично визжит. — Я самолично видала, как этот сукин сын высокую мораль разлагает! Вон, и свидетели подтвердят...

Но толпа «свидетелей» как-то чересчур быстро рассосалась. С бабкой один старичок остался. Тот самый, что в вагоне кнопку жал. Только он на допросе у следователя, куда нас наряд привёл, ничего не говорил. Лишь кивал. Жаль, не в мою пользу. Но, случись иначе, и это б меня не спасло. Видеозапись из вагона, изъятая у машиниста поезда, зафиксировала мой проступок лучше любых свидетелей...

Нет, в тюрьму не посадили, конечно. Даже штраф не присудили. Формально-то никакого закона я не нарушил. Только минфомовский «Кодекс высокоморального гражданина». Надо хоть почитать его на досуге. Неужели там и в самом деле есть статья о запрете чесать в паху? Что-то сильно я в этом сомневаюсь. Тем не менее, слова следователя, что вёл со мной профилактическую беседу, запомнились.

— Вы, Артём Сергеевич, — нравоучительным тоном говорил тот, — прежде чем что-то делать, всегда должны твёрдо думать. Вот только представьте себе такой холст живописи: весь народ в потном лице культивирует идеальное общество, вылазит из кожи наружу, а тут, как трое из ларца, появляется этакий хипуистического вида антисоц Кашин в бархатных тапках на босу ногу, садится на корточки посреди культурного парка элитного района Гольяново и, нагло не смущаясь, начинает прилюдно начёсывать себе тестикулы. А то и хлеще чего зачешучит — прикурит, понимаешь, сигарету с никотином в присутствии моционирующих граждан или на глазах у ихних отпрысков хлебанёт прямо из банки небезалкогольного напитка. Представили?

— Представил, — опустив глаза в пол, отвечал я.

— Ну и что вы на такое скотобразии скажете? — продолжал он.

— Ужас.

А что я ещё мог сказать? Ужас, а не речь. Лингвист, мля... Но надо ж было как-то показать, что я искренне раскаиваюсь. Прокатило.

Вот только в университет всё равно сообщили. Ректор с деканом — мужики, в принципе, нормальные. Сказали по секрету, что если б не общественное мнение, которое на них критично давит, они б меня в вузе безусловно оставили: учусь-то я на четвёрки с пятёрками, в художественной самодеятельности принимаю активное участие. Но слишком уж поднялось много шума. А это, брат Кашин, отрицательное влияние на имидж самого вуза... Так что извини, Артём Сергеевич. Надеемся, понимаешь...

Понимаю, ага. Но разве от этого легче? Э-эх...

В общем, о чём тут дальше говорить?

Разве, о волне протеста, которую всколыхнул мой неосмотрительный поступок. Даже удивляюсь, откуда о нём стало известно в широких массах? Я-то помалкивал, как рыба под соусом бешамель. Не дурак же, в самом деле. Наверное, бабка растрепала. Или машинист из метро. Или следователь. Или...

Да какая теперь разница?!

Хреново другое. Уже буквально через неделю после известного происшествия бурлила вся Москва. На улицы высыпали десятки (если не сотни) тысяч недовольных в силиконовых масках Шалтай-Болтаев. Нестройные колонны людей, вооружённых связанными попарно воздушными шариками с намалёванными на них лозунгами типа: «Чесал, чешу и честь имею!», «Почешись или проиграешь!», «Кто не чешет — не мужик!» и прочее подобное, — двигались в разных направлениях. К Кремлю, к мэрии, к МинФОМу, к МВД и почему-то к цирку на проспекте Вернадского. То и дело останавливались на площадях, начиная дружно скандировать:

— Кашин! Мы чешем вместе с тобой!

— Каждый гражданин имеет право на почесать! — и прочие громкие глупости в этом же роде.

По всем каналам растиражировали интервью с известным академиком, который, многозначительно потирая переносицу, объяснял неподкованному в зоологии народонаселению, что чесать себя в интимных местах — это всего лишь безусловный рефлекс, присущий любому представителю млекопитающих мужской гендерной принадлежности. Другое дело, что всё-таки правильнее следовать подобным низким инстинктам в личном пространстве, а не в общественном.

Молчу про многочисленные ток-шоу и полемики.

Совсем не хочу говорить об Интернете, взорванном репликами миллионов пользователей «о своём отношении к проблеме». А вчера на каком-то сайте прочёл, что... Нет, лучше процитирую: «По мотивам известной истории, приключившейся с московским студентом Артёмом Кашиным, а также событий, за ней последовавших, недавно написан сценарий для производства полнометражного кинофильма, а также расширенный его вариант — для восьмисерийного телесериала. На главные роли претендуют...» Бла-бла-бла...

Вот что мне теперь делать?!

Думал на малой родине, в Брянске, зашхериться, да вовремя опомнился. Не, не выход. Там меня каждая вторая собака знает. Не скрою, совсем уж чудовищные мысли голову посещали: а ну, как лягу под нож хирурга, да как избавлюсь от первопричины всех своих несчастий...

Впрочем, суета это всё. И всё рано или поздно заканчивается. Приятнее б, конечно, пораньше.

А на улицу с плакатом да во главу колонны, как бывшие однокурсники советуют, я не пойду. Даже не просите. Не готов я стать ни символом, ни знаменем, ни тотемом.

Лучше дождусь-ка полочки. Половину её сразу отложу на житьё-бытьё, а на вторую... На оставшиеся деньги извращусь по полной программе: куплю бутылку (или, если бабла хватит, даже две) настоящего пива, пачку настоящих сигарет с табаком, укачу на весь выходной куда-нибудь за город и дочитаю, наконец, «Фиесту» аморального, но, как мне кажется, настоящего писателя Хемингуэя.

В извращённом одиночестве. Извращённо почёсываясь в интимных местах. С извращённым удовольствием.

Лёгкая нотка ванили

Так... Что у нас сегодня? Ага. Кованая сталь, корень самшита, автомобильная резина, дублёная кожа, пот гастарбайтера, процедурный кабинет и... свежие листья коки? Помилуйте, шеф, это ж отсебятина! Перебор! Нет в аромате «Тотальное подчинение» (номер П-074) растительных ноток кроме самшитовой. Вы ж деловое совещание проводите, Эрнест Константинович. При чём тут секс?.. Хотя... В чём-то вы, без сомнения, правы. Всё экспериментируете, неугомонный старикан. Всё экспериментируете...

Гена улыбнулся собственным мыслям. Он, как обычно, сидел в дальнем углу. Слушал монотонный бубнёж Известного вполуха и, в отличие от остальных, ничего не записывал, не кусал ногти, нервно не почёсывался. И даже головой подобострастно не кивал. Эрнест Константинович, впрочем, внимания на Геннадия до поры до времени тоже не обращал. Ясное дело, портативный аннигилятор в нагрудном кармане. Старинный, аналоговый, под стать паровому смэллгенератору за шторой. Что ж, сойдёт. Да и станет ли кошмарить ли битый битого? Хм...

И только когда монолог плавно перешёл от вопросов стратегических к индивидуальным, и в кабинете прозвучала его собственная фамилия, главный смэллоператор напустил на лицо заинтересованный вид.

— Я понимаю, Рушко, что вы у нас из особой касты, и мои примитивные приёмчики на вас не действуют, но! Вопрос очень важный. Самый, я б сказал, серьёзный. На сегодняшний день. Так что, будьте добры, Геннадий Григорьевич, достаньте свой блокнот и запишите коды, которые я сейчас вам продиктую.

— Я запомню, Эрнест Константинович. — Блокноты Гена не признавал, а у смартшета сел аккумулятор.

— Значит так, Рушко... — Известный выдержал многозначительную паузу, во время которой метнул глазами пару искр. — Послезавтра Россия вновь выбирает Президента. А наш телеканал помогает ей это делать. Ненавязчиво, но эффективно. Очень эффективно. Без нас, господин гений, страна может попрощаться со стабильностью и вернуться в эпоху хаоса. В ту самую, в которой продолжаете жить лично вы, но другие не желают. Не же-ла-ют! Осознаёте? Короче... — Вторая пауза. Ага, занервничал старикашка. — Или вы немедленно записываете номера утверждённых кодов, или я к вечеру найду на ваше место другого. Пусть он будет не таким талантливым смэллоператором, как вы, Геннадий Григорьевич, но... Но он будет подчиняться руководству телеканала беспрекословно. Понимаете, о чём я?

Гена повинно вздохнул и скосил глаз на соседку — приятную блондинку лет тридцати — Люсю Шарову, редактора музыкальных программ. Та, уловив взгляд коллеги, вырвала из ежедневника листок и подвинула его смэллору вместе с авторучкой.

— Понимаю, — Рушко легонько кивнул Люсе, но получилось, что как бы одновременно и шефу, — записываю.

— Отлично. Продолжаем.

Директор канала с видимым облегчением отвалился на спинку кресла, поднял со стола очки в массивной карбоновой оправе и уставился в верхний экран мультитопа.

— Отмечу сразу: вопросов касательно участия в выборах Карнавалного не задаём. Вчера на него вновь открыто уголовное дело за махинации с Химкинским лесом. Нда... Никакого леса почитай четверть века в Химках нет, а дело... Впрочем, дело это, господа телевизионщики, не наше. Там, — Изветный многозначительно указал пальцем на обсиженный мухами потолок, — разберутся. Ладно, к нашим баранам. К оставшимся... Рушко, фоном речи Вольтижёрского ставите смэлл номер Ц-212, «Цирк уехал». Записали?

— Цирк, говорите? Уехал? Записал, — весело ответил Гена. — А на Фуганова что?

— Минуточку терпения, Геннадий, не торопитесь, — осадил его Известный. — Вторым у нас пойдёт... Пойдёт у нас вторым... Тэээкс... А! Морёнов! Никчёмный старый пер...

В кабинете послышались смешки, однако директор невозмутимо поправился.

— Пардон, господа. Итак, Морёнов. Хорошо всем известный... эээ... кандидат. Ему дадите «Фунт презрения». Код ПР-037. Геннадий Григорич?

— Отмечено, босс, — кивнул Рушко.

— Отлично, отлично... Третьим у нас согласно жеребьёвке... Ага! Левинский...

Дав в конце «секретки» — секретного совещания, — как, впрочем, и положено в таких случаях, подписку о неразглашении, Рушко с Шаровой шли по коридору телецентра в буфет.

— Генчик, скомпозируешь для меня что-нибудь отпадное, а? — говорила Люся. — В следующей «Музгостиной» Леди Дада будет, а все эти «Сладостные радости» и «Радостные сладости» задрали так, что башка натурально трещит. И, судя по всему, не только у меня. Зрители реально задыхаются. Редакционный е-мыл такими писулями завален, хоть стой, хоть падай.

— Слушай, может «Всегда-в-соку» подойдёт? — Составлять новую композицию Рушко совсем не хотелось. — А что? На Мармеладзе опробовали, народ пищал. И рейтинг, кстати, зашкаливал.

Люся поморщилась.

— Тебе что, трудно? Геннадий, твоего отца, Григорьевич! Не забывай — Мармеладзе восемьдесят, а Даде всего-то чуть за полтос. И выглядит ещё о-го-го! Плюс — аудитория. Того теперь одни бабульки смотрят, а эта снова на пике. Ну, так как, соорудишь? И потом, кто тебя сегодня от вышибона спас? Не в первый, кстати, раз.

— Ты! Ты, моё сокровище! — Гена обнял Шарову за плечи. — Сделаю, подруга. Для тебя — всё, что угодно. Идею подкинешь? Какой смэлл-то нужен? Страсти побольше? Слепого восхищения? Ты ж знаешь, я по Даде не сохну. Понятия не имею, чем она должна разить. А цель? Желаеть, чтоб поклонники дошли от счастья, лицезря кумира, оттени болгарскую розу нормандской белладонной, чтоб просветлялись — ничего лучше йеменского ладана ещё не придумали.

— Я те дам, ладан! — Люся вырвалась из объятий. Но звонко рассмеялась. — Фуганову своему его поставь! А что, очень благообразный старпэр, неумираемый атэц кое-где ещё оставшегося трудового народа. Вполне, мне кажется.

— Люсёк мой дорогой, все они там такие. Включая вечнорулящего. Десятилетиями ни хрена не меняется! А твоего Фуганова, к слову, шеф к Д-101 приговорил, — наморщил нос Рушко. — Честно говоря, не понимаю. Почто дряхлых дедушек обижать? Скажи мне, милая женщина.

Они, наконец, вошли в буфет и встали в хвост небольшой очереди.

— Д-101? — подняла брови Шарова. — Прости, прослушала. Это что?

Гена наклонился к самому уху подруги и тихо, чтоб окружающие не расслышали ни слова, прошептал:

— «Старое дерьмо». Настоянный на змеиной желчи соловьиный помёт, экстракт разложившейся печени, вытяжка из жабр протухшего минтая, лёгкая нотка ванили.

— А ваниль-то на кой ляд? — искренне удивилась Люся, но тут же засмеялась. — Опять развёл!

— Ни в коем разе, — отрицательно покачал головой Рушко. — Ванильный штрих добавляет аппетиту. Мол, нажрётесь вы с ним этого самого... Врубаешься?

Шарова ненадолго задумалась. Подперев рукой подбородок, она пристально посмотрела Геннадию в глаза и, наконец, проговорила:

— Врубаюсь.

Совершенно серьёзно сказала. А потом негромко добавила:

— Ты страшный человек, Рушко. Наш Известный по сравнению с тобой — Д-101.

И поёжилась. Словно вдруг в буфет откуда-то прорвался холодный северный ветер.

Гене стало неуютно.

Кофе они пили в полном молчании. А потом так же молча разошлись по кабинетам...

Лет двадцать назад, когда на полках супермаркетов появились первые телевизоры со смэллчеками, — или аромогенераторами, как их поначалу называли на русский манер, — мало кто мог себе представить, что со временем начнётся такой кошмар.

Запах — субстанция тонкая, деликатная. С древних времён человек знал, что ароматами можно воздействовать на себе подобного так, как не подействует ничто другое — ни вид, ни слово, ни даже физическая сила. С помощью запахов можно заставить любить и ненавидеть, внушить уверенность, отвращение, страх. Всё, что угодно! Действует безотказно, покруче всяких НП. И даёт на выходе стопроцентный результат. Не хочешь покупать роскошную «Ладу Калину VI» по цене скромного «Лексуса»? Пшик! Уже хочешь. Нет на неё денег? Пшик! «Наш банк даст

тебе кредит на самых выгодных условиях!» Боишься не отдать? Пшик! «Новейшее средство от тревоги и страха...»

Пшик. Пшик. Пшик...

Первые телеаромоприёмники стоили дорого. Жидкие наполнители для смэллчеков продавались отдельно. Но главное, был выбор. Хочешь — нюхай, не хочешь, выруби контроллер и смотри передачу по старинке. Однако лет через пять новые сколковские кулибины изобрели электронную версию. Маленькую микросхемку. Процессор. Уж каким-таким образом этот самый процессор начал создавать запахи, одним тем изобретателям известно.

Может, проще всё? Нет вообще никаких запахов? А есть в мозге каждого те самые коды, которые стоит включить — скрытым кадром, световым импульсом, инфра- или ультразвуком — и всё. Готово! А что, вполне себе версия.

«Мне кажется, здесь пахнет полевыми цветами».

«Мне кажется, в воздухе витает аромат розы».

«Мне кажется...»

Так кажется или всё-таки пахнет? Эх...

«Ты страшный человек, Рушко», — Люсины слова до сих пор звучали в голове.

Страшный!

Гена сидел в лаборатории за компьютером, композирова коды эфирных аромосигналов. Но сосредоточиться на работе не мог. И перепоручить задание ассистентам, как непременно поступил бы в другой раз, не мог тоже. Проклятая подписка!

До эфира «Напутственных трёхминуток» оставалось чуть больше часа, когда, наконец, коды были составлены и введены в программу. Дело оставалось за малым — синхронизировать смэллтрек с видеообращениями и аудиодорожкой. Ерунда. Девять персонажей, по двадцать секунд на каждого.

Вот только почему же на душе так скверно?

«Ты страшный человек, Рушко. Наш Известный по сравнению с тобой...»

— Вовсе никакой я не страшный, Люся. Ты слышишь меня, Шарова? Это не я. Это всё они! Они страшные! — Гена настолько разволновался, что не заметил, как заговорил вслух.

Опомнился, когда раздался стук в запертую дверь. И встревоженный голос старшего ассистента, прозвучавший за ним:

— Геннадий Григорьевич, что с вами? С кем вы разговариваете? Может, помощь нужна?

Рушко пришёл в себя. Встряхнулся.

— Всё нормально, Валера, — натянуто-спокойно ответил он. — Это я с Шаровой трепался. По смартшету. О следующей «Гостиной». А «трёхминутки» уже свожу. Звякни выпускающим, скажи, чтоб освободили внутренний шлюз. С минуты на минуту начну переправлять.

— Понял вас, шеф, — ответили из-за двери. — Сейчас сделаю.

Но Гена последних слов ассистента уже не слышал. Ему в голову неожиданно пришла идея, от которой настроение резко поднялось. Но и, вот парадокс, затряслись поджилки. Если кто-то догадается, на карьере можно будет ставить большой и жирный крест. На карьере? Или... Нет, об «или» лучше не думать. А, плевать!

«Вовсе никакой я не страшный, Люся...»

Всего два лишних символа перед знаком равенства: /0.

До цепочки кодов, сразу после вводной строки. Дробь и ноль.

Элементарный цифровой аннигилятор имени Геннадия Рушко.

Можно делить на ноль? Ха! Первый класс, вторая четверть.

Всё.

Эрнест Константинович Известный вернулся в кабинет с переговоров, когда большинство «напутствий» уже прозвучало. С экрана, поблёскивая серебристыми висками в тон платиновой оправе очков, вещал элегантный «номер шесть». Олигарх Проворов. Старый неудачник, которое десятилетие пытающийся втюхать населению грядущую с ним экономическую революцию. Как он не понимает, долдон, что народу нужна только стабильность?! Вопрос сто лет как решенный... на самом высшем уровне.

Но что-то всё ж было не так. Что?

Пока Известный пристально вглядывался в экран, Проворова сменил коммунист Фуганов. Хм... Изображение безупречно. Звук? Да вроде вполне себе. Сочное такое стерео. Но что? Что тогда?

И тут директора осенило. Запах!

Запах отсутствовал. За олигархом должен был тянуться лёгкий шлейф керосина, а Фуганов... От Фуганова планировалось разить смэллом Д-101! «Старым дерьмом»! Ах ты, парфюмер чёртов! Рушко! Ну, гад, влип. Теперь точно уволю к хренам собачьим...

Рука Известного потянулась к коммуникатору, когда нерешительно тренькнула, а потом истерично заверещала допотопная «вертушка». Кремль... Что делать? Что говорить?

Из трубки раздался Голос. Как всегда, спокойный. Правда, на этот раз не очень уверенный:

— Добрый вечер, Эрнест Константинович. Вот, знаете ли, решил на досуге развлечься. Посмотреть последние предвыборные обращения. И... — на пару секунд повисла тяжёлая пауза, — представьте себе, в кабинете до сих пор пахнет лишь моим собственным одеколоном... Представили?

— Д-да, — слегка заикнувшись, односложно ответил Известный.

— А теперь представьте на минуту... — в Голосе появились нехорошие нотки, — чем будет пахнуть народ, в одночасье лишившийся стабильности. И вы... Чем будете благоухать... мя-мя... на пенсии... эээ... лично вы? Дачным навозом?

Странно, но от этих слов в голове Известного словно что-то перещёлкнуло. Стало настолько всё равно, что старик успокоился. Его ответ Голосу прозвучал как-то устало и в то же время с оттенком сарказма:

— Дачным, говорите? Что ж, можно и навозом. Хороший запах. Увы, почти забытый, но зато натуральный. Безо всяких там ваших этих... ванилинов...

Аннигилятор остался в кабинете. На столе, рядом с бланком приказа.

Давно стемнело. «Чёртов парфюмер» Рушко не спеша шёл по аллейке ботанического сада, вдыхая полной грудью пробуждающуюся весну.

Март.

Боже, как свежо и после зимы щедро благоухает март! Ненавязчивые оттенки талого снега, сырой древесной коры, оттаивающих собачьих экскрементов, подгнившей прошлогодней листвы и еле-еле пробивающиеся с далёкой автострады ядовитые выхлопы создают такой удивительный коктейль, что просто хочется жить.

Жить! И радоваться тому, что живёшь.

А коль стало грустно, настроение всегда можно чем-то подправить. Теми же «свежими листьями коки». Или «яблочным цветом» каким-нибудь.

Ну, а если уж и Люся после всего наконец-то согласится заглянуть к тебе на ужин, а к кулинарными изыскам хозяина попытается остаться, мягко говоря, равнодушной, вспомни, что в кармане лежит новенький смартшет. Незаметно сгенери на нём...

[интермедия) Наколдуй мне вчера

Наколдуй мне вчера.

Вчера было славно. Кальвадос в тёмной бутылке. Мягкий рассеянный свет выцветшего, некогда зелёного, абажура. Исцарапанная зубами вдохновения перламутровая ручка с треснутым под шариком золотым пером. Два листа серой бумаги на липкой от немой старости клеёнке. Был вечер. Почти бесконечный и совершенно нереальный, незаметно закончившийся лишь сегодня под утро. Твои длинные каштановые волосы, расчёсанные, как у Йоко Оно, на прямой пробор, колючее плечо в родинках, нежно подставленное под мою небритую щёку. Вчера была музыка. Под тихий голос ушедшего в вечность Лу Рида. Вчера...

Наколдуй мне вчера.

Вчера было. Оно не могло просто присниться. Я помню, как мы высчитывали столбиком на бумаге литраж мирового океана, тихо смеялись, тёрлись носами. Пролитый на пол кальвадос выдыхался перебродившим красным яблоком. У тебя долго дёргалось веко. А потом на щеку упала ресница. Ты загадала желание, которое тут же исполнилось. Оно не могло не исполниться вчера. Вчера было сказочно...

Наколдуй мне вчера.

Вчера было жутко. Остервенелая снежная крупа яростно билась в наши окна, но не могла пробить прозрачной брони тонких стёкол, пугливо вздрагивавших от резких порывов западного ветра. Гудело в радиаторе какое-то мелкое вселенское зло, заключённое в стальные трубы и чугунные рёбра. Истерично выло от собственного бессилия. А мы испуганно улыбались и, как дети, застенчиво смотрели друг на дружку, то и дело озирались по сторонам, ожидая чего-то волшебного. А оно, что-то волшебное, уже было. Рядом. Вокруг нас. Вчера...

Наколдуй мне вчера.

Вчера было весело. Ты запекла в духовке зелёные груши. Они стали жёлтыми и отвратительными на вкус. Мы кидались ими с балкона. Не по людям или собакам, нет! Мы целились в провода, провисшие меж склонившихся от стойкой усталости столбов. Целились хорошо и долго, но ни разу так и не попали. На нас громко орал нервный сосед со второго этажа. Орал от страха, что мы испачкаем его машину. И мы её, наконец, запачкали. И сосед сразу умолк. Страх перед неизбежностью ушёл. Вчера...

Наколдуй мне вчера.

Вчера было всё совсем не так. Ты раскинула пасьянс на любовь. Пасьянс, который никогда не сходился. Не сошёлся он и вчера. Ты долго и пристально смотрела мне в глаза. Потом отвернулась, но я успел заметить мокрые дорожки на твоих щеках. Ты сказала, что карты никогда не врут. Меня передёрнуло. Я сказал, что карты врут всегда. Встал с табурета и обнял тебя. И Лу Рид тактично умолк. Кончился диск. И снег за окном перестал. Выдохлись, устав взбираться к Луне, тяжёлые на подъём тучи. Значит, я прав. Я. А вовсе не карты. И ты поверила мне, а не им. В первый раз. И, наверное, в последний. Вчера...

Наколдуй мне вчера.

Я знаю, что вчера никогда не вернётся. Знаешь это и ты. Но ещё я знаю, что вчера можно повторить сегодня. И завтра. И послезавтра. Всегда. Вот только ты мне почему-то не веришь. Но вчера ты умела колдовать. Откуда-то знаю, сумеешь и сегодня. Ведь сумеешь, правда? А я буду рядом. Даже не сомневайся. Буду.

Наколдуй мне вчера...

Затмение

Ноябрь вовсе не располагает к хорошему настроению.

Солнце не показывалось уже неделю, когда случилось его полное затмение. Впрочем, этот факт остался горожанами незамеченным. Ничего удивительного. Желания зевак, извините за каламбур, тучи не колышут.

Аскарлов, который о предстоящем затмении вообще ничего не слышал по причине обитания в полном информационном вакууме, проснулся с большой головой. Кофе кончился. Цитрамон тоже. Да и чуток дрянного мутного коньяка, оставленного на утро в открытой бутылке, и, естественно, выдохшегося, не вызвал в душе никакого подъёма. Лишь рвотный позыв.

Хорошо, что с вечера ушёл в сон, не раздеваясь. Даже шкеры не снял. Предусмотрительно.

Аскарлов принял сидячее положение и тут же провалился в глубокую диванную яму, продавленную прошлым годом приступом ноябрьской же депрессии. Чёрт! Нынче было еще хуже.

Холст, аккуратно растянутый на квадратном — тридцать на тридцать — подрамнике, тщательно прогрунтованный и готовый стать очередным кадавром, стоял в углу на грубой самодельной треноге, отдаленно напоминающей пропитый мольберт.

Деградант...

Да и хрен на вас. Считайте кем угодно.

Аскарлов глянул на часы. Без десяти семь. До открытия магазина больше часа...

Авиационный гул старенького холодильника, впуская транжирящего электричество, успокаивал. Жёлтый, словно лихорадка, эмалированный чайник, побитый временем и ударами судьбы до черных бланшей, закипел на электроплитке минут через десять. Пара пакетиков самой дешёвой «принцессы», закинутых в треснутую чашку, дали цвет и крепость практически сразу.

До открытия сорок пять минут. Академический час. А-ка-де-ми-чес-кий... Тьфу, сука.

Голова по-прежнему трещала, но, удивительное дело — тремор прекратился. Смахнув ладонью хлебные крошки с фанерной разделочной доски, Аскарлов выдавил на нее из всех

тубиков остатки темперы. Размял о подоконник замоченные с позавчерашнего дня кисти и, выбрав взглядом странным образом сохранившуюся до утра натуру будущего натюрморта, стеснительно возлежащую перед тусклым, обсиженным мухами зеркалом, кинул первый, размашистый мазок...

В восемь ноль две, если верить старенькой наручной «Ракете» в облупленном, когда-то позолоченном корпусе, дверь магазинчика широко открылась изнутри, очертив неестественным и чересчур ярким энергосберегающим светом знакомую полную фигуру.

— Доброе утро, Зина, — поздоровался Аскарков с продавщицей.

«Какое оно, к чёрту, доброе... Кто придумал утро, тому лом в глотку... Господи, помоги, а?»

— Привет, Женечка! — весело звякнула женщина своим неподражаемым и совершенно не меняющимся с годами дискантом. — Ты, гляжу, привычек не меняешь.

— Куда мне, Зин? — потупился Аскарков.

«Куда мне, Зин? Какие привычки? Молчала б ты. Просто дай малька, и отвали».

— Да хоть бы в супермаркет на Дзержинского, там на десятку дешевле, — ответила продавщица совершенно искренне и до того буквально, что Аскаркову захотелось голову вжать в плечи.

Кого здесь стыдиться? Зину? Я вас умоляю!

«Чёртовы супермаркеты! На кассах бездушные твари сканерами плачут... Извините, мелочи нет. Пятьдесят копеек за мной... За тобой, зараза, за тобой... Хрен ты отдашь мой полтинничек. Глаза круглыми сделаешь и спросишь искренне: «Какие пятьдесят копеек?»... Нет, Зин, супермаркеты не для нас. Для долбаного среднего класса. А мы? Мы — не средний, не класс. Люди. Просто люди...»

— Мне в супермаркете кредита не дадут, — уже натурально сходя с ума и уставившись на крохотную выбоину в бетонном полу, произнес Аскарков.

Очень тихо произнес. Даже не вполголоса, много тише. Но продавщица услышала.

— Опять денег нет? — в голосе её почувствовалось искреннее сострадание. — Точно... Зима ж на носу.

— Зима, — кивнул Аскарков и перевел взгляд на стеллаж с бутылками.

«Да, зима... С её приходом денег никогда нет. Новый год, мля. Борода из ваты. Бухие снегурки в подъездах блюют, дедморозы обоссанные спят в сугробах... Праздник, твою мать. Весёлый семейный праздник».

— Так плохо?

«Так? Да ты, мать, даже не представляешь, как плохо».

— Угу.

— Маленькой хватит? — Зина уже тянулась под прилавок. — Слышь, Жень! Давай я тебе хоть батон дам, кефиру, колбасы ливерной? Всё равно списывать, срок годности кончился. Возьмёшь?

«Хватит с меня и топлива, дорогая моя... Маленькой хватит. А и не хватит, так скоро в переходе туристы появятся. Десяток штрихов на куске ватмана, и сделаем на большую... Зина, Зина, чувств моих корзина».

— Не, Зин, больше ничего не надо, — Аскарков взял с прилавка чекушку и тут же отвернул пробку. — Ты запиши в тетрабочку, ладно? Я отдам через недельку. У меня тут заказец хороший наклёвывается, аван получу...

«Отдам, отдам, точно отдам! На этот раз отдам! А нет — разве беда? Ты ж меня всё равно простишь... Знаю я тебя... Зиночка моя дорогая... Зинулечка...»

Не наклёвывался у Аскаркова никакой заказ — ни плохой, ни, тем более, «хороший». Зина это прекрасно знала. Как знала и то, что пиши в тетрабочку Женины кредиты, не пиши, всё равно не оплатит он их. Никогда. Однако всем своим истинным бабьим нутром чувствовала, что человек Аскарков, в общем-то, неплохой, а потому не отказывала. Впрочем, Аскарков часто и не просил. Так, два-три раза в год. В конце ноября. В остальные ж месяцы деньги у него водились, пусть и в крайне ограниченных количествах...

Аскарков прикончил чекушку и, спрятав опустевший бутылёк в карман, улыбнулся продавщице.

— Спасибо, Зин, выручила. Я из депрессухи выползу, твой портрет напишу. Маслом. Хочешь?

— Сливочным? Бог с тобой, Женька, — смутившись, покраснела продавщица. — Мож, продукты-то всё ж заберёшь?

«Ой, Зин, какие, к чёрту, продукты? Спасибо тебе и так. И тебе, Господи, спасибо. За Зину. И за милость её. Искренне, Господи. От души».

— Не, Зин, не возьму, — застенчиво отмахнулся повеселевший Аскарков и шатко развернулся к выходу.

Остановившись у порога, обернулся и ещё раз, пристально, словно пытаясь запомнить все черточки и родинки её лица для будущего портрета маслом, глянул на Зинаиду. Будто сфотографировал. На память. Потом, бросив лёгкое, словно салфетка, «пока!», широко распахнул дверь и шагнул на улицу. В ту же секунду снаружи раздался сумасшедший скрип тормозов, глухой удар, и калёного стекла витрина магазинчика под напором нахальной автоморды разлетелась на десятки тысяч блестящих осколков, осыпающихся на влетевшее обратно тело Жени Аскаркова...

Евгений Александрович должность главного инженера кирпичного завода получил к тридцати годам.

Какой-нибудь скептик скажет: «Эка невидаль! Гайдар в шестнадцать полком командовал, Абрамович в тридцатник уж миллиардером стал, а тут — инженеришка на кирзаводе, пусть и главный».

Так-то оно конечно, так. И завод тот ещё, прямо скажем — не монстр индустрии, да и должность не директорская. С другой стороны, кирпичи — такой товар, который спросом пользуется неизменным. В середине ж девяностых, когда встали практически все промышленные гиганты, деньги людям задерживались годами, наш кирпичный заводик работал себе, пыхтел пыльными горячими трубами и продукцию выпускал, не снижая темпов. Две сотни работяг трудились в поте лица, получая вполне приличные зарплаты. На кирпичников молились родственники и друзья, живущие благодаря своим добытчикам. Сами ж работяги благословляли старика-директора, взявшего на работу «выдумщика Женечку».

Аскарков, попав на кирпичный по вузовскому распределению в самом конце Перестройки, некоторое время работал в конструкторском бюро, кропотливо и не без интереса «изобретая» продукты «побочного» заводского промысла — в основном керамическую посуду. Так, для расширения ассортимента. Получая за внедрение небольшие доплаты, в свободное время, будучи по зафиксированной в дипломе специальности архитектором, вычерчивал на ватмане проекты «зданий и сооружений». Всё больше — домов и коттеджей индивидуального характера, которые тогда ещё не были столь обыкновенными, как в нынешние времена.

С приходом же рыночной экономики, когда спрос на керамическую посуду отечественного производства резко упал — большинству людей просто нечего из неё стало есть, а на кирпич снизился — массовое строительство резко сократилось, Аскарков со своими прожеками отправился к директору. Года три назад шеф выгнал бы наглеца взашей, сейчас же заинтересовался. Ага! От государства и трестов заказов нет — мы повернёмся лицом к частнику. Это ж одни обнищали, другие — совсем наоборот. Последних, этих «других», пусть не много, но и у нас мощности не резиновые.

В общем, нашлись заказчики. В достаточном количестве. С наличными в твёрдой валюте. Пришлось при заводе даже строительную фирму организовать, чтоб грядущую прибыль в чужие руки не отдавать.

Аскаркову ж лет через десять такое существование наскучило. Да, безбедное и вполне материально-безоблачное. Да, с перспективами на повышение — старик со дня на день собирался на пенсию. Да, уважаемое — даже в горадминистрации при Женином появлении все былые и потенциальные заказчики ему улыбаются и здоровались за руку, растаскивая парня по кабинетам «на рюмочку кофию». Чего б ещё желать? Семьи? Есть уже. Жена прелестная, дочка Маша — колокольчик весенний. Народного избранничества? Можно было и этот вопрос при желании порешать...

Но Женя ничего этого уже не жаждал. Он хотел одного. Рисовать. Писать картины. Маслом, пастелью, акрилом, темперой, акварелью — не важно. Главное — творчество.

Кто-то из знакомых, должно быть сам воплощенный Дьявол, случайно увидев у Аскарковых дома Женины любительские рисунки, однажды сказал:

— Да ты, парень, талантище! Тебе выставляться надо.

И понеслось...

Сначала с завода уволился. Потом, устав от скандалов, развёлся, оставив недовольной мужниными карьерными переменами жене с тогда ещё малолетней дочерью загородный коттедж, дорогой автомобиль и все свои сбережения за исключением ничтожной суммы на покупку комнаты в коммуналке. Много ль истинному художнику надо?

Нет, первые годы — пять или шесть, словно кто-то затаскивал его глубже и глубже, — складывалось всё не так уж и плохо. Были и персональные выставки, вернисажи, и критические отзывы — чаще хвалебные. Картины с рисунками продавались вполне бойко, уходили порой в столицу и даже за бугор. Друзей поприбавилось. Правда, каких-то непонятных, странных и тёмных.

Женя, человек от природы не жадный и добрый, кормил и поил всех приживал за свой счёт. Хотел вместо комнаты в коммуналке и студию в новой высотке прикупить. Что — студию?! Как Гоген, на Таити рвануть! Развернуться на Тихоокеанщине!.. Но как-то не заладилось, да и накопления таяли, как весенний снег... А новых работ не появлялось. За гулянками и попойками ушла Божья искра, не стало вдохновения. И руки всё чаще дрожали.

Ладно, когда несколько недель в забытьё-мареве. Ну, месяц-другой. Даже год можно вытерпеть без творчества и его сомнительно-сладких плодов... Аскарков очнулся через три. В ноябре. В полном одиночестве. Высосанный и опустошенный. Без копейки денег, без идей, без всяких мыслимых перспектив.

Поначалу ему по старой памяти ещё давали заказы на оформление всяких кафе и небедных жилищ, но и на этом фронте Аскарков долго не продержался. Ушёл в депрессию, а с нею и в первый сольный запой. Занимал у соседей по коммуналке какие-то деньги, рисовал, торговал немудрящими пейзажиками и натюрмортами на блошинке, задёшево, на материалы и пузырь... Жена бывшая, увидавшая его однажды на рынке, с трудом узнала в опустившемся пропойце близкого когда-то человека. Посмотрела искоса, презрительно. И произнесла одно лишь слово-приговор:

— Дегрант.

А вечером позвонила и запретила видеться с дочерью, тогда уже старшеклассницей...

На Женины похороны пришли лишь соседи по коммуналке, Зина, продавщица из продуктового, да дочь Маша, студентка-первокурсница. Марина, бывшая жена, на кладбище поехать не смогла, слегла в больничку с инфарктом. А когда выписалась через пару недель, дочь не пустила её за город, домой, а, чтоб быть постоянно рядом, привезла к себе на съёмную квартиру.

Марина сидела на диване и смотрела телевизор, какую-то передачу про солнечные циклы, когда Маша вошла в комнату, неся чай с печеньем.

— Слышь, дочь, — вполголоса произнесла Марина, не отрывая взгляда от экрана.

— Да, мам? — Маша поставила поднос на журнальный столик и сняла с него чашки с блюдечками.

— Оказывается в день, когда отец погиб, было полное солнечное затмение, — спокойно сказала Марина.

— Я в курсе, — кивнула Маша и села в кресло. — Самое опасное время. Вот и отец...

Девушка взяла салфетку и промокнула выкатившуюся из глаза слезинку.

— Вот и отец... — эхом отозвалась Марина. Потом, через паузу зачем-то добавила: — А мне тогда, накануне яблоки снились... Думала, к добру.

Марина повернулась к дочери, но взгляд её устремился куда-то мимо, через Машино плечо, туда, где в стену вжался обшарпанный комодик с резными ящичками, сделанный Женей своими руками ещё в бытность работы на кирзаводе.

— Ма-аш, а дай мне вон то яблоко, — тихо произнесла она.

— Какое, мам? — Маша посмотрела на Марину и, проследив за её взглядом, обернулась.

На комодке перед небольшим тусклым зеркалом квадратной формы, отражая в нём жёлтую, в розовых штрихах покатуую спину, лежал изумительный, совсем не по-зимнему сочный плод. Живой и настоящий, словно только что сорванный...

Но не сорванный. Не живой и не настоящий...

Нарисованный уютным ноябрьским утром остатками темперы в грязной комнате старенькой коммуналки за четверть часа до невидимого из-за туч затмения.

Нарисованный, чтобы скоротать время до открытия магазина за четверть часа до собственной гибели опустившимся и насмерть уставшим от жизни человеком, в которого больше никто не верил.

Нарисованный деградантом.
Художником...

Да... Ноябрь не располагает к хорошему настроению.

Ыги

— Ты понимаешь, какая штука, дочь... — Владислав Андреевич вдруг умолк и обхватил пальцами подбородок. — Нет. Ты мне не поверишь... Ладно, проехали. Он опёрся кулаком о ступеньку крыльца и, шумно выдохнув, поднялся на ноги. — Иди-к лучше чайник поставь. Пополдничаем. У меня и трубочки есть твои любимые. Со сливочным кремом. Не откажешься, надеюсь?

Вера, не сделав даже попытки исполнить просьбу отца, решительно потребовала:

— Па! Заикнулся — рассказывай. А уж верить или нет, буду решать сама, хорошо? В тридцать-то лет я могу себе это позволить? Или... или боишься, что я засомневаюсь в твоей адекватности?

— Да ничего я не боюсь, — проворчав, отмахнулся мужчина. — Просто, Верочка...

— Что — просто?

— Ничего. Пойдём в дом. Отчего-то ветер сегодня слишком холодный. Штормить, наверное, будет...

* * *

Со стороны это выглядело забавно. Худенький мальчуган в синеньких плавках бегал туда-сюда, словно заведённый, по белоснежному песку, при этом активно жестикулировал, покрикивая что-то типа: «Ыги! Ыги!». В море, метрах в десяти от береговой линии плескался дельфин. Он менял направления заплыва вслед за разворотами мальчишки. Иногда выскакивал из воды и крутил эффектные сальто.

— Ыги! — восторгался пацан, от души хлопая в ладоши.

— Крр-иии! — радостно отвечал ему дельфин, чтоб тут же скрыться с глаз и вынырнуть в совсем уж неожиданном месте.

Да, забавно.

Владислав Андреевич в полной мере наслаждался бы этим бесплатным цирком, кабы не мрачные мысли... Что делать?! Что можно сделать, когда уже всё — всё! — перепробовано. И ничего не помогает...

Сколько минут пожилой человек просидел так, практически ничего не видя и не слыша, не мог бы сказать, наверное, он и сам. Очнулся, когда почувствовал, что кто-то легонько тронул его за плечо.

— Эй, вы чего?

Подняв голову, Владислав Андреевич увидел перед собой молодую худенькую женщину в лёгком ситцевом сарафане. Она протягивала ему маленькую серебристую рыбёшку с сиреневыми хвостиком и плавничками. Рядом, переминаясь с ноги на ногу, беззастенчиво улыбался давешний малолетний дрессировщик.

— Я? — пожал плечами мужчина. — Да так, задумался... Интересная у вас рыбка. Который год здесь живу, таких ни разу видеть не приходилось. Как она называется?

— Понятия не имею, — пожала плечами женщина. — Её Славка вам принёс. Сказал, что поможет.

— Спасибо, Славка, — Владислав Андреевич в одну ладошку принял дар, другой потрепал мальчугана по вихрам. — Слушай, парень, а чему она должна помочь?

Мальчишка, резко присев, ушёл из-под руки мужчины, отвернулся к морю и громко закричал:

— Ыги, Ыгииии!

Через секунду из воды показалась чёрная блестящая голова. Славка начал отчаянно жестикулировать. Дельфин несколько раз пронзительно вскрикнул и вновь скрылся из виду. В ту же секунду мальчуган повернулся к женщине, легонько толкнул, чтоб привлечь внимание, и когда та оторвала взгляд от моря, молча отжестикулировал теперь ей. Женщина кивнула.

— Славка говорит... — обратилась она к Владиславу Андреевичу.

— Что Славка делает? — изумился тот. — Он... он у вас что? Глухонемой? Ох, беда. Моя жена — сурдопедагог, всю жизнь с такими ребятишками работает... Работала. Искренне вам...

Пожилой человек, наконец, поднялся со скамеечки, не зная, как выразить своё сочувствие. Ещё эта нелепая рыба в руке...

— Не стоит! — отмахнулась женщина и открыто улыбнулась. — Мы с сыном прекрасно друг дружку понимаем. — Правда, Славка?

Мальчишка кивнул и снова заулыбался, обнажив крупные белые зубы.

— Ладно, беги, играйся, — вновь заговорила женщина. Она легонько шлёпнула пацана по задку и, когда тот унёсся, обращалась уже к мужчине. — Так вот, про рыбку. Славка сказал, что она поможет справиться с болезнью. Только её нельзя ни жарить, ни варить. Надо есть сырой. Ежедневно. Вы, если хотите, чтоб ваш близкий человек выздоровел, должны приходить сюда каждое утро. Ыги вам будет приносить, а Славка передавать. Во всяком случае, так Ыги говорит.

— Простите, кто говорит? — Владислав Андреевич наморщил лоб.

То, что он сейчас услышал, решительно не укладывалось у него в голове.

— Дельфин, — пожала плечами женщина. — Ыги. Так его сын зовёт. Вы ж сами всё видели. Нет?

— Но... — мужчина вновь уселся. Почему-то ноги отказывались держать.

— Да я и сама толком не понимаю, как это происходит, — проговорила женщина, устроившись рядышком. — И решила, что всё знать мне вовсе не обязательно. Просто вижу, как они общаются. Невероятно, но Ыги прекрасно понимает сурдо-язык, а Славка слышит его речь. Но не ушами, этого б он сделать не смог при всём желании, сами понимаете, а непосредственно мозгом... Удивительные создания эти дельфины, не правда ли?

— Удивительные... — задумчиво произнёс Владислав Андреевич. — Да уж... Но как? Как он узнал о том, что у меня серьёзно болен близкий человек?

— Этого я тоже не знаю, — ответила женщина. — А вы здешний, да?

— Да, теперь здешний. Пять лет уже. С гаком, — произнёс мужчина. — Вышли с супругой на пенсию, продали квартирку в Краснодаре и купили тут, в деревушке, небольшой домик. Дети выросли, своим жильём давно обзавелись... Здесь хорошо, правда?

— Очень, — согласилась женщина. — Я даже представить не могла себе, как. Мы из Сыктывкара, здесь у родственников мужа живём. Вот, в первый раз на море решили выбраться. И сразу на всё лето... Я, кстати, Лена. А вы?

— Очень приятно, Лена. Владислав Андреевич.

— И мне очень приятно.

Несколько минут сидели молча. С интересом смотрели, как играют неугомонные Славка с Ыги. Первой заговорила Лена.

— Вы б, Владислав Андреевич, попробовали... — и тут же смутилась.

— А-а, рыбку-то? — повернулся к ней мужчина. — Думаете, поможет?

— Думаю, да. Поможет, — серьёзно ответила Лена. — А кто у вас болен, если не секрет?

— Какой уж тут секрет?! Супруга, — вздохнув, ответил Владислав Андреевич. — Меня-то почти не узнаёт уже. Четвёртый год пошёл... Альцгеймер. Слыхали?

— Это та, которая сурдопедагог? Жуть какая, — поёжилась женщина.

— Точно, жуть, — согласился мужчина. — Все средства перепробовали. И никаких результатов. Только хуже становится.

— Не все.

— А? Ну да, — невесело улыбнувшись, Владислав Андреевич посмотрел на рыбёшку в собственной ладони. — Не все... Ладно, Лен, пойду я. Чем чёрт не шутит, правда?

— Идите, Владислав Андреевич, — женщина поднялась с лавочки. — Отчего-то мне кажется, что всё получится. А завтра приходите. Обязательно. Славка вас с Ыги познакомит. Хотите?

— Очень, — улыбнулся на прощание мужчина. — Счастливо вам, Лена. И спасибо. Большое...

Он приходил на берег каждый день часов в одиннадцать. Когда не было погоды, и Славка сидел дома — в шторм Лена сына на улицу не пускала — сам становился у кромки воды и кричал: «Ыги! Ыги!». И дельфин неизменно появлялся. Смотрел на Владислава Андреевича — идентифицировал. А потом уходил под воду и возвращался через несколько минут с маленькой чудесной рыбкой, осторожно зажатой в зубах.

Как и обещала Лена, Славка их — мужчину и дельфина — познакомил на следующий же день. Правда, пришлось лезть в совсем ещё не парное июньское море. Ыги тогда весело ткнулся клювом прямо в грудь Владислава Андреевича, чуть не утопив того на мелководье. Но всё равно было смешно. И ни капельки не обидно.

Покормив супругу с ложечки, помыв и дождавшись, когда та уснёт, Владислав Андреевич частенько возвращался на берег. Маленький тихий пляж в крохотной бухточке манил теперь не только пейзажами и свежим морским бризом. Там был Ыги. И Славка.

Однажды, — произошло это недели через три или четыре после знакомства, — мужчина поймал себя на мысли, что прекрасно понимает пацана без всяких слов. И не просто понимает, а говорит с ним. На языке жестов. Да, немножко неуклюже, но почти без ошибок. И, самое удивительное, осознав этот факт, он понял, что слышит Ыги. Не придумывает себе невесть что, а слышит по-настоящему...

— Ну, как там, поправляется твоя Маша? Помогают ей мои рыбки?

Владислав Андреевич поднялся с песка, на котором они со Славкой строили высоченный замок, повернулся к воде и, прищурившись от яркого солнца, отжестукировал:

«Удивляться — но — да. Она — прекратить — ходить — себя — под. Вчера — смотреть — на — я. Я — понимать — она — узнать — я. Пока — имя — я — не — назвать».

«Ничего, назовёт и по имени, — пронёсся в голове ответ Ыги. — Нужно время»...

Заканчивалось лето. Самое удивительное лето в жизни Владислава Андреевича.

Было немножко грустно — Славик с Леной готовились к отъезду. Он вызвался отвезти их в Новороссийск на своей машине.

— Я заеду за вами в три. Думаю, пары часов нам хватит, чтоб добраться до вокзала.

— Тут дороги-то всего ничего. Полсотни километров, если не меньше, — улыбнулась Лена. Впрочем, согласилась. — Но, пожалуй, да, Владислав Андреич. Вы правы, лучше заранее. Мало ли, на дорогах могут быть заторы.

Они шли с пляжа по утопанной дорожке. Славка бежал впереди. С Ыги он уже распроштался. Даже бесшумно поплакал. Но, как известно, детские слёзы сохнут быстро...

Неожиданно пацан остановился, повернулся к идущим следом матери и Владиславу Андреевичу. Те, увидев что-то, какую-то взрослую сосредоточенность в глазах мальчугана, встали как вкопанные. И услышали пусть не очень отчётливое, но решительное и твёрдое:

— Ыги... Ма-ма... Я... Па-па... Жить. Тут...

* * *

Владислав Андреевич с Верой ещё долго сидели за столом. Пили чай, ели трубочки с кремом. Разговаривали вроде б ни о чём и в то же время обо всём сразу. Узнав из случайно оброненной фразы, что дочь вновь сократили с работы, отец расстроился. Но вида постарался не показать. Правильно — нужна поддержка, а не жалость. Всё наладится. Всё обязательно наладится...

Почти стемнело. Ветер, завывавший за окном и нервно бивший черешневыми ветками по звонким стёклам, стих. Замолчали и отец с дочерью. Надолго. Минут на пять. Наконец, Вера, взглянув на ходики, подняла глаза на Владислава Андреевича.

— Чего-т беспокоюсь я, пап. Может, позвоним маме? Всё-таки она ещё не совсем окрепла.

— Можно и позвонить, — пожал плечами Владислав Андреевич. — Но если б что случилось, Славка сам бы звякнул. Мы с мамой на прошлой неделе подарили ему телефон, мой номер он знает.

— Так он... Те слова он произнёс не случайно? Всё-таки заговорил, да? — Вера несколько раз перегнула салфетку, сложив из неё бумажную рыбку. — Прости, но как это возможно? Если человек ничего не слышит...

— А кто тебе сказал, что он не слышит? — улыбнулся отец. — Я ж говорю, телефон подарили...

— А, ну да, — кивнула Вера. — Извини, пап, туплю. Просто никак не могу поверить, что это всё вообще могло произойти. Чудо ж, пап! Настоящее чудо. Мама... Да и мальчик теперь... Неужели дельфины... Нет, я слышала про то, что в дельфинарий водят детей с ДЦП, но чтоб так... Никакой логикой не объяснить. Мы ж о них ничего не знаем, понимаешь?

— Понимаю, дочь, — ответил Владислав Андреевич. — Прекрасно понимаю. Но есть некоторые вещи, которым не надо искать логических объяснений... Ты же помнишь, кем всю жизнь работала твоя мать?

Вера, оторвав взгляд от бумажной рыбки, подняла глаза на отца.

— С ума сойти, — прошептала она. — Точно. Сошлось. Так... так значит, она не просто приглядывает за Славкой, пока родители на работе... Она... Она с ним занимается? Вот я дура! Как же сразу не сообразила?! Да-а, пап...

Собрав со стола грязную посуду, Вера сложила её в раковину и включила воду. Но тут же закрыла кран. Вернулась к отцу.

— Слушай, пап, а как там Ыги? Вы сейчас-то с ним видите?

Вместо ответа Владислав Андреевич встал из-за стола и красноречивым жестом позвал дочь за собой...

Они стояли у самой кромки воды. Стемнело уже настолько, что разглядеть что-то было почти невозможно. Но тут внезапно из-за туч показалась луна. Яркая, полная. Она зависла прямо по курсу спасительным прожектором, высветив на море сияющую дорогу. Владислав Андреевич сложил руки рупором и громко крикнул:

— Ыги, Ыги! — выдержал паузу и повторил: — Ыги, Ыги!

Через пару минут лунная дорожка пошла рябью и из воды что-то показалось.

— Смотри-ка, приплыл, — искренне восхитилась дочь.

— А как же? — проговорил отец. — Гляди!

Он поднял руки и активно заработал пальцами. По привычке. Хотя мог этого не делать — теперь они с Ыги прекрасно понимали друг дружку без слов. Сурдо-язык выполнил свою задачу. Контакт налажен.

— Что ты ему говоришь? — Вера, как непоседливый ребёнок, запрыгала от нетерпения. — Па-ап! Ну, что-о?!

Когда дельфин скрылся, Владислав Андреевич ответил:

— Я сказал, что привёл познакомиться с ним свою дочь.

О том, что поведал, как расстроен Вериными неприятностями, решил умолчать.

— Правда? И что дальше?

Не успела Вера договорить вопрос, Ыги вынырнул из воды и быстро подплыл почти к самому берегу, замерев на мелководье. В блестящем клюве что-то белело.

— Не бойся, дочь. Иди, поздоровайся с ним, — произнёс Владислав Андреевич.

Вера, скинув с босых ног незашнурованные кеды и завернув до колен джинсы, вошла в холодную воду. Наклонилась к дельфину, погладила его по блестящей голове и почти бегом вернулась на берег, держа что-то в руке. Сунув ноги обратно в шкеры, она дёрнулась от холода — брр! — и, стуча зубами, произнесла:

— Г-гляд-ди, п-пап! Ыг-ги п-принёс м-мне п-подарок.

На раскрытой ладонке лежал плоский белый камушек с дырочкой.

— Ух ты! Куриный бог? — улыбнулся Владислав Андреевич.

— Ага, — кивнула Вера, поплотнее закутавшись в отцовскую тёплую рубашу, которую накинула перед выходом. — Только, наверное, не куриный, а этот... дельфиний. Да?

— А есть большая разница, дочь? — Владислав Андреевич обнял Веру за плечи, и они не спеша пошли с пляжа. — Главное, что Ыги пожелал тебе удачи. А уж с крыши какого курятника она на тебя свалится, не имеет, по-моему, совсем никакого значения.

Про себя же подумал: «но то, что теперь удача к тебе обязательно придёт, сомнений нет. Ни малейших».

И улыбнулся. Просто так.

В никуда.

Своим мыслям.

И ему. Ыги.

Парамарибо, Монтевидео...

Этой ночью наконец-то выпал снег. Да, поздно — в самом конце декабря. Но зато не тот, что, пролежав кое-как до обеда, превратится в грязную дорожную кашу, а самый настоящий. Долгий, как зовут его старики. Такой, который укроет землю если и не до весны, то до серьёзного многодневного потепления, что ныне случается почти ежегодно. Нет, ну виданное ли дело, чтоб в январе на деревьях почки набухали? Верно, раньше невиданное. А нынче...

Саныч накануне отметил юбилей. Спасибо правнукам, все хлопоты взяли на себя.

— А тебе, дед, предстоит самое трудное, — говорила за неделю до события Даша, младшая и самая любимая. — Ты парадно оденешься, приедешь к шести в «Звёздный», усядешься во главу стола и будешь весь вечер принимать поздравления. Думаешь, это легко — бесконечно всем улыбаться и всех благодарить? Все эти дурацкие тосты выслушивать? Озвереешь, дед!

— Да уж, озверею, — вздохнув, кивнул Саныч. — Дашут, может, ну его? Не надо всего этого, а? Посидим тихонечко у меня. Только своими.

— Дед, даже свои к тебе в квартиру не поместятся, — сказала Даша, обняла Саныча за плечи и легонько его встряхнула. — И вообще — не начинай! Мы с Лизой и Сашкой и так с ног сбились, пытаюсь всё устроить. Полагаешь, легко было зал найти с приличной кухней? Новый год на носу, между прочим. Все приличные кабаки, и неприличные, кстати, тоже, давно под бронью. Корпоративы ж идут.

— Вот и я говорю, Дашут: может, не стоит? — попытался встрять Саныч.

— Всё, я сказала! Разговор окончен, — оборвала старика Даша, чмокнула его в щёку, поднялась с дивана и упорхнула в прихожую.

Через минуту заглянула в комнату уже одетая, улыбнулась, ослепив деда блеском антрацитовых глаз и белоснежной улыбкой. Помахала ручкой, затянутой в пушистую варежку.

— Я побежала, пока! Тебя запереть?

— До свидания, Дашута, — кивнул Саныч и, скрипнув диванными пружинами, отвалился на спинку. — Беги уже, сам закрою...

Новая лопата оказалась и впрямь достойной. Чудо, как хороша! Лёгкая, что твоя пушинка, черенок длинный, по росту, с хитрым нескользким покрытием. Саныч шёл от подъезда к подъезду как трактор, оставляя за собой идеальную, шириной в метр, дорожку — встречным разойтись хватит, проверено годами. Снег разлетался в разные стороны, оставляя на обочинах невысокие пока отвалы.

Сквозь чистый утренний воздух донеслась незатейливая колокольная мелодия, закончившаяся отмеренными по секундам басовитыми ударами. Часы невидимой со двора башни пробили семь. Скоро люди выходить начнут. А как же, работу никто не отменял.

Саныч, чьё отличное настроение просто било в атмосферу чуть не фейерверками, проходя последние метры запел себе под нос:

— Папамарибо, Монтевидео, буэнас диас, аморе Леа...

Песенка была старая, из прошлой жизни. Да ещё и осталась где-то там, за тысячи вёрст. Правду сказать, всю песню Саныч толком уже и не помнил. Лишь эти несколько слов...

— Доброе утро, Пал Саныч! — Вот и Дмитрий, сосед по балкону, на работу побежал. Как всегда первый.

— Здравствуй, Дима, — ответил старик, сделал последний бросок и, выйдя на уличный тротуар, уже расчищенный трактором, разогнулся. Повернулся к знакомому лицом. — Смотри-ка, аккурат к твоему выходу успел. Как тебе нынешнее утро?

— Супер, Пал Саныч! — жизнерадостно улыбнулся мужчина. — А мы с женой как раз вчера поспорили, будет к Новому году снег или нет. На шампанское и эту... шоколадку.

— Ну и как, выиграл? — спросил Саныч, воткнул лопату в отвал, снял рукавицы и достал из кармана платок — вытереть пот со лба.

— Как же, выиграешь у неё! — весело воскликнул Дмитрий. — Давно заметил, с бабами лучше не спорить.

— А что ж спорил-то, коль заметил? — подмигнул мужчине Саныч.

— Так пристала, как банный лист к мокрой жопе! — делано возмутился Дима. Но весь вид его говорил о том, что сам он был вовсе и не против таких развлечений.

Саныч отошёл чуть в сторону, давая Дмитрию дорогу. Но тот не уходил. Начал нерешительно переминаться с ноги на ногу. Старик пристально посмотрел ему в глаза.

— Спросить чего хотел? Спрашивай. Смогу — отвечу.

Дима отчего-то вдруг слегка оробел. Когда он заговорил, даже голос зазвучал как-то не так. Дрогнул, что ли?

— Я тут это... Пал Саныч... слова вашей песни нашёл...

— Какой песни? — совершенно искренне изумился старик.

— Ну, этой, про Парамарибо, — смущённо улыбнулся Дмитрий.

— Ну и? — У Саныча вдруг ёкнуло сердце, стало тяжело дышать.

— Так вот... Нет там «аморе Леа». Там ведь что-то про Бога. Правильно? Про то, чтоб он не покидал Землю, верно?

Старик потянулся пальцами к вороту. Расстегнул верхнюю пуговицу. Потом наклонился, зачерпнул пригоршню снега и растёр им лицо. Отпустило. Выдернув из отвала лопату, он, опустив глаза, тихо произнёс:

— Шёл бы ты, Димон, свой дорогой, а? Не ровён час, на работу опоздаешь. Премии лишат. Тебе оно к празднику надо?

Потом стряхнул рукавицами снег с валенок и, закинув лопату на плечо, побрёл домой.

— Я вас чем-то обидел, Пал Саныч? — крикнул вдогонку Дмитрий.

— Нет, Дим, не обидел. Просто... Не бери в голову, нормально всё, — не оборачиваясь, отозвался старик. — Всё нормально.

— А что тогда? — но этот вопрос повис в воздухе без ответа.

Дима, пожав плечами, развернулся и зашагал к троллейбусной остановке, бубня себе под нос что-то типа: «Вот чудак-человек. Надулся. Что я такого сказал-то?».

«Чудак-человек» отчебучил и на собственном торжестве.

Часов в девять, когда все поздравительные тосты были продекламированы, подарки преподнесены, а гости сыты-пьяны, неожиданно появился градоначальник. Как же, выборы не за горами, а тут такая дата — юбилей самого Воздвиженского. Разве можно пропускать подобные мероприятия?

Мэр, окружённый свитой помощников, телохранителей и вездесущих журналистов, вихрем ворвался в банкетный зал. Одним лишь видом своим эта серая колонна заставила утихнуть музыкантов, а через минуту Михаил Иванович уже стоял рядом с Санычем. С поднятой рюмкой в одной руке и огурчиком, нацепленным на вилку, в другой.

Официально прокашлявшись, он включил на полную мощность поставленный баритон:

— Дорогой наш Павел Александрович! Уважаемые гости! Прошу прощения за то, что появился без приглашения. Но, сами понимаете, пройти мимо такого события, как юбилей нашего славного земляка, почётного, между прочим, гражданина города, я не смог. Не имею, так сказать, права. Я не задержу вас надолго, господа. Павел Александрович! От всей души и от лица города в этот торжественный день я хочу поздравить вас, нашего славного ветерана и удивительного долгожителя, с самым замечательным юбилеем. Сто лет — это, я вам скажу, срок! А встретить этот срок в здоровом уме и отличной физической форме — настоящее достижение, на которое способны только самые достойные люди. Вы, Павел Александрович, достойнейший из достойных! Генералы, как известно, бывшими не бывают, не правда ли? И, как положено, следующие сто лет генерал Воздвиженский проживёт в настоящей генеральской трёхкомнатной квартире в новом элитном доме на набережной.

Выдержав эффектную паузу, мэр положил вилку с огурцом на тарелку, выудил освободившейся рукой из кармана комплект ключей на завязанной легкомысленным бантиком красной ленточке. Протянул юбиляру.

Саныч взглянул на подарок, потом поднял свою рюмку и негромко ответил:

— Поздно мне в элиту, Михал Иванович. Давай-ка лучше с тобой выпьем. За наш прекрасный город.

— Что? — не сообразил мэр.

— За город, говорю, хочу с тобою рюмку поднять. А квартиру? Квартиру мне не надо, своя устраивает, — пояснил Саныч. — Отдал бы ты её лучше этому... как его? Счастливцеву? Парень ногу на войне оставил, троих девок растит, а живёт в бараке не Заводской. Я в новостях на

минувшей неделе видал... Ему помощи. Ты ж хороший мужик, Михал Иванович... Ну что, сделаешь?

Тишина, воцарившаяся в зале с приходом градоначальника, теперь натурально зазвенела.

— Хм... — мэр с интересом посмотрел на Саныча, неодобрительно покачал головой, но из положения вышел достойно: — Что ж, как говорится, хозяин — барин. Счастливицеу так Счастливицеу. Хорошая у парня фамилия. Подходящая. Пора оправдывать. Но речь сейчас о вас, дорогой Павел Александрович. Не могу ж я уйти отсюда без подарка?

— Отчего ж не можешь? — искренне удивился Саныч. — Можешь. Поздравил, тост произнёс. Это, я тебе скажу, дорого само по себе. Давай! Давай за город-то. А? Вон ты какой молодец. Крепкий, как ныне говорят, хозяйственник.

Саныч коснулся своей рюмочкой рюмки мэра и, крикнув, опрокинул содержимое в горло. Михаил Иванович последовал примеру. Прожевав огурчик, он всё ж спросил ещё раз:

— И всё-таки, Павел Александрович? Может, путёвку куда? Или персональный автомобиль? С шофёром? Только скажите...

— Вот ведь неугомонный! — начал вскипать Саныч. — Сказал же — ничего не надо.

Но мэр не унимался:

— Так уж совсем и ничего? Не поверю, чтоб у человека к ста годам не осталось ни одного желания. Подумайте хорошенько.

И тут Саныч вспомнил.

— Есть одно, — хитро улыбнувшись, кивнул он и опустил на стул.

— Ну? — в нетерпении склонился над ним градоначальник.

— Подари-ка ты мне... лопату.

— Что???

— Лопату, говорю, надо. Зима на дворе, скоро снег пойдёт, а у меня инвентарь практически негодный... Хобби у меня такое, Миш. Дворничать люблю. Ну как, подаришь?

Михаил Иванович пристально посмотрел старику в глаза, фыркнул, махнул в отчаянии рукой и быстро пошёл к выходу, буркнув на ходу:

— Будет вам лопата. Через час... Псих старый...

Через час лопату принесли.

Снегоуборочную. Самую лучшую, что смогли найти.

Упакованную в серебристую слюду и перевязанную алой лентой с золотой, как на похоронном венке, надписью: «Генералу Воздвиженскому П.А. от Пономарёва М.И. Лично»...

Парамарибо, Монтевидео...

Он, тогда ещё лейтенант, недавний выпускник высших авиакурсов, встретил её в декабре тридцать шестого. В Овьедо, где была расквартирована иностранная добровольческая эскадрилья.

Леа. Девушка, тоненькая, как тростинка, гибкая, словно ивовый прутик. С огромными антрацитовыми глазами и роскошным водопадом чёрных, как смоль, волос. Она энергично разгребала с дорожки, ведущей от дверей госпиталя до въездных ворот, снег, укрывший лишь за ночь всю Астурию. Наверное, впервые в истории.

Павлик в первом же бою получил ранение. Лёгкое. Да что — ранение? Так, царапину. Вражеская пуля прошла по касательной, даже не обездвижив руку. Но порядок есть порядок. Ранен — в госпиталь, пусть только на перевязку.

Леа работала медсестрой. Она была родом из Южной Америки. Приехала в Испанию, как и он, добровольцем. То ли из Аргентины, то ль из Уругвая. А может, ещё откуда. Это было совсем-совсем не важно. Важно то, что любовь — сильная, горячая, умопомрачительная и сумасшедшая — вспыхнула словно факел. Стоило только встретиться их глазам.

Куда деваться — и на войне надо как-то устраиваться. Вот и молодожёны прожили целых два года. Самых, наверное, счастливых. На окраине городка в комнате, сдаваемой за гроши подслеповатой старухой. В доме, окружённом великолепным садом. Ах, какие там росли груши и абрикосы! А яблоки! Такой кандили Павлик не видел больше нигде и никогда.

Мария, их дочь, родилась через год. Маленькое папино солнышко. Миниатюрная копия Павлика.

А ещё через год в здание госпиталя, где в то время как раз дежурила Леа, угодила бомба. Старый одноэтажный дом, построенный в незапамятные времена на века, устоял. Обрушился только самый дальний, если смотреть от ворот, угол. Тот самый, за которым находилась сестринская...

Леа. Она пела эту легкомысленную песенку в тот самый день, когда в Астурии выпал снег. Пела весело, расчищая дорожку. Пела и потом, над кроваткой дочери. Но уже нежно и чересчур, как тогда казалось Павлу, проникновенно. Так, что Машка, сладко зевнув — это обязательно, — тут же засыпала...

Парамарибо, Монтевидео...

Павел вернулся из Испании с годовалой дочерью на руках. Пока он воевал — с финнами, потом с немцами, японцами, позже — в Корее, Машу воспитывали его родители. Слава Богу, их город всегда оставался в глубоком тылу.

А он? Он так никогда больше и не женился. Нет, попытки завести семью были. Три или четыре. Вот только накануне так ни разу и не состоявшейся свадьбы, перед глазами вставала она. Леа. В застиранной армейской куртке поверх белого халата. В лёгких тряпочных туфельках посреди бесконечных снежных просторов.

Парамарибо, Монтевидео...

Мария, будучи девчонкой, отдалённо чем-то походила на мать, но выросла рослой и крепкой. Воздвиженская порода. В её детях, а потом и внуках Павел Александрович тщетно пытался отыскать внешнее сходство с Леей. Его просто не было... Может, и самой Леи никогда не было? Может, ему всё почудилось? Приснилось, показалось, привиделось? Может, сошёл с ума? Сбрендил от одиночества?

Если бы!

А потом на свет появилась Даша. И всё немедленно изменилось.

Всё вернулось. Только боль ушла.

Почти.

Парамарибо...

— Ты, дед, не обращай на них внимания, — говорила Даша, разливая чай по чашкам. Потом уселась напротив Саныча и, взяв из вазочки мармеладинку, закинула её в рот. — Я на твоей стороне. Какая тебе разница, что они говорят?

— Да, в общем-то, никакой, — пожал плечами Саныч, поднял чашку и улыбнулся правнучке, отчего белая щётка усов встала дыбом. — Мне, Дашут, уже давным-давно всё равно, что думают и говорят окружающие. Да, кстати! Лопату-то пономарёвскую я сегодня опробовал.

— Ну и как? — без тени иронии спросила Даша.

— Отличный инструмент. Главное — своевременный. Снегу-то навалило, а?

— Да уж! Везёт тебе!

Даша допила чай и встала из-за стола.

— Ладно, дед, я побежала. Через десять минут последний троллейбус пойдёт. Опоздаю, придётся такси вызывать.

— Так может тебе денег дать?

— Не, дед. Не надо, — отмахнулась девушка. — Учусь жить по средствам.

— Смотри-ка ты, умница какая! — восхитился Саныч. Он поднялся вслед за правнучкой, прошёл за ней в прихожую. — Что ж, тогда, Дашут, не смею задерживать. Кстати, это...

— Что? — Даша, застегнув молнии на сапожках, распрямилась. — Ну, дед, быстрее! Время!

— Так это... перед тобой Счастливец звонил, в субботу на новоселье звал. Сходишь со мною?

— Счастливец? — округлила глаза Даша. — Тот самый? Нормально. В субботу, говоришь?

— Ага, — кивнул Саныч. — К пяти, Дашут.

— Замётано, дед. Ладно, пока! — Даша, чмокнув Саныча в щёку, распахнула входную дверь. — Запереться не забудь!

Часы на башне пробили десять.

Саныч подошёл к окну. Снова шёл снег. Густой. Хлопьями. К утру навалит столько, что за час не разгребёшь. Придётся в пять выходить.

Вот интересно, куда подевался дворник? Надо в домоуправление, что ль, зайти. Поинтересоваться. Умрёшь вот так вот, а снег и тот некому расчистить... Ух, ты. Нет, ты посмотри только — лёгок на помине.

На дорожке перед домом, под самым фонарём появился человек в красной куртке. С метлой и лопатой. Метлу прислонил к столбу, лопату взял наперевес. Правда, не слишком уверенно и как-то криво, что ли? И снегу загрёб чересчур.

Он же её сломает через пять метров! Эх, дети вы! Всему-то вас учить надо.

Саньч вышел в прихожую, оделся, сунул ноги в валенки, взял из угла вчерашний дар градоначальника и вышел из квартиры. Заперев за собой дверь, положил ключи в карман бушлата, застегнул клапан на пуговицу и, на ходу надевая рукавицы, пошёл вниз по лестнице.

Дворник, меж тем, приноровился. Лопату больше не перегружал. Работал легко и, было видно, не без желания.

Э, да он такими темпами всю дорожку за час вычистит!

В душе Саньча всколыхнулась волна ревности, но старик быстро себя успокоил. Даже порадовался. Взявшись за инструмент, он пошёл кидать снег навстречу неожиданному помощнику. А тот, казалось, настолько увлёкся занятием, что никого вокруг себя вообще не видит. Знай, машет. Да насвистывает что-то.

Когда между мужиками осталось метров пять, Саньч мелодию узнал. Он отставил лопату и потянулся в карман за платком. Лоб покрылся испариной.

Остановился и мужчина в красной куртке. Разогнувшись, посмотрел на утирающего чело старика и открыто улыбнулся.

— Добрый вечер, Димон, — улыбнулся в ответ Саньч. — От бессонницы лечишься?

— Добрый, Пал Саньч! Не-а, я сплю как убитый! Танька постоянно ругается, что утром добудиться не может... Снегу-то а? — Дмитрий обвёл рукой двор. — Он такими темпами к утру снова всё завалит. Придётся встать пораньше, чтоб успеть.

— Придётся, Дима, — кивнул Саньч, — но это ж не беда, правда?

— Правда. Не беда, — ответил Дмитрий. И вдруг подмигнул. — Ну что, Пал Саньч, Парамарибо?

Старик спрятал платок и, взявшись за лопату, подмигнул в ответ. А потом, покачав головой, произнёс, не слишком, впрочем, уверенно:

— Нет, Дим. Полагаю, что всё-таки Монтевидео...

Япона мать

Война кончилась не так давно, но Сахалин русским уже вернули.

Уважаемый участковый милиционер Аркадий Алексеевич Обухов, выйдя с первыми лучами солнца на крыльцо с зажатой в зубах сигаркой, сделал первую — самую сладкую — затяжку и... Нижняя челюсть мужчины непроизвольно отвисла, выпустив самокрутку в свободный полет.

Почти достроенный сарай, на котором еще вчера вечером по причине хозяйниной усталости не хватало лишь двери, сегодня лежал в руинах. Нет, постройку не сожгли, не разнес кувалдою кто-то из немногочисленных, но все ж имеющих в Ясенево недоброжелателей — этакое шумное бесчинство Аркадий Алексеевич наверняка б услышал из избы, в какой поздний час оно ни произойди. И пресёк бы самым строгим образом. Сарай просто развалился. Упал. И теперь на безобразной куче досок, оставшейся от, прямо скажем, не слишком-то монументального сооружения, гордо восседал главный хозяйский производитель — петух Варяг, нареченный так вовсе не в честь средневековых северных хулиганов, а исключительно в память о гордом российском утопленнике, не пожелавшем сдаться на милость победителя.

Вполне осознающий свою значимость, а по сему невероятно храбрый, Варяг, расправив каурые крылья, вытянул шею, почти по-человечьи и очень театрально откашлялся, и, наконец, заорал во всю свою луженую глотку, уже во второй раз напоминая деревенским, что за ним, а заодно и за всей крупно-рогатой, мелко-рогатой и прочей, в том числе пернатой, скотиною людям пора бы и поухаживать.

Сей надрывный зов о помощи вывел Обуова из ступора, в который он впал было при виде неизвестно кем варварски разбитых собственных надежд на новое хранилище садово-огородного инвентаря. Участковый с горечью махнул рукой, наклонился, поднял затухшую сигарку и, похлопав себя по карманам, полез за спичками.

— Япона мать, — с горечью произнес Аркадий Алексеевич. — Таперича наново работать. Вот, нелегкая... Эх, япона мать!

Словно в ответ на горькие слова его изнутри дома послышался скрип открываемой в сени двери, а еще через пару-тройку секунд на порог вышла далеко уже не молодая, но осанистая женщина, и, тепло обняв Аркадия Алексеевича за талию, прислонилась к его плечу.

— Что сручирьсь, Аркаша?

Мужик, стеснительно высвободившись, отступил на шаг в сторону, повернул к женщине голову и, покраснев, забормотал извинительным тоном:

— Да так, мам... Прости... Это я не тебя... Вона сарай-то... Халабуда грешная, черт бы ее побрал. Тайфуном, что ль. Так вроде не сильно нонче дуло... Мам?

Ацуко поселилась в северных землях года, наверное, через три после окончания русско-японской кампании. В префектуру Карафуту — в славный город Тоёхара — девочка в возрасте двенадцати лет переехала со всей семьей из Фукусимы. Отец верно и неизменно служил мигрирующему губернатору делопроизводителем, бабка с матерью следили за хозяйством и младшими сестрами, сама ж Ацуко, тогда уже почти взрослая, была предоставлена себе с раннего утра чуть не позднего вечера.

Обычно девочек в японских семьях с раннего детства воспитывают быть хозяйками — учат рукоделию, житейским премудростям и показной скромности, чтобы, выйдя — однажды и на всю жизнь — замуж, те не позорили фамильную честь безыскусно приготовленной соба, неаккуратно заштопанным кимоно или полным отсутствием ночного искусства. Однако с Ацуко никто особо заниматься не хотел. То ли из-за ее совершенно не национального характера, когда, презрев все известные приличия, несносная девчонка во время обеда могла засыпать взрослых кучей неделикатных вопросов. Или, может, из-за странной внешности. Ацуко совсем не походила ни на мать, ни на уважаемого своего батюшку — была не по годам высока ростом, светла волосом и кругла глазами. Короче, с каждым новым прожитым годом она всё больше напоминала обликом бывшего их соседа, вице-консула Российской Империи в Фукусиме, нежели отпрыска древней самурайской династии, вызывая в последнем горькие, но все ж деликатные вздохи разочарования, а в вечно печальных глазах матери плохо скрываемую тоску по ушедшей молодости.

Как бы то ни было, Ацуко проводила больше времени вне стен собственного дома, нежели за ними, не вызывая при этом ни родительского гнева, ни нареканий ворчливой старухи — ее родной (родной ли?) бабки. Впрочем, в школе, куда по новомодному правилу было принято определять сейчас не только мальчиков, Ацуко успевала почти по всем предметам. Хокку слагала безупречно, счет освоила тоже неплохо, гимнастика при таких-то физических данных вообще давалась с легкостью, даже русская грамматика — плохо ли, но и с жившими по соседству прежними владельцами острова надо было как-то общаться — подчинялась девушке более или менее охотно. Беда была только одна. Домоводство. Как ни старалась бедная девочка, при всем своем неумном желании не могла она толком ни мисо заварить, ни в оби без проблем завернуться.

Другие девочки над Ацуко вечно подшучивали. Недобро. И не в глаза, конечно. Кому охота лишиться зуба или щеголять неделю с «фонарем» на скуле? В отсутствии ж объекта сплетен говори, что хочешь. Нда... Звали ее и «белой обезьяной» — за цвет волос, и «пожарной пагодой» — за рост, и даже «идзин» (другой человек), что было совсем уж обидно. Естественно, Ацуко прекрасно знала, что за спиной шушукуются и может даже распускают мерзкие сплетни, но, как известно, не пойман — не вор. Потому переломанных носов и выбитых скул после встречи с ее тяжелым кулаком было не так и много, как разносит вечно все искажающая молва.

Несмотря на трудности, образование Ацуко получила неплохое. Правда, близкими подругами так и не обзавелась, но это не такое уж большое горе. При таком-то характере. Кстати, он — характер — к совершеннолетию смягчился здорово. Годы вынужденного одиночества научили радоваться и миру внутреннему, вовсе не бедному. Пусть то в противовес бесцельному созерцанию окружающих несовершенств...

Любовь, словно цунами, настигла внезапно. Из-за гор. Из русского села с японским названием. Из Наяси.

Любовь звали — Рёша.

Не Рёша конечно, а Лёша. Алексей. Просто у японцев с буквой «л» — факт общеизвестный — проблема. Чисто фонетическая, но иногда мешающая. Да и ладно.

Лёша.

Алексей был здоровенным улыбчивым парнем.

Он шел твердой размашистой походкой, скрипя на всю улицу невиданных размеров черными сапожищами с собранными в гармошку голенищами, глазел с нескрываемым интересом на бесшумно шныряющих в обоих направлениях нынешних хозяев Сахалина и беспрестанно удивлялся, как такая «шантрапа» сумела одолеть и выместить с острова власть его дюжих соплеменников.

Ацуко, посланная матерью за солью, столкнулась с парнем, выходя из лавки. Точнее, это Лёша, не имеющей полезной привычки смотреть туда, куда идет, сам на нее налетел. Окажись на месте Ацуко какая-нибудь бывшая ее одноклассница, без травм дело бы не обошлось, наша же невеста на выданье лишь слегка попятилась в сторону, несильно стукнувшись о стену дома. Не дал ей упасть и сам Алексей, молниеносно среагировав и успев-таки схватить девушку за руку.

— Смотреть, куда ходить, идзин! — громко крикнула Ацуко неуклюжему гиганту на его родном языке, пусть немного исковерканном. Русских она кроме того давнего знакомого — вице-консула из Фукусимы — и не видела, но безошибочно догадалась, что великан как раз их роду-племени.

— Да я это... — пролепетал Лёша, отпустил ее руку и, стянув картуз, взлохматил декорированный позолоченными локонами затылок. Ясное дело, сконфузился. — Прости сердешно, барышня. Случайно вышло... А ты, гляжу, сама-то не наших будешь? Меня, к слову, Лексеем звать. А тебя?

— Ацуко, — прошептала девушка.

Легко поклонилась, покраснела. И опустила глаза.

«Рексей» ей понравился с первого взгляда. Вот только признаться в этом себе сразу она не могла. Из достойной семьи, а как же.

Лёша только присвистнул.

— Ну ничё-се! Ацуко? Да и плевать. По-нашему, Аська получается. Настасья. Япона-мать! А так ведь сразу и не скажешь... Слушай, а тебе тут, — Алексей обвел глазами проходное народонаселение, — среди этого народца точно не скучно? Я б...

Ацуко, боясь пошевелиться, стояла молча и краснела, рассматривая носки собственных гэта.

— Ась! С тобою говорю, мила барышня, — осмелел Лёша и, вновь подойдя к девушке, нежно взял ее за руку. — Слушай, мож, пойдем со мною? Нравишься, сил нет. Женою мне станешь. А что? Хорошо заживем, верь мне. Ну? Пошли?

Соли в тот вечер в доме Ацуко так и не дождались. Впрочем, как и самой Ацуко. Она — может, поддавшись на бесхитростные и такие искренние уговоры внезапно возникшего на ее пути счастья, может, так, из-за пресловутого девичьего любопытства, — не зайдя к своим даже попрощаться, ушла с полюбившимся с первого взгляда Алексеем в Наяси. И на этой же неделе стала настоящей женой. Да, да. По старым православным обычаям была сыграна шумная пьяная свадьба с песнями, танцами и лихой веселой дракой...

Шли годы. Алексей, мужик головастый и с руками, срубил новую избу. Настасья, как ее теперь звали в деревне, родила любимому мужу сына Аркашку и двух дочерей — Олю и Люду (Орью и Рюдочку), научилась и готовке, и рукоделию... Вот только проклятая «л» ей, уроженке страны Восходящего Солнца, так и не далась. Да и незаслуженно обидное прозвище, вмиг разлетевшееся по горам и весям, прилипло намертво. Сказанное однажды ласково и в шутку покойным теперь супругом. В момент, когда на свет явился первенец. «Ты теперь у нас, Настасьюшка, с сего дня мамка... Самая настоящая русская японка мать...»

— Саррай, говоришь, упар? — Ацуко-Настасья спустилась с крыльца, подошла к руинам и стала, оперев руки в боки.

С минуту она, беззвучно кивая мыслям своим, разглядывала доски, потом резко наклонилась и выхватила из кучи поперечный брус. Покачав головой и поцокав языком, она повернулась к дому и призывно махнула рукой сыну.

— Аркаша! Идзи-к сюда, мирый.

Аркадий Алексеевич сошел на землю, бросил козью ножку, бесстрашно затоптал ее босой пяткой, и с кислым выражением лица нехотя побрел к матери.

— Скаджи-к мне, сын, что это? — спросила Ацуко, выставив брус перед собой.

— Как что? Брус, мам, — пожал плечами Аркадий Алексеевич.

— Брусам! — передразнила его Ацуко. — А теперь скаджи, Аркаша, кто учир тебя шурупы моротком забивать? Ну?

Мужик потупился и, сделав неуверенный шаг вперед, взял у матери деревяшку.

— Ай, мам, чего уж теперь-то? — сплюнув на траву, отмахнулся он. — Просто гвозди кончились... А отвертку я сломал. Вот и...

— Вот и поручир, что засружир, — весело сказала Ацуко, легонько толкнув сына в плечо. — Радно уж, бросай её. Пойдём дзавтракать. А то на сружбу опоздаешь, японский горродовой...

Donnerwetter

В позапрошлом году после дня рождения мне три ночи подряд снились...

Нет, donnerwetter. К чёрту о снах!

В тот день я был молод, нагл, но, увы возможным конкурентам, вёл себя вовсе не глупо, как могло показаться со стороны. Смазливая ж девица, что сидела напротив меня, упакованная в синее, оттенка Адриатики, платье, декорированное квадратами Малевича и равнобедренными любовными треугольниками, с мелкими каштановыми кудряшками на забитой ненужной информацией голове и в невообразимой формы полароидной оправе поверх изумрудного цвета глаз, пыталась выглядеть не по годам умной. Но я готов был всё простить за её голос!

— Я правильно поняла, что вы отказываетесь нарисовать пирамиду потребностей?

— Ну почему же отказываюсь? — опомнился я, отводя пристальный взгляд от персоналогини. — Сейчас изображу.

Я достал из внутреннего кармана старенькой кожаны выдавший гербовые бланки реликтовый златопёрый самописец, снял колпачок с погнутой стрелой и, придвинув к себе листок в клеточку, размашистым движением, без отрыва от бумаги, черкнул неровный треугольник.

— Похоже?

— Продолжайте, — кивнула кучерявая, сморщив безгловую гримасу на кукольном личике.

— Кончу через пять секунд, — издевательски двусмысленно отозвался я и, старательно выводя неряшливым «готиком» каждую букву, изобразил внутри фигуры три слова — одно над другим.

СЕКС. ДЕНЬГИ. ВЛАСТЬ.

Потом повернул к ней листок и произнёс риторический вопрос:

— Ну как, нормально?

Кудряшка хмыкнула и, не улыбнувшись, вынесла вердикт:

— Ну уж! Вы с таким... с такими... с таким вашим отношением к делу нам не подходит. Или вы серьёзно полагаете, что обычному среднестатистическому человеку ничего, кроме денег не нужно?

— Среднестатистическому? А как же, и ему нужно... — ухмыльнулся я, — секс и власть. Софья Игоревна, все ваши масловские потребности — и физиологические, и социальные, и духовные — покоятся на трёх китах. Может, попытаетесь опровергнуть?

— Очень интересно, — кучеряшка откинулась на спинку кресла и, положив руки на подлокотники, стрельнула своими зрачками в мои. — Ну-ну... Вот только времени для дискуссий у меня нет. Всего доброго.

— И вам всего, — кивнул я, уж и не надеясь, что когда-нибудь услышу от неё эти слова.

За час этого спектакля персоналогиня меня реально достала. Несмотря на голос.

Donnerwetter! Ошибся? Что ж, порой случается.

Я поднялся с жёсткого стула, спрятал «паркер» во внутренний карман и, кивнув, повернулся к выходу из кабинета. Схватившись за ручку, я потянул дверь на себя и, когда проём освободился настолько, чтобы я в нём не застоялся или ненароком не запнулся о порог, услышал в спину:

— Вы это специально, да?

— Да, — кивнул я открывшейся взгляду абрикосового цвета гипсокартонной стене и вышел в коридор.

Отключившись от действительности у дверей лифта в ожидании прибытия подъёмника, я вдруг ощутил на предплечье лишний вес. Живой. В тот же момент контралято кучеряшки (о, нет! какой у неё голос!) вернуло меня в уже мысленно далёкий офис не случившегося (слава тебе, Господи) работодателя:

— Рудольф Францевич, вы б не могли чуточку задержаться?

Двери лифта тем временем гостеприимно распахнулись, но шаг вперёд я не сделал. Обернулся.

— Кофе?

Изумрудные очи под антибликовыми линзами натурально искрились. Черт, электросварка какая-то.

— Ну... Можно и кофе... Что-то... Что-то в вас... В общем, если вы... вы немножечко задержитесь, я думаю, что смогу предложить вам другую... вакансию. Более... В общем, другую. Но для этого вы должны сейчас же вернуться ко мне в кабинет.

Должен? Сейчас же?

Она отпустила мою руку и, не оборачиваясь, зацокала каблучками о серый керамогранит коридора в обратном направлении. Я остался возле лифта. Однако повернулся. Интрига?

Дойдя до своего кабинета, персоналогиня тормознула и, легко взмахнув тонкими руками, сладко потянулась. Хрена себе!

Я с интересом наблюдал за ней, оставаясь на месте. Фигурку оценил. Посмотрит в мою сторону? Поманит хитрым жестом? Зацепит деловой хваткой? Еле заметным движением бедра? Подмигнёт?

Сейчас же! Даже взгляда в мою сторону не бросила. Психолог.

Дверь открылась. Кудряшка проскользнула внутрь. Дверь закрылась.

Нет, мать, на такие штучки я сто лет не ведусь. Прости.

Я вошёл в кабинку лифта. Створки за моей спиной тут же зажмурились: услышал лишь... Stairway to Heaven. Телефон! Я дослушал вступительную партию Джимми и только после этого коснулся иконки «ответить». Уже на улице...

Donnerwetter...

В день, наступивший после выходных моего собственного тридцатилетия, я отчётливо понял, что жизнь моя мне не нравится. Не удовлетворяет она меня. В смысле, морально не удовлетворяет. Если хотите — духовно.

Нет, иметь в собственной огненных оттенков ауры дорогой антураж, на ужин приличные кабаки, а после ужина прекрасных дам — это, конечно, неплохо. Но душа просит большего. Неправильно выразился. Не большего, а чего-то иного. Совсем другого.

Это когда ты «типичный представитель среднего класса» с хорошей зарплатой и не слишком, но обременительной, ипотекой, порой хочется «этакого», как говорится — с под-вы-под-вер-том. Осетринки там под коньячок, койку три на три с водяным матрасом и Милу Йовович в этой койке. Не меньше. Но если всё это и так есть (и даже вполне достойные Милы эквиваленточки), мечты почему-то уносят тебя совсем в другом направлении. Вот и меня унесли.

Не могу сказать, что к четвёртому десятку я из осязаемых взглядом и прикосновением благ получил всё, к чему стремился. Нет, «боинг» я не купил, да и крейсерской яхтой не обзавёлся. А когда-то хотел. Но дом себе в ближайшем Подмосковье построил, гараж при нём на дюжину колёс под крышу завёл, положение в обществе тоже приобрёл. До этого кандидатом экономических наук стал, спустя пару лет — доктором. Консалтинговую фирму открыл. То есть, личную пресловутую пирамиду потребностей имени господина Маслоу для себя вроде как соорудил. Дальше куда двигаться? Какое, donnerwetter, ещё нужно саморазвитие? Нет путей непроторённых...

Или есть? Может, всё с начала начать? В иной сфере... ап-слу-жи-ва-ни-йя?

Можно, конечно, счета из оффшоров вывести, распisać их на раково-беспризорную благотворительность, дом с транспортом каким-нибудь адвентистам подарить и уехать на БАМ, Гоа или куда-то, где никто не узнает. Но смысл в чём? Заново добиваться признания, ищачить, чтобы заработать на то, от чего только что добровольно отказался? Жениться в очередной раз? Детей завести?

Donnerwetter! Глупости это. Хер-рун-да.

В общем, в тот самый день, когда мне исполнилось тридцать лет и три дня, я решил сменить курс. Не то, чтобы обо всём забыть и пустить дела на самотёк, а так, пожить годик, может и больше, в некотором отстранении.

На следующее утро, проведив очередную «Милу» до такси, я поехал в офис, собрал у себя в кабинете сотрудников и, довольно туманно обрисовав ситуацию, перепоручил текущие дела заму и помощникам. За бизнес я был спокоен, он держался крепко. Заказов хватит на год вперёд.

Вернувшись домой на недавно приобретённой коллекционной «кошке», я загнал её в бокс, выкатил на свет Божий первый свой драндулет — ведровер шестой жигулёвской модели цвета «грязный асфальт», оставленный когда-то до новой эры просто так, на память и, бросив его дрожать вхолостую, поднялся в гардеробную.

Скинув на пол опостылевшую «спецодежду» от гламурного «шефа», спрятал эксклюзивный «брегет» в сейф, натянул на задницу аккуратненько затертые индийским каннабисом пятьсот первые, купленные пять лет назад в филадельфийской лавочке у старого хиппи, удивительно похожего на Планта, и синий затасканный джемпер, чудом сохранившийся с годов студенческих загулов. Потом сунул ноги в стоптанные «мартены», накинул на плечи потёртую турецкую кожанку времён челночных походов на Царьград и, набрав код сигнализации, с лёгким сердцем покинул своё «ласточкино гнездо», забитое под крышку пусть дешёвыми, но весьма дорогими понтами.

«Шаха» летела куда-то по М-7 не медленней брошенной в гараже «кошки». Правда дорогу совсем не держала, поэтому приходилось то и дело удерживать себя. В руках и под контролем. Почему я выбрал это направление? Понятия не имею. Просто так получилось, что со МКАДа захотелось уйти именно на ту развязку, которая выплюнула мой ведровер на восток.

Сейчас кто-то из скептиков скажет: «Ну, конечно! Восток — дело тонкое. Мудрость там, Шамбала, Тибет!» Вот только не надо. Какие, donnerwetter, шамбалы на Среднерусской?

Через несколько часов синяя, наполовину скрытая ветками, дорожная табличка выдала мне знак: «Нижний...»

Чудесно. Выше мне и не надо.

* * *

— Руди, тебе бы не менеджером по маркетингу устраиваться, а специалистом по разводам.

Нет, Сонино контральто меня определённо возбуждало. Donnerwetter!

Я затушил только что прикуренную сигарету о дно пепельницы, повернулся к Кудряшке и, проникнув правой рукой в щель между матрасом и её офигенной талией, впился, словно упырь, в шею. Боже, какой от неё идёт запах! Аромат грёз... Фи, пош-ля-ци-на.

— Руди... Руди!

«Груди, груди... щазз вас Руди...»

...Stairwey to Heaven... to Hell... Нет, пожалуй, достаточно Heaven...

— Кем ты, говоришь, мне надо работать? — я вновь закурил.

Она тоже.

— Спецом по разводам, — улыбнулась Соня, выпустив белёсое колечко в сторону мёртвого телевизора.

Не долетело. Растворилось в остатках воздуха.

— Им и работаю, — улыбнулся я свои мыслям.

— В смысле?

— В прямом...

Мы одновременно потянулись к пепельнице, и я вдруг осознал, что этот синего стекла мутный восьмиугольник, этот Пуп земли — нашей земли, нечаянно выросший с моей же помощью и при непротивлении другой стороны в самом центре кровати и есть то Совсем Иное, что я искал... и — о чудо! — нашёл так удивительно быстро. Donnerwetter!

Donnerwetter, ещё три дня назад я не знал, что мне нужно. Не ведал, чего хочу. Мучился, устав от жизни. А оказалось всё так легко. Просто до примитива и гениально до безумия. К чёрту все эти потребности, выведенные претенциозным иностранцем с исковерканной русской фамилией. Donnerwetter, к чёрту! Весь мир мой вращается вокруг пепелки, торчащей микросценой из статичных волн потной простыни. И будет вращаться. Всегда...

Я откуда-то это знаю... Точно знаю...

— Руди, я люблю тебя...

— Мне кажется, что я тебя тоже, Кудряшка...

Затяг. Выдох.

— А мне, кажется... не кажется... Я откуда-то это знаю... Точно знаю...

Вдох.

Вот так.
Donnerwetter.

Блажь

Ковалёв Александр Алексеевич, сорока двух лет от роду, служил доцентом в политехническом университете, где преподавал теоретическую механику. Был он женат вторым браком, любил прозу Бунина, поэзию Хлебникова, музыку Мориса Равеля и вообще считался в своей механически-трудоустройной среде, несказанно далёкой от возвышенных тонких материй, неисправимым романтиком.

Прошедшие новогодние праздники оставили в душе Ковалёва лёгкую грусть по съеденным деликатесам, убранной в подвал многоцветной «лесной» красавице тайского производства, выстроенным на центральной площади дощатым горкам, выпитому шампанскому, вызвавшему безудержную икоту прямо во время телеречи уважаемого многими Президентом, и не откушанному нынче салату оливье, на один из компонентов которого — на зелёный горошек — у молодой супруги неожиданно обнаружилась аллергия.

Возможно из-за того самого салата, не приготовленного и не испробованного впервые, наверное, за четверть века, а точнее из-за другого его компонента — варёной колбасы — и произошла с Александром Алексеевичем поистине ужасная, но и замечательная история, что изложена ниже. А может быть, и не из-за него, но...

Впрочем, обо всём по порядку.

Итак, в ночь на Крещение Ковалёв долго не мог заснуть. Сначала Александр Алексеевич долго читал какой-то нудный роман. Потом, выключив ночник, чтобы не мешать отдыхать супруге, вспомнил вдруг бывших своих студентов. Серёжу Андреева, Валеру Кукушкина и Витю Жиркова. Серёжа с Валерой полтора года назад сразу после выпуска рванули покорять столичные перспективы, а Витя... Витя Жирков, самый талантливый из этой замечательной троицы, самый неординарный, вообще куда-то исчез. Документы в аспирантуру, как собирался, отчего-то не подал. На телефонные звонки не отвечал, сменил адрес места жительства. Хоть бы сказал, что передумал, а так...

Потом пришёл сон. Но сон какой-то странный и даже в чём-то дурной. Ковалёву снилось, что ему хочется «докторской» колбасы. Снилось настолько реалистично и ярко, со всеми сопутствующими атрибутами — цветом, запахом, деликатной и аппетитной слезой на срезе, что Александру Алексеевичу волей-неволей пришлось пробудиться и отправиться на кухню.

В прагматичном холодильнике стоял дуршлаг с отваренными на завтра макаронами, тарелка со сливочным маслом, тарелка с размораживающейся камбалой, пара банок протёртой с сахаром смородины и одна с маринованными маслятами. На дверце в великоватых, рассчитанных на иные размеры контурных ячейках покатывалось полтора десятка куриных яиц второй категории и пяток диетических перепелиных. Из закровов агрегата перекочевали на стол кетчуп, ведёрко провансаля, шпроты, тушёнка свиная и тушёнка говяжья, кусок «гауды» в термоусадочной плёнке, пара яблок антоновского сорта, подсохший апельсин и коробочка с зачерствевшим эклером. Даже значенный хозяйкой дециметр твердокопчёной «особой» нашёл пристанище в самом тёмном и потаённом углу старенького «Мира». Но «докторской», естественно, даже не пахло.

Стрелки настенных часов из сумрачного коридора, просматривающиеся сквозь дверной проём, подходили к двум. Вспомнился и виденный накануне в телевизоре метеорологический профессор, что пророчил Средней Волге на текущую ночь до минус сорока по Цельсию.

Брр!

Ковалёва передёрнуло.

Но, как говорится, охота пуще неволи.

Осторожно прикрыв дверь в спальню, чтоб, не дай Бог, не разбудить любимую жену, Александр Алексеевич натянул на ноги поверх рейтуз утеплённые байкой джины, торс упаковал во фланелевую рубашку и ангорской шерсти джемпер с горловиной на молнии, сунул ноги в валенки, тело в дубленку, распустил ушанку и, обозначив контуры носа вязанным шарфом,

покинул дом. Ноги неутомимого доцента вели его вниз по лестнице и далее дворами в соседний квартал к магазинчику с неоригинальным названием «24 часа».

За решёткой, сваренной из арматурных прутков и выкрашенной серебрянкой, на фоне стеллажей с продуктами и напитками скучала, разглядывая собственные ногти, молоденькая продавщица, которая не подняла голову даже на скрип открываемой двери. В общем зале возле окна стояли двое мужиков бомжеватого вида. Один из них вскинул на Ковалёва мутные слезящиеся глаза, отвернулся и, взяв с подоконника пузырь, разлил по пластиковым стаканчикам остатки дешёвого портвейна.

Александр Алексеевич оттянул шарф на шею, прокашлялся и, взявшись рукой за прут решётки, обратился к продавщице:

— Здравствуйте, девушка.

— Ага, — кивнула та, не поднимая головы. — Вам чего? Водки?

— Ну... почему ж сразу — в-водки? — голос доцента прозвучал нерешительно. С дрожью. — Мне б колбаски граммов триста... «Докторской».

— Какой? — на этот раз продавщица глаза таки подняла. Было очевидно, что с такими просьбами ночная публика обращается к ней не слишком часто.

Ковалёв отчего-то покраснел и перешёл на шёпот:

— У вас «докторская» колбаса есть?

— А-а! — дошло, наконец, до продавщицы. — Приспичило, значит. Бывает.

— Приспичило, — вздохнув, кивнул Александр Алексеевич, — бывает.

Один из мужиков в углу громко загоготал. Тот самый, что давеча разливал портешок. Ещё и со своим «поздравлением» встрял:

— Слышь, Мотыга?! Светлое Рождество на дворе, у людей полтинника на святую воду не хватает, а ему колбаски захотелось. С праздником, братан! Христос Воскрес!

— Воистину... — на автомате произнёс Ковалёв и, вдруг вспомнив, что христосаются в Пасху, осёкся.

— Нет колбасы, мужчина, — строго зыркнув в сторону алкашей, отрезала продавщица. И зачем-то добавила: — Бутерброды есть. Очень вкусные. С яйцом под майонезом по шесть семьдесят и с селёдкой по семь пятьдесят. Бутерброд будете? К водке-то, а? Селёdochка — самое то!

Зачем Александр Алексеевич купил три бутерброда с селёдкой, три — с яйцом и ноль-семь «пшеничной», не смог бы, наверное, сказать он и сам. То ли «ненавязчивая» реклама продавщицы подействовала, то ли по-пасхальному празднично настроенные алкаши, но факт остаётся фактом: доцент Ковалёв поддался искушению лукавого.

Будучи раньше практически непьющим, Александр Алексеевич надрался до поросычьего визга после третьей дозы. Он, похрюкивая от удовольствия, пережёвывал селёдку с яйцом и майонезом, размахивал руками, что-то впаривал Мотыге, оказавшемуся глухонемым от рождения, а потому совершенно безучастным, весело бил по плечу знатока церковных праздников Поливаныча, пытался пригласить на вальс прекрасную леди, если та соизволит выйти из своей серебряной клетки, рассказывал пошлые скабрёзные анекдоты и пил, пил, пил. Забывая закусывать, не желая прослыть слабаком, боясь огорчить «ребят», за прошедшие и с наступающим, за будущее детей и во имя светлой памяти тех, с кем уже никогда не выпить. Временами, когда осознание истинного «я» на мгновение возвращалось к Александру Алексеевичу, он, борясь с тёмным своим alter ego, порывался вырваться из лап нечистого, застегнуться на все пуговицы и рвануть домой, поближе к тёплому боку любимой жёнушки. Но не случилось. Не повезло. Не хватило силы воли. Зато хватило денег. Аккурат на второй пузырь с тремя бутербродами...

Что было потом, Ковалёв вспоминал долго и с ужасными муками проснувшейся совести. И вспоминал-то более по фактам, изложенным сухим и далёким от лингвистического совершенства языком милицейского протокола:

«...ударом стеклотары по окну были разбиты первая (стеклотара) и второе (окно). После прибытия на место происшествия наряда в количестве двух сотрудников МВД сержанта Иванова и младшего сержанта Забойного, правонарушитель попытался отобрать у последнего табельное оружие (АК-74 модификации СУ), сопровождая свои противоправные действия нецензурными словами и выражениями, а также угрозами перелома верхних и задних конечностей и призывами к покаянию. По пути следования в отделение, находящийся на заднем сидении служебного

автомобиля гражданин Ковалёв А.А., доцент политехнического университета, испачкал извергнутыми из собственного организма рвотными массами внутреннее помещение означенного транспортного средства, а также одежду своих поделщиков: гражданина без определённого места жительства Поливанова И.И. и дворника ДУ-4, инвалида по слухо-речевым органам 1-й группы гражданина Матвеева Г.А.

.....
.....
.....

Дело №... передано в районный суд. Дата. Подпись».

Забегая вперед, скажем, что наш доцент отделался предупреждением, штрафом и выплатой материальных издержек на замену оконного стекла и чистку салона милицейского автомобиля, что составило сумму весьма внушительную, но не заоблачную. С работы Ковалёв также уволен не был. В связи с «долгой и беспорочной» отделался лишением квартальной премии, строгим выговором от ректората, нехорошими взглядами со стороны завидующих коллег и уважительными с противоположной — прогрессивного студенчества. С женой поругался. Через день помирился...

И всё бы ничего, скажет человек достаточно мудрый, чтобы не ставить клеймо на каждом проштрафившемся, с любым может случиться. И будет, конечно же, прав. Увы, никто не застрахован от досадных недоразумений. Но!

Нам-то интересно совсем другое.

Помните, с чего всё начиналось? Да, да, да! Александру Алексеичу Ковалёву приснилось, что ему хочется колбасы. Так вот. Ещё до составления протокола, выдержка из которого была приведена выше, до суда и, естественно, до расплаты по всем последствиям ночного приключения, с нашим доцентом приключилось одно маленькое, но однозначное чудо.

Проснувшись утром в милицейском «обезьяннике», Ковалёв, чья голова раскалывалась от нестерпимой боли, глотка трескалась от жуткого сушняка, но память с совестью ещё спали, поднялся с узенькой лавочки и недоуменным взглядом окинул скудный вечнозелёный казённый интерьер. Откуда-то снаружи, из-за решётки раздавались то ли теле-, то ли радиоголоса ретродам из давно минувших девяностых, весело расппевающие хором про три кусочка колбаски.

— Эй! — крикнул Ковалёв со всей возможной громкостью, позволяющей голове не взорваться. — Эй! Есть кто?!

Через несколько секунд послышались бодрые шаги и перед решеткой предстал молодой лейтенант со стаканом крепкого чая в одной руке и бутербродом с колбасой в другой.

— Ну?! Чего разора... — крикнул было правоохранитель, но тут же осёкся. — Э... Александр Алексеич?

Ковалёв зажмурился, помотал головой и, наконец, открыв глаза, высказал собственное удивление:

— Виктор Жирков?... Витя?... Ты... ты...

В общем, милиционером оказался тот самый бывший студент Ковалёва, о котором доцент вспоминал буквально накануне. Тот самый, который куда-то пропал сразу после выпуска. Известно теперь куда.

Они до самого прихода смены сидели в дежурке, гоняли чай и говорили, говорили, говорили. О семьях, о службе, вспоминали общих знакомых, минувшие годы и канувшие в лету события. Единственная, наверное, тема, которой мужчины не коснулись в своих разговорах, была «та самая» теоретическая механика. Оба словно чувствовали — не место и не время. Но со стороны было видно, и даже людям, скорее всего, совершенно посторонним, что встретились родственные души.

Сидели хорошо. Ковалёв забыл о похмелье, Виктор — о службе. И только когда большая стрелка часов почти вплотную подползла к восьмёрке, Жирков, всем своим видом извиняясь, проводил бывшего научного руководителя до камеры. Уже стоя по разные стороны решетки, они смотрели друг дружке в глаза.

— А знаете, Александр Алексеич, — вымолвил вдруг Витя, — ведь сегодня моё последнее дежурство. Увольняюсь. Вот...

Жирков вдруг замолчал.

— И чем заниматься собираешься? — ответ Ковалёв уже знал, но вопрос всё равно задал.

— Тем самым, Александр Алексеич, тем самым, — широко улыбнулся лейтенант. — Я уж и документы в аспирантуру подал. Вчера. Но до самой встречи с вами ещё думал — не погорячился ли? Может, ну её, эту науку? Здесь и зарплата не в пример... Колебался, понимаете?

— Понимаю, Виктор, — кивнул Ковалёв. — Но тут уж я тебе не подсказчик. Сам решай. Такое дело, что...

— Да уж решил всё. Окончательно и бесповоротно. Только что. Вас вот встретил... тут, — лейтенант подмигнул доценту. — Ставку на кафедре выбить для меня сможете?

Виктор развернулся и, не дожидаясь ответа, двинулся в сторону дежурки.

— Смогу... — задумчивым полушепотом произнёс Ковалёв, но вдруг встрепенулся, словно вспомнил нечто жизненно-важное и крикнул: — Витя! Вить, постой-ка!

Блажь конечно, но блажь, не удовлетвори которую, само существование на планете Земля потеряет всякий смысл. Во всяком случае, на ближайшее время. Именно об этом подумал сейчас наш доцент.

— Да, Александр Алексеич? — отозвался Жирков, обернувшись.

— Витя... — у Ковалёва от волнения прервалось дыхание.

— Слушаю вас, — сказал Виктор. — Что-то ещё?

— Витюш, — смущённо потупился Ковалёв, — одна маленькая просьба... если возможно...

— Говорите, говорите...

— У тебя... бутербродов не осталось? С колбасой... — выдал, наконец, Александр Алексеевич.

— Есть один, — растянув губы в улыбке, кивнул Жирков.

— А колбаса там какая? — от избытка эмоций у Ковалёва покраснели уши.

— Так самая вродь обычная, — пожал плечами Виктор. — «Докторская», кажись. Хотите?

А кто-то ещё говорит, что чудес не бывает.

Культурный парадокс

Греков Ф.М., профессор. 82 года. Адрес: ул. Подводника Топорова, д.17, кв.96

Федор Михайлович Греков по прозвищу Омега — крохотный тщедушный старичок за восемьдесят, божья тросточка — человеком в определенных кругах считался в высшей степени просвещенным и заслуженным. Всю свою сознательную жизнь он проработал в классическом университете, где вдохновенно и с удовольствием преподавал на филологическом и историческом факультетах незаслуженно и мало популярные в нынешнее меркантильное время языки античных богов и героев. Древнегреческий и латынь. А также высокую литературу, на них созданную.

Омега — для тех, кто не знает — вовсе не швейцарские часы и не модель германского автомобиля. То есть, часы и автомобиль, конечно, тоже, но первое значение сего символа — последняя (не по значению, естественно) буква греческого алфавита, выражающая звук длинное «О». Почему — длинное? Да потому, что есть у предусмотрительных эллинов еще и омикрон. Буква, обозначающая «О» короткое.

Ясно, Федор Михайлович получил свое прозвище не просто так. За неизменное «Оооо!», с которого начинал любую реплику, заслуживающую, на его взгляд, повышенного внимания. Типа: «Оооо! Софокл, друзья мои, обладал великолепной памятью...» или «Оооо! Император Нерон нескромно считал себя величайшим поэтом современности...».

Впрочем, увлеченность Грекова древними языками и литературными памятниками, на этих языках сотворенными, разделяли далеко не все. Истлевший до состояния мелкой пыли прах Гомера, Эсхила и Вергилия, чьи выцветшие, сомнительной достоверности портреты взирали тусклыми очами со стены аудитории на гениального декламатора бессмертных строк, должно быть клубился в тайных склепах от туповатого равнодушия студиозусов, коим сопровождалась безо всякого преувеличения великолепные лекции достойнейшего профессора.

Греков — человек мудрый — на молодежь не обижался, не понаслышке зная, что привить любовь к классике можно лишь самоотверженным ей служением. И привить-то получится далеко не всем — единицам. Увы, сколь свиное сало не вытапливай, розового масла все одно не получишь.

С другой стороны, в любой аудитории, даже самой бестолковой, найдется хоть одна пара глаз, живых и неподдельно заинтересованных. К ней и следует обращаться преподавателю, дабы настроение его хоть как-то соответствовало пусть нетвердым, но вполне искренним восторгам женихов несчастной Пенелопы, что как раз сейчас — во время лекции — оживают и бесчинствуют во дворе дома застрявшего в приключениях царя Итаки.

Артур Четвёрткин, один из немногих юношей, не утративших тягот и лишений, неразрывно связанных эфирами с матриархальной атмосферой филологического факультета, лекций профессора Грекова старался не пропускать. Он и был в потоке второкурсников той самой парой блестящих жаждой познания глаз, для которой распинался за кафедрой милейший Федор Михайлович, в который раз отдаваясь вдохновению истинного преподавателя высокой словесности.

Четверткин — единственный на всем потоке — с первого курса выбрал профессора Грекова собственным научным руководителем. Замечательный мальчик, как без стеснения называл его Федор Михайлович, действительно интересовался античной поэзией, мечтая перечитать ее в подлинниках. Посему зубрил-заучивал слова и выражения мертвых языков весьма старательно...

— Федор Михалыч!

Греков, методично и кропотливо собирая после лекции разрозненные, пожелтевшие от времени листы собственных конспектов, поднял глаза.

— Да, Артур. Я вас внимательно слушаю, — улыбнулся он, поправив очки на переносице. — Есть вопросы по теме?

— Что вы, Федор Михалыч. Ваша лекция, как всегда безупречна. — Артур, безусловно, льстил. Но так небрежно, мимоходом, как и надо льстить, чтобы объекту похвалы стало по-настоящему приятно. — Я по другому вопросу.

— Да? И по какому же? Нужны еще пояснения к замечаниям по вашей курсовой? Скажите. Найдем время, обсудим... У-уф! — Греков, сложив, наконец, лекционный материал в тут же распухший портфель, с трудом одолел застежку.

— Нет, с защитой курсовой, полагаю, проблем не будет. Все поправил. На следующую лекцию принесу вам доработанный вариант, — ответил Четверткин. — У меня к вам личный вопрос.

Федор Михайлович оторвался от портфеля, еще раз поправил очки и с интересом воззрелся на студента.

— Личный?

— Ну... Не то что бы... — замялся Артур, поняв, что выразился не совсем удачно.

— Не стесняйтесь, Четверткин, — сказал Греков, ободряюще взяв собеседника за локоть. — Задавайте свой вопрос.

— Вы... Мне показалось, я вас на Подводника Топорова видел. У семнадцатого дома... Вы не там ли...

— А, вон вы о чем! — воскликнул Федор Михайлович, отпустил локоть студента, рискованно взял портфель за хлипкую ручку и снял его со стола. — Пойдемте потихоньку, у меня сейчас лекция в соседнем корпусе, у историков. Вам вовсе не показалось, Артур. Мы с супругой на прошлой неделе действительно переехали на улицу Подводника Топорова. И как раз в семнадцатый дом. Понимаете, у внука родился третий ребенок, ну мы и поменялись с ним квартирами. Нам-то с Амалией Евгеньевной двухкомнатной вполне хватит, а Сереже с таким семейством... В общем, решили помочь. А что?

— Так Сергей Александрович — ваш внук? — Четверткин чуть не задохнулся от нахлынувших на него чувств. — Он у нас в школе историю преподавал, с пятого по одиннадцатый. Очень хороший учитель! Директор уже! Вот это да-а...

Профессор несколько секунд переваривал полученную только что информацию, а когда, наконец, до него дошел весь ее смысл, остановился, повернулся к студенту и легонько покачал головой.

— Какие дела... Какие дела творятся, Господи, — улыбнулся он, доброжелательно глядя в глаза Четверткину. — Выходит, мы с вами, Артур, теперь соседи? Я правильно понял, что мы живем в одном доме?

— Верно. Похоже, что именно так, — кивнул студент. — Мы с родителями и братом в восемьдесят третьей. Пятый подъезд, первый этаж. Если вы в квартире Сергей Саныча, то мы с вами через стенку. Девяносто шестая. Не путаю?

— Серженька? Здравствуй, дорогой мой, — Федор Михайлович стоял перед окном с телефонной трубкой возле уха и говорил с внуком.

— Привет, дед, — отозвался динамик. — Как вы там, обживаетесь?

— Ничего, внук, — ответил Греков-старший. — Поначалу показалось — не очень, все-таки всю жизнь в центре, а тут вокруг одни пятиэтажки панельные. А сейчас вроде даже нравится. Парк рядом. Гулять с бабушкой вечерами ходим. Вы сами-то как?

— Нормально, дед, — сказал Сергей. — Тоже потихоньку приходим в себя. Такие площади! Четыре комнаты — хоромы! Спасибо вам с бабулей. Она, кстати, сейчас должна быть как раз у нас. То есть, у вас... то есть... С правнуками, короче. Танюше помогает. Ох, если б не вы...

— Брось, пустое, — отмахнулся Федор Михайлович. — Чай, мы не чужие люди... Кстати, здесь, в твоей... моей квартире через стеночку мой студент живет. Артур Четверткин. Замечательный мальчик. Я у него научным руководителем... Говорит, что твой, между прочим, ученик. Ты помнишь его?

— Отличный парень, — в голосе внука прозвучала нотка восторга. — Побольше б таких. Толковый. Все олимпиады по истории взял. По литературе, кстати, тоже. Просто невероятно, что он к тебе попал...

Сергей говорил что-то еще, но Федор Михайлович, увидев в окно нечто, на какое-то мгновение потерял нить беседы. Это нечто — обычная гаражная стена силикатного кирпича — ответила профессору красноречивым, довольно крупного размера, символом, старательно и аккуратно выведенным блестящей черной краской прямо перед окном.

«Омега? Надо же, — пронеслось в голове профессора, — не успел переехать, а уже знают мое университетское прозвище. Только отчего ж буква-то строчная?»

— Дед? Алло? — голос из трубки вернул Федора Михайловича на землю. — Ты куда пропал?

— А? Что?

— Да так, ничего. Подрастет, может, изменится. Ох, Вадик, Вадик... Балбес малолетний. Да уж, братец называется... Ладно, дед. Мне вообще-то некогда, заболтался я с тобою. А работы море. Не знаю, когда домой попаду. Пока!

— Балбес? Серез, ты о каком Вадике? — опомнился Федор Михайлович, но трубка уже переключилась на гудки.

Перезванивать профессор не стал. Решил про загадочного Вадика выяснить в следующий раз. Если память не подведет.

Четвёрткин Вадик, второгодник. 13 лет. Адрес: ул. Подводника Топорова, д.17, кв.83

Вадик Четверткин, форменный оболтус и теперь уже дважды шестиклассник средней во всех отношениях школы номер семьдесят пять, решил мстить.

Нет, ну остаться на второй год из-за какой-то дурацкой истории! Ладно бы, из-за русского, а так... Обидно, в самом деле. Даже математичка тройбан поставила. Все-таки Грек — настоящая сволочь. Но ему это так просто с рук не сойдет. Вот вы, нормальные люди, скажите, кому сейчас нужен его идиотский Цезарь? Нашел себе имечко, да? Полководец в честь салата — ха-ха три раза. Тоже мне, завоеватель французов и немецко-фашистов. Это он-то? Ложь и ерунда! Правильно по телевизору говорят, что всю историю перевернули. Любой образованный человек знает, что французов Кутузов завоевал, а немцев — Жуков. Оба наши, между прочим, русские. А вовсе никакие не римские. Придурок!

А как вам понравится Кретино-Минойская цивилизация? У них что, у этих древних греков совсем мозгов не было, так себя обозвать. Да еще и в учебники записаться, чтоб ихний позор потомки на всю жизнь запомнили...

Тяжелый разговор с отцом, после которого у Вадика до сих пор болела исхлестанная задница, состоялся неделю назад.

— Не понимаю, в кого ты такой, Вадим, уродился? Мать с медалью школу закончила. Артур тоже. Вон, в университете учится. Я, пусть не семи пядей во лбу, однако среднее образование без проблем получил. А ты... Совсем распустился. Нет, это даже подумать страшно — директора обхамить! В наше время сразу бы из школы вылетел. И на завод, к станку.

— Что я такого сказал-то? — жалобно промычал Вадик. — Подумаешь, придурком назвал. Нечаянно вырвалось.

— Нечаянно? Директора? Придурком? Ну-ну... — отец угрожающе потянулся к ремню на джинсах и, потянув за конец, расстегнул пряжку. — Ты, Вадька, совсем без тормозов. Я, конечно, не доцент какой, двадцать лет баранку кручу, но и то знаю, что в эпоху Римской империи никаких фашистов не было. Немцев, кстати, тоже. А Юлий, мать его, Цезарь, с германскими и галльскими племенами воевал. Вишь, столько времени со школы прошло, а до сих пор помню.

— Помнишь, помнишь, — осторожно кивнул Вадик, не без опаски наблюдая за распускающейся в отцовских руках тонкой кожаной лентой орудия возмездия за честь образования. — А что, германцы и немцы — не одно и то же? Между прочим, в кино фашистов то так называют, то этак. Сам слышал.

— В кино? — взревел отец. Лицо его перекошило. — В кино?! Ты, гаденыш, про книги когда-нибудь слышал? Да чёрт с ними, с фашистами! Кто дал тебе право учителя оскорблять? Не просто учителя, между прочим, а директора школы? Да еще и нашего соседа. Подумал, как мы с матерью теперь в глаза ему смотреть будем? А? Стыдобища! Вел бы себя, как положено, перешел бы в седьмой. У вас полкласса придурков, а второгодник — только ты. А все почему, спрашивается? Да потому, что у остальных хоть капля совести, но присутствует. Сымай штаны, раздолбай!

— Па-ап... Может, не надо? — попятился к двери Вадик.

— Стоять. Сымай, я сказал, — перешел на злое шепот отец.

Шесть дней пришлось безвылазно проторчать дома. Целых шесть дней! Отец после рейса отдыхал, изредка и ненадолго выходя из квартиры до ближайшего магазина за продуктами, поэтому Вадика вырваться на улицу не представилось ни единой возможности.

Но кто долго терпит — пусть невольно — дождетсЯ своего звездного часа обязательно. И Вадик дождался.

За неделю, проведенную в четырех стенах, у коварного мстителя созрело в голове два основных плана. Как в кино — план «а» и план «б». Был еще резервный план «в». Но это уж на крайний случай. Потому как предполагал он наибольшие из всех трех проектов материальные затраты. При этом виделся наименее разрушительным.

План «а» предусматривал «Отмщение Силой» и предполагал покупку пол-литрового пакета кефира наивысшей жирности и бросок сей злое шепот бомбы обидчику в спину.

Метательный снаряд был приобретен Вадимом в начале девятого утра, то есть, сразу после открытия магазина. Но место засады — кусты перед подъездом врага — вследствие своей колючести не выдерживали никакой критики. Потому через час измученный мститель перебазировался на ближайшие качели.

В томительном ожидании прошли долгих три часа, но неприятель перед собственным подъездом так и не объявился. Не показывались на улице и домочадцы ненавистного Грека. Станным казалось еще и то, что за оконным стеклом квартиры директора последние минуты кто-то мелькал.

В конце концов, июньская жара и подобранный к брюхо совсем нешуточный голод заставили нашего партизана от плана «а» отказаться, кефир употребить по назначению и перейти к плану «б», предусматривающему «Отмщение Презрением».

Определив номерной код доступа по наиболее залапаным кнопкам и проникнув в душную темень подъезда, Вадик припал ухом к замочной скважине на двери девяносто шестой квартиры. Убедившись, что внутри кто-то ходит, осторожно озираясь, расстегнул ширинку, стянул с истерзанной ремнем плоти брюки, трусы и уже почти уселся на корточки прямо над резиновым ковриком, чтобы свершить акт справедливости, когда вдруг изнутри «апартаментов» напротив, из девяносто восьмых, раздался знакомый звук поворачивающегося ключа, а вслед за ним скрип несмазанных петель.

Скорость, с которой Четверткин-младший ретировался с места незавершенной мести по плану «б», сделала бы честь ямайскому чемпиону Болту и даже самому Михаэлю Шумахеру, но нашего стратотерпца оставила без удовлетворения. Причем, не только без морального, но и без физиологического.

Оставалось два варианта. Первый — вернуться домой и дожидаться завтрашнего дня, когда можно будет повторить все с начала или... Второй — приступить к исполнению резервного плана «в» — «Отмщение Оскорблением».

С первым вариантом было не все так просто, потому что календарем следующим днем за сегодняшним предполагалась суббота. Выходной. Мать, да и множественные соседи, если только не разведутся по дачам, будут сидеть дома. А лишние свидетели, как известно, в преступных замыслах — огромная помеха. Нет, можно дожидаться понедельника. Но в воскресенье вечером возвращается из рейса отец, а это еще хуже — вообще из дома не выйти. Вторую часть наказания — «две недели сидеть дома и учить историю, понял?» — пока никто не отменял.

Что ж, придется исполнять вариант два...

Черная краска в большом аэрозольном баллончике стоила двести десять рублей. Ровно столько, сколько сэкономил Вадик за четвертую четверть на школьных завтраках. Ну да, ничего. Для святого дела никаких денег не жалко. И потом, когда наказание закончится, монет можно будет у отца выклянчить. Он, в принципе, добрый. Когда не ругается.

Гаражи, точнее, их задняя стена, построенная очень кстати перед домом, являла почти идеальную поверхность для воплощения в жизнь резервного плана «в». Вот только что написать? Надо б такое, чтобы было на всю жизнь обидно. И понятно. Про целевую аудиторию слышали? По телеку недавно передача была...

«Греков, ты сволочь!»

Нет. Лучше: «Грек — собака!»

Нет, тоже нехорошо. Собак-то зачем оскорблять? Они вполне себе хорошие.

А так: «Греков — задница!». Класс! То, что Пилюлькин прописал...

Однако по мере приближения к гаражам, Вадиковы мысли приняли совсем иной оборот, по которому резервный план оказывался не таким уж и безупречным. Почему? Да все очень просто — в кино часто показывают, что преступника изобличают по почерку, как бы тот ни старался его изменить. Какой-то кошмар, чесслово... Впрочем...

Решение пришло само собой. Чтобы не палиться, Четверткин-младший, дождавшись, пока за окном квартиры ненавистного директора перестанет мельтешение, выскользнул из-за толстого тополя, за которым некоторое время прятался и быстро, но аккуратно вывел на стене шипящей струей из баллона приличного размера символ, отдаленно напоминающий букву «омега» из греческого алфавита. Строчный вариант. Потом отошел обратно за дерево, от души полюбовался творением своего злодейского гения и с сознанием выполненного долга бегом, чтобы успеть пока мать с братом не вернулись, помчался домой.

Парадокс

Четверткины, сидя за кухонным столом, уплетали ужин. Макароны по-флотски. Говорил Артур:

— Так вот, мам, он не просто дед Сергей Саныча, он теперь и наш сосед. Представляешь, через стенку живет, в девяносто шестой.

Вадик наострил уши и с набитым ртом уставился на брата. Тот, впрочем, был увлечен собственным рассказом и наблюдением за реакцией матери.

— Дела-а-а... — покачала головой мама, а потом добавила, повернув голову в сторону младшего: — Ты жуй, давай, жуй. Чего рот раскрыл? Слава Богу! Теперь хоть краснеть каждый день перед Сергей Александровичем за нашего оболтуса не придется.

— Это уж точно, — кивнул Артур и весело подмигнул брату.

Вадик, впрочем, подмигивания не заметил, потому что с печалью отвернулся к окну. Смотрел куда-то вправо. Старший брат проследил за направлением его взгляда и, заметив свеженький символ на гаражной стене, восторженно воскликнул:

— Мам, там на стене, напротив окна квартиры Федор Михалыча кто-то омегу нарисовал! Смотри! Прямо здорово! Вопрос — кто? Я не говорил, что у профессора Грекова на факультете такое прозвище — Омега? Просто он любит в начале каждой значимой реплики...

В это же самое время странно возбужденный Федор Михайлович Греков тащил к окну минуточку назад вернувшуюся от правнуков супругу.

— Всего неделю тут живем, Малечка... Всего неделю, а такой сюрприз! Омега, представляешь? Поддерживают старика. Ох, студенты мои дорогие. Полагаю, что это Артур. А кто еще? Тем более он теперь наш сосед. Через стеночку живет. Какой замечательный мальчик! Такой богатый внутренний мир...

Амалия Евгеньевна, чей внутренний мир вследствие многолетней работы главбухом был тоже вовсе не бедным, другое дело — не столь изысканно романтичным, взглянула в окно. Туда, куда указывал искривленный артритом палец мужа, человека прекраснородушного и невероятно многого, но совершенно чуждого способности понимания пошлых обыкновенностей.

— Ах, Феденька, — Амалия Евгеньевна перебила восторги мужа самым примитивнейшим образом. Прижавшись к его плечу, она, пытаясь сдерживать смехок, хмыкнула. — Где ж ты омегу-то увидал?

— Так вон, же... Вон... — уже не так уверенно кивнул подбородком в нужную сторону отчего-то смутившийся Федор Михайлович.

— Ох, Федя, Федя, — снова вздохнула супруга. — Ну, когда ты у меня начнешь проще смотреть на вещи? Какая ж это омега? Это просто нарисованная попа...

В струю

Поэты, как известно, люди высокодуховные. Предпочитают пошлему глинозему под ногами легкие перистые облака над воображаемой шляпой истинного интеллигента. Однако ж как-то надо сосуществовать с окружающей, пусть и серой, действительностью? Надо. Не все блаженствовать, голову к небу задрать. Шляпа в грязь свалится. Хотя иногда и хоть сквозь розовые очки на этот прозаический суетный мир след посматривать. Чтоб шею не сломать, например. Во время похода в ближайший супермаркет за «докторской» колбасой. А что? Согласен, нелегко потом в себя вдохновенного возвращаться. И, вот зараза, розовые очки — не лучший вариант. Смотрятся подурачки да и идут далеко не всем.

Но есть средство достижения гармонии с обиталищем муз. Есть! Пусть тоже далеко несовершенное и с множеством побочных эффектов. Крепкий алкоголь называется. Не замечали, сколь в среде творческих гениев людей серьезно усугубляющих?

Нда... Многие рифмоплеты из умеренных потребителей змиего нектара или вообще трезвенников сейчас, должно быть, уже ищут камень потяжелее или трубу посолиднее, чтобы приголубить автора вышеизложенных строк на месте за столь смелые умозаключения. Но прошу вас: пожалуйста, не торопитесь. Оглушить доморожденного аналитика орудием века ли железного, неолита ли, как, впрочем, и более антигуманным способом, а именно — острой беспощадной критикой, вы всегда успеете. Тем более что кого-либо оскорбить в планы его вовсе не входит. Он, в смысле — я, просто хочет (или — хочу?) рассказать вам одну поучительную и при том небезынтересную историю. А быть это алибо сказка — решайте сами, ладошки? И коль сказка, заранее прошу прощения у нелюбителей, но если быть...

В общем, для завязки, уважаемые мои настоящие и будущие друзья с недругами, попытайтесь разгадать загадку. Как называется стих, что начинается следующими строками:

*«Когда набухают почки,
Моча ударяет в голову».*

Услышали? Отлично. И да — из какой сия недовирша области — сугубо романтической или, может, медицинской? Ну? Кто смелый? Ага! Вот вы, например. Что? Погромче говорите, пожалуйста. Плохо слышно. Да, так нормально. Итак, ваш ответ? Из урологии? Да ну вас к черту! Хотя... Кто сказал — про любовь? В яблочко! Действительно, стихотворение сие про неразделенную любовь. Называется «Мучительный апрель». Но и первый гражданин, тот, что упомянул известную отрасль медицины, был не слишком далек от истины.

Дело в том, что автор приведенной выше двусмысленности — самый известный в городе Максаков Н-ского края целитель. Уринотерапевт номер один во всей матушке России. Зовут его Анатолий Павлович Махалов. И кроме основной профессии, приносящей неплохую материальную выгоду и простое человеческое удовлетворение, он — по совместительству и на общественных началах — является основателем и бессменным председателем максакковского поэтического общества, носящего гордое и символичное для литературы название — «В струю». Как вам? Маяковский с Северяниным точно б заценили, не правда ли?

Что? Нет, вы не ослышались. Не «В струю», а именно «В струю». Это ж аллегория! Мол, мы, максакковские поэты, не оторваны от литературного мира, мы своим творчеством метим... Да что

вы меня все время перебиваете! Никакие не углы мы метим, а стремимся попасть в бурный поток мировой лирики. Вливаемся, так сказать, своим узеньким ручейком в широкую реку вселенской поэзии...

Впрочем, для преамбулы слов сказано и так более чем достаточно. Пора переходить к самой истории. Слушайте.

В то субботнее утро Толик пил с самого утра. Нет, вовсе не урину. Эту целебную жидкость он прописывал тысячам своих благодарных пациентов. Сам Махалов предпочитал моносоолодовый виски выдержкой не менее пятнадцати лет. Зарабатывал он вполне прилично, так что мог себе позволить сие ничтожное удовольствие. Не стоит осуждать.

Любимая супруга Галина Викторовна должна была вернуться из Дубая только к обеду, ее самолет прибывал в аэропорт где-то в районе полудня. Домработница по субботам отдыхала. Потому Толиковой музе — а он ее сегодня ждал с особым нетерпением — никто мешать, казалось бы, не собирался. Почему «казалось бы»? Потому что с двух ночи до шести утра какой-то влюбленный идиот орал заунывные серенады перед окнами хрущовки, посмевшей неплохо устроиться чуть не в самом дворе махаловского особняка.

Толик не выспался. Он, бедолага, привык вставать без будильника ровно в восемь, в каком бы состоянии трезвости и в какое бы время не заснул. На ночного певца Махалов особо не обиделся, поэтому не шмальнул из позолоченной двустволки, из которой обычно разгонял бессовестную гопоту, засидевшуюся под пиво дольше положенных двадцати трех нуль-нуль. Изредка Толик еще вспоминал собственные безумные выходки, когда будучи юношей бледным лазил по водосточной трубе до уровня третьего этажа той самой теперь нагло торчащей из бурьяна хрущобы, чтобы заглянуть в окно к бескорыстно в те времена обожаемой Галочке. Ныне неузнаваемо посолдневшая во всех отношениях Галина Викторовна, будучи почти всесильным на максакском, естественно, уровне, начальником комгосимущества, по каким-то неведомым никому причинам снести свой отчий дом до сих пор не могла. Толика подобная беспомощность жены слегка раздражала, но он, как человек понимающий, предпочитал терпеть, не ввязываясь в войну ни с алчным государством, ни с озверевшей от гласности общественностью.

После второй порции виски Махалову на секунду показалось, что муза к нему наконец-таки явилась. Он чуть не бегом бросился в кабинет, включил компьютер и в предвкушении буйного разгула вдохновения, уселся в кожаное кресло, разминая затекшие пальцы. Системный блок тяжело задышал вентилятором, монитор моргнул и... погас. Системник тоже заглох.

— Ёпрст! — фонетически непоследовательно выругался Толик, нажав клавишу настольной лампы. Свет не зажегся. — Пробки, сука! Опять, бляди, вылетели.

Тем временем муза, вырвавшись в открытую форточку, стремглав унеслась к более удачливому конкуренту. Разочарованное вдохновение нехотя похромало следом за беспечной руководительницей нереализованного проекта.

Щиток с электроавтоматами находился в подвале. Махалов, вернувшись в спальню, плеснул в опустевший стакан третью «русскую» — до краев — дозу вискаря и, накинув халат, вышел на лестницу.

— Черт, как это все не вовремя! — всердцах произнес он и, усевшись на верхнюю ступеньку, сделал солидный глоток.

Вечером на собрании поэтического объединения «В струю», которое проводилось еженедельно по субботам в банкетконференцзале махаловской же клиники, Толик обещал читать свой новый шедевр. «В следующий раз — обязательно. Слово председателя!» — клялся он коллегам по лире на предыдущей встрече. Нет, ну дернул же нечистый за язык!

Можно было позвонить в будку охраннику, чтобы тот включил автоматы, но для этого все равно пришлось бы встать и пройти в спальню за мобилой или спуститься к стационарному аппарату. Да и совестно стало Толику. Такие ничтожные проблемы он всегда решал без посторонней помощи.

Поставив вновь опустевший стакан перед собой на ступеньку, кряхтя и чертыхаясь, Махалов, держась за балясину, тяжело поднялся на ноги, размял круговыми движениями плечевые суставы, поднял до уровня талии левое колено, опустил, правое и...

Проклятый стакан тончайшего богемского стекла, оказавшийся совсем не к месту под опустившейся на него босой стопой уринотерапевта, предательски хрустнул и подло вонзился осколком в плоть гения.

— Япона ж вашу мать! — взвыл тот от боли, подскочил и, оступившись, кубарем покатился по дубовым лакированным ступеням мастерски выполненной забежной лестницы к самому ее подножью, устланному — как теперь оказалось, вполне предусмотрительно — желтоватой мохнатой шкурой известного арктического хищника...

Через сколько времени Толик очнулся, доподлинно неизвестно. Но, наверное, пролежал без сознания он не слишком долго, потому как хмель из головы выветрился не полностью, да и обед еще не наступил. Галина-то Викторовна до сих пор не явилась из солнечных Эмиратов. То есть, из аэропорта. Может, самолет ее уже приземлился? А! Какая разница!

Правая нога, вначале порезанная, а теперь, после сокрушительного падения, должно быть, и вовсе переломанная в области лодыжки — именно из этой части несчастного организма поступала пульсирующая, но — слава Всевышнему — не очень навязчивая, пусть малоприятная, боль, лежала на медвежьей шкуре под неестественным углом. Это Толик увидел, приподнявшись на локтях и повернув голову.

Он хотел было встать на четвереньки, доползти до тумбочки с телефоном, чтобы вызвать охранника или, может, сразу скорую, но тут что-то кольнуло его в район печени. Первой мыслью было: «Ну все. Допился, баран, до цирроза...». Однако при ближайшем рассмотрении, сим прометеевым орлом оказался вовсе не распад единственной, к сожалению, печени, а остро заточенный карандаш, вложенный сперва в блокнотик со смешной надписью «notebook» на зеленой обложке, а потом в единственный карман, пришитый к шелковому халату сбоку с небрежностью, выдающей руку мастера. Пардон, вовсе не мастера — известного на весь мир и самого модного на сей день кутюрье.

И тут в обыденную, полную несчастных и счастливых случаев жизнь человека вмешалась мистика. Анатолий Махалов, кое-кем признанный и самый уважаемый в Максакове поэт, известный на всю Россию уриротерапевт, который, казалось бы, из-за засилья компьютерных технологий давным-давно позабыл свой собственный почерк, вдруг выдернул из «ноутбука» чудом уцелевший в схватке с лестницей карандаш и, не обращая внимания на сумерки обесточенного холла, застрочил, словно из пулемета, рифмованными виршами...

Галина Викторовна приехала на такси, словно по расписанию, и уже через каких-то три четверти часа (Максаков — город не слишком большой) Анатолий Павлович ковылял к выходу из травмапункта на новеньких карбоновых костылях, выставляя напоказ лежащему перед ним провинциальному миру загипсованную до колена ногу.

Вечером на собрании поэтического общества Толик, стоя в банкетконференцзале своей клиники за кафедрой на левой ноге, сотрясал воздух и барабанные перепонки благодарных слушателей громогласными и поистине гениальными поэтическими выбросами типа:

*«Лежал поверженный ландскнехт на теле мертвого дракона,
Его несчастная нога согнулась криво. Под балконом
Осколки тонкого сосуда, что кровь поил нектаром страсти,
Теперь вонзались в плоть земли. О, Бог! Не это ли несчастье?»*

Непостоянная и капризная муза попала на этот раз, как говорится, в струю. Строки, рожденные Толиком Махаловым, изумительны, правда? Помните с чего всё начиналось? Точно, с крепкого алкоголя.

Я ж говорю, гениальные поэты — народ пьющий. Причем, без лицемерного смущения. Для пользы дела ж!

А вы, уважаемые, коль до сих пор со мной не согласны, можете немедленно хвататься за топоры и заострять колы. Или гусиные перья. Я-то к схватке готов. А вы?

Короче, пацаны...

*Литературные опыты авторитетного бизнесмена Семена Михайловича Смоленцева
(он же Сёма Пятый)*

Печёночный паштет

Короче, я, типа, лопух и на год отстал от жизни! Эту, говоря литературным языком, новость мне сегодня Валя Кривой по мобиле напел. Ладно, Кривой — свой пацан, ему предьяву за такой базар делать не стану. Но если какой-нибудь лох вякнет что-нибудь в этом роде, он-то уж, в натуре, огребет по полной программе. Я сказал, Сёма Пятый. Отметили?

О чем базар, пацаны? — спросит меня какая-нибудь книжная вошь. Расставляю. Я тут вчера купил дочке хату с евроремонтом на Белорусской, привез мебель разную — стенку там итальянскую, немецкую двуспальную шконку, австрийский электрокамин, плазму на полстены японскую, новый компьютер последней марки, который до кучи подключил к Интернету. Так вот... Как бы это сказать-то, чтоб никого не обидеть?... Ща, зависну минут на десять, сформулирую на бумажке, а потом выложу вам всё как на духу. Только сначала дам почитать Катьке, так дочку звать, чтоб она поправила, что не в тему. А то, понимаешь, я литератор хоть в будущем и знаменитый, но пока начинающий. Бабок-то до хрена, а слуха музыкального, пацаны говорят, нет. Вот и приходится писать, уж коль на гитаре дальше трех аккордов за год не продвинулся. К искусству-то, мля, тянет в моем возрасте не по-детски, не дает покою слава Толстого с евойным «Идиотом»... Что, Кать? Какой, к черту, Достоевский? Слушай, зая, я вообще не с тобой говорю. С кем? С будущим читателем, в натуре. И не смей учить отца, коза! Звякни-ка лучше в «Метрополь», закажи пиццу какую-нибудь, только скажи, чтоб колбасы побольше накидали... Чего? Ну, не в «Метрополь», где ее там жарят?... Ладно, хорош бакланить, зависаю...

Ага, всё. Поехали, как говорят Чагин с Шумахером.

Тут в Интернете уже целый, оказывается, год базарят, что в Африке, в Танзании на границе с Кенией, какая-то наша российская экспедиция нашла племя людоедов, которые говорят на чистейшем русском языке девятнадцатого века, как, в натуре, базланили Акунин с Пастернаком. Типа, «кушать подано, господа, не изволите-с отведать нашего паштету?». Мол, типа, племя это — загадка африканского климата. И еще в этой как бы научной экспедиции был типа профессор из питерского университета, он, мол, за базар и отвечает.

На самом деле — в тему, почти всё правильно пишут, но, ребята, было там немного иначе. Не ездила туда никакая экспедиция. То есть, экспедиция-то ездила, но не научная, а охотничья. Просто мы с пацанами после Нового года устали бухать и решили развеяться...

Зависали мы на праздники, как обычно, в Никольском у Кривого. Почему у Вали, спросите вы? Да просто у него там во дворе такая ёлка классная растет, что круглый год — Новый. Логично? А то!

Компания тоже привычная. Я с Ленкой, само собой — Кривой со своей Натахой, Чемодан с Людмилой Петровной, ну и, как обычно, Профессор из Питера с двумя новыми блядьми прилетел — он у нас убежденный холостяк.

Пока наши бабы икру из банок в тазик вываливали, оливье строгаля, селедку под шубой, мы с пацанами организовали шашлычок во дворе. У Кривого мангал прямо под ёлкой. Не представляете, какой кайф. Типа зима и лето в одном флаконе.

Начали, как обычно, с «хеннесси», пока мясо не прожарилось. Хлопнули по паре стаканов, покурили, потрындели за жизнь, поделились соображениями относительно курса валют, анекдотов старых вспомнили. Короче, начали расслабляться...

Вот я всегда, пацаны, говорю, что с коньяка начинать праздник — это неправильно. Мясо было еще не готово, а Чемодан уже забыковал. Мол, ты, Пятый, ни хрена в мировых

экономических процессах не шарить, поэтому и портфель твой инвестиционный хреново диверсифицирован. Чем я, литератор, мог на это возразить? Замминистру финансов-то! Правильно, ничем. Но настроение было испорчено. Правда, ненадолго. Слава Богу, Кривой меня поддержал и нагло соврал, что коньяк кончился. А мы с Профессором ему типа поверили. Даже возражать никто, кроме Чемодана, не стал. Почти единогласно перешли на беленькую. Оно, все знают, гуманнее.

В общем, праздник пошел более-менее прямо.

Сидели за столом, пили за удачу и прекрасных дам, закусывали, провожали старый год, под шампанское слушали трёп Президента и куранты из ящика, орали «ура». Потом выскочили на улицу, пускали салюты. Мы с Кривым под шумок подрались с какими-то кондомами с соседнего участка, потом позвали их к себе, бухали до утра вместе под ностальгическое «а помните, пацаны...» Короче, все как обычно. И первого, и второго — традиционный отдых. А впереди еще неделя расслабона. Прощай печень со всеми отягчающими. Да и скучновато, если честно.

Но пришло третье число, и все в нашей жизни заскакало по-новому.

И запряг эту новую жизнь Профессор. Не по своей воле, естественно. Просто ночью евойные бляди обратно в Питер улетели. Сессия у них, видите ли. Всё не как у людей у этих... Впрочем, озвучил, повторяться не стану.

Профессор с утра дернул пару стаканов вискаря ради поправки телесного духа, сбегал на улочку, обтерся снегом для профилактики свиного гриппа — он у нас поклонник здорового образа жизни, вернулся за стол, вылил себе в тарелку остатки ухи, отхлебнул и задумался. А потом вдруг как выдаст:

— Слышь, пацаны, а вы на сафари когда-нибудь были?

Мы с Кривым чуть фуагрой не подавились. Чемодан же вообще на пол грохнулся. Вместе со стулом.

— Ну... — прокашлявшись, говорит Кривой, — мы с Пятым в девяносто втором в Свердловске с казанскими на одних сайгаков охотились. Но это ж давно было, Профессор. Ты чё, в натуре? Какое сафари? Мы уж десять лет как уважаемые люди.

— Да не, — засмеялся Профессор, — я не о том. Я про натуральное сафари говорю, про африканское. Ну, там, на этих, на бегемотов, крокодилов и слонов всяких. На животных, короче. Были?

Чемодан, который к тому времени вернулся с пола за стол, заблеял:

— Э-э-э... Ну-у-у... я ездил разочек в составе нашей делегации в Кению.

— В натуре, что ли? — удивился я. — А мы почему не в курсе?

— Так я не рассказывал. Неудобняк, пацаны. Мы там... это... — замялся Чемодан, — выпили крепко с принимающей стороной до начала охоты... Ну, я ничего толком и не помню. Так, отдельные образы. Типа, замминобороны обратно с башкой носорога возвращался... Вот только сам он его того... или, мож, на рынке купил? Мы, понимаешь, шапочно знакомы... Я спросить постеснялся.

— Так у тебя, стеснительный ты наш, замминобороны в приятелях ходит?! — Профессор саданул стаканом по столу. — Не, пацаны, вы слышали? И он молчит! Слушай-ка, братан, быстренько набрал своему воякеру и договорился насчет борта на Африку. Пятый, Кривой, вы как?

Мы с Валею переглянулись, пожали плечами.

— Нормально, — говорю за обоих. — Хрена ль нам здесь, бухать что ли до посинения? Мы — за.

— Поддерживаю, — кивнул Кривой, крякнул и залпом опустошил стакан, откашлялся: — хреново пошла... Я б, в натуре, пострелял. Если в животных, то можно, правда? А в людей в двадцать первом веке палить — реальный моветон. Мы ж не ваххабиты какие из ихнего Ирану. У нас и нацрозни, слава яйцам, нет. Почти. Мы — люди цивилизованные.

— Вот и договорились! — радостно сказал Профессор. — Чемодан, звони своему генералу, пускай транспорт готовит.

— Ну... не все так просто, — заныл было Чемодан.

— Набирай, я сказал! — Профессор угрожающе сдвинул брови.

— Хорошо, — вздохнул Чемодан и вытащил из кармана «айфон». Он у нас продвинутый, «вертушки» ему — прошлый век, да и не демократично, не тот статус. Твиттеры-шмиттеры, мать вашу...

Всё устроилось как нельзя лучше. Военный транспортник вылетал в тот же вечер в Судан. Мы, загрузив спортивную сумку американским баблом, на такси домчались до аэродрома, довольно быстро договорились с летчиками, что они по пути закинут нас в Кению, и уже к полуночи были на месте. При нормальном таком камуфляже, купленном на военном складе перед отлетом, со снаряженными «калашами», взятыми на прокат там же, и даже при РПГ. Профессор сказал, что на слона лучше с «мухой» идти, его из автомата за здорово живешь не уложить. Ну, с «мухой», так с «мухой». Будто кто возражает.

Переночевав в каком-то трехзвездном клоповнике, мы с утра наняли у местных более-менее приличный «крузак» с проводником-переводчиком, балакающим по-нашему и двинули по пыльному хайвэю к месту охоты.

Ехали, я вам скажу, долго. Даже пожалели, что отказались от вертолета. Хорошо, что бухаловом запаслись, а то задолбались бы трястись по этой грёбаной Африке. Вот только с закусью лажанулись. Идиоты. Послушали Профессора. Мол, мяса сами настреляем...

Кондёр в «крузаке» крикнул где-то через час. Жара несусветная, а окна открыть нельзя. Пылища такая, что под каким-нибудь Саранском. Негру-то по барабану, он знай себе, баранку крутит, джин наш из горла попивает и «Катюшу» во всё горло орет. Прибил бы самолично, пацаны. Верите? Но нельзя — я ж типа принципиальный противник расизма. Да и компаса у нас нет — никто из наших взять не додумался. Как обратно без компаса?

Ладно, проехали. Долго ли, коротко ли колесили мы по Африке, но в саванну, наконец, прибыли. И не просто в саванну, это у них там степь так называется, а в какой-то заповедник. Жирафы повсюду ходят, нами не пуганые, зебры мирно пасутся. На холмике львы лежат — на нас ноль внимания... Вот только слонов нема.

— Где, — спрашиваю, — слон?

— Слон есть! — нахально лыбится наш чернолицый товарищ. — Только слон вечер идти. День жарко. Вечер жарко спадать, слон на река приходит, вода пить. Много пить, долго! Тогда надо стрелять.

Профессор на часы глянул, башкой покачал и говорит:

— Не, парень, так дело не пойдет. До вечера мы тут в натуре испаримся. Сейчас слон где?

— Сейчас? — переспросил кениец.

— Сейчас, сейчас, — кивает Кривой и недвусмысленно так стволом «калаша» по пространству туда-сюда водит.

— А-а, сейчас! — сообразил умный афро-неамериканец. — Сейчас слон в джунгли!

— А хули ты нас сюда привез? — возмутился я. — Поехали в твои джунгли!

Мы с пацанами и проводником снова забрались в машину и покатали в сторону видневшегося на горизонте леса, которого минут через двадцать благополучно достигли.

Пришлось спешиться. Любому, даже самому тупому гольяновскому кретину известно, что по джунглям на тачке не проехать. Это ж не Сокольники и даже не Лосинка, джунгли! Бананы, лианы, павианы — все там есть. Нет одного — дороги.

Но нам-то не привыкать, верно? Я, Кривой и Профессор — рейнджеры, в натуре. Вот только с Чемоданом опять вышли проблемы. Он такой мамон в замминистерском кресле наел, что каждые сто метров останавливался. Впрочем, это нормально. Мы и сами никуда не торопились.

Вот только проводника нашего, выращенного на бамбуковой самбуке, от джина малость развезло. Я ему, правда, шепнул тихонечко в самое ухо, что если он нас, волчара эфиопская, вести не сможет, то мы его аккуратненько тут же и прикопаем. Потому шел парень. Шатался, но с курса не сворачивал. Уважаю.

Часа два мы плутали по диким африканским зарослям. Задолбались, пацаны мои дорогие, конкретно, а слона так и не нашли. Собирались уже двигать обратно, чтобы ждать вечера, когда животное само выйдет на водопой, да только помешало нам одно обстоятельство — случилась помеха.

Выросла помеха словно из-под земли. Я сначала подумал, что обознался. Мол, мираж. На пекле да спьяну чего только не привидится. Но нет, остальные тоже заметили.

Здоровенный негр, ростом метра два, а то и два с половиной, простите — линейку с собой не прихватил, в косоворотке, в полосатых штанах, обутый в лапти на портянки, стоял посреди тропинки и лыбился нам как старый знакомый. Хотя я, да и пацаны мои, видели это чучело впервые. Сто процентов. Может, думаю, проводника узнал?

— Хэллоу, — говорю, — май дия френд. Ду ю спик англиш?

Молчит.

— Шпрейхен зи дойч? — попробовал навести немецкий мост Валя Кривой.

Тот же результат.

— Парле ву франсе? — напряг извилины Профессор.

— Уи, уи, мсье, — радостно закивал абориген.

— Вот зараза, — выругался Профессор, — пацаны, по-французский кто-нить трещит?

И тут абориген выдал:

— Так вы русские, господа? Вот так сюрприз! Однако, однако... Не ожидал-с...

Тут-то мы с братвой и сели все вместе. В натуре, как Кабаева с Исинбаевой. Или не, вру. Там у синхронных русалок вроде другие фамилии. Впрочем, не суть, вы меня поняли. Надеюсь.

В общем, ребята, оказались мы вместо сафари в натуральной экспедиции в древнее российское прошлое. Как при царе было, так и тут. Только год-то на дворе какой? Во-во.

Аборигены, даром что малька нерусские, встретили нас в своей деревне, как говорится, на высшем международном уровне. С реальной хлеб-солью и неизменными чарками самогона.

Добротные избы, рубленные из ихних баобабов по всем правилам деревенского зодчества, водяная мельница, банька, я вам скажу, классическая, на дровах, а не какая-нибудь электросауна в гараже. У девах смоляные косы до попы поверх вышитых жар-птицами сарафанов. Сказка! Единственное отличие — вся деревня чернокожая.

Но как говорят, братва! Поют, мать вашу красивую. Реально поют:

— Добро пожаловать в Эбенговку, гости дорогие.

— Как поживаете-с, господа? Каким ветром занесло вас в наши палестины?

— Вы подумайте, какие новости-с?

— А не изволите ли, господа, отведать нашего паштету-с?...

Вождь их, Влас Тимофеевич Эбенгов, тот самый гигантский мужик, что нам на тропке в джунглях встретился, рассказал, что русский — их родной язык. Мол, сколько деревня существует, а стоит она на месте, никуда не двигается, уж почитай целый век, а то и все два, испокон говорят здесь так, а не иначе.

Язык этот перешел к ним когда-то давным-давно от отца-основателя. Влас Тимофеевич говорил, да я запомнил... Вот черт, вспоминаю, и сам начинаю бубнить как в позапрошлом веке. В натуре, да? Короче, звали их предка то ли Мусин-Пушкин, то ли Берингов-Пролив, то ли Конев-Прожевальский. Точнее не скажу. Забыл. Помню только, что фамилия двойная и реально наша, российская.

Но это еще не все приколы.

Мы с пацанами прожили в Эбенговке три дня. Причем не только бухали и быт заценивали, рьяно работали над освежением тамошней крови. Девки у них, я вам скажу, супер. Умницы, скромницы, рукодельницы. А фигурки! К цвету кожи, кстати, быстро привыкаешь. Вот вспоминаю Машу... Впрочем, не стану я вслух вспоминать Машу. Дочь рядом. Матери она, конечно, ничего не скажет, но и сама таких приключений особо не одобрит. Правда, Кать?

А я что говорю! Ах ты, мое золотце.

Но что-то я отвлекся.

Продолжаю.

Повторюсь, жили мы в Эбенговке три дня. На четвертый решили отчаливать.

Мы-то с Кривым люди творческие, со свободным графиком полета вдохновения: я — писатель, Кривой — музыкант (так фуючит на барабанах, мама не горюй). Профессор же с Чемоданом — чины подневольные, им после каникул на работу. Про должность второго — замминистра финансов — я говорил, первый же — теперь проректор в одном из питерских вузов, вдалеке, между прочим, не из последних, преподает «стратегическое планирование» (или «разрешение конфликтов», точнее не скажу).

В общем, раскланялись мы с эбенговцами, расцеловались, обменялись сувенирами, обещали друг дружке связей не терять, перезваниваться по праздникам. Вождь ихний (или председатель, черт знает, как его должность называется), Влас Тимофеевич, самолично на подносе вынес четыре граненых стопки с любимейшей нам самогонкой из фруктов хлебного дерева и бутерброды с печеным паштетом. С таким, между прочим, вкусным, что ваше фуагра — реальное говно по сравнению с ним, хоть и мажется так же хреново, когда из холодильника.

Выпили на посошок, закусили бутерами...

И вдруг Чемодан, кое-что вспомнив, у вождя спрашивает:

— Влас Тимофеевич, а вы проводника нашего не видали? Что-то он мне четвертый день на глаза не попадается?

— Как не видеть, видал-с, — отвечает Эбенгов, а сам радостно так скалится. — И вы его только что видели-с.

— Где ж мы его видели? — говорю. — Ты, папаша, ничё не попутал?

— Как же я попутал-с, мсье Пятый? — хлопает своими ресницами Влас Тимофеевич. — Третьего дня самолично-с готовил. Антрекоты-с давешние не изволите припомнить? Те, которыми-с господин Профессор так натуральнейше восхищался-с? А паштет, коим токмо-что беленькую закусывали-с? Правда, недурственный вышел?...

Короче, что там было дальше, я рассказывать не хочу. Да и незачем. Одно скажу — нет больше на африканском континенте русскоязычной деревни Эбенговки. И населявшего его проклятого племени каннибалов им. Петрова-Водкина тоже нет. Увы.

Только по Маше иногда тоскую... Но как вспомню тот проклятый паштет, так вся тоска проходит. Верите?

Вот такая, братва, историйка.

Остались вопросы? А-а, как выбирались без проводника? Да нормально выбирались. Довольно резво. Это ж у нас с Кривым «вертушки» золотые, но без внутренних наворотов, а Профессор мобилу принципиально не заводит — сколько лет прошло, а все боится мсти родственничков упокоенных. У Чемодана-то нашего — «айфон». Он тогда каких-то полчаса на пепелище посидел и навигацию в нем нашёл. А дальше — дело техники. Джи-пи-эс, пацаны, он ведь и в Африке — джи-пи-эс. Прикольная, кстати, штука. Но у нас в Москве конкретно бесполезная — джунглей-то, слава Богу, здесь пока нет. Мож, где за МКАД'ом есть, но я этого факта точно не знаю, так что врать не буду...

К вопросу о высоте над уровнем дороги

Короче, какой нормальный пацан, сколько б ему до пенсии ни осталось, не мечтает стать владельцем «Феррари»?

Вот и я не исключение. То есть, если честно, мне эта торпеда гоночная на в пупок не упёрлась, один икс стоять в пробке. Но коль не воплощать в жизнь детские мечты, какой интерес тогда жить-то вообще? И потом, ну не на «Хаммере» ж по кабакам разъезжать — и парковаться в центре Москвы проблематично, и домой возвращаться пусть в легком, но в подпитии, всё-таки тухло. Посадка-то высокая, хреново видно тех, кто снизу бегаёт. Ладно бы бабуську, а вдруг, ненароком какого гаишника придавишь — ведь по судам потом, суки, затаскают, а то и прав на полгода лишат. Не буду ж я с Ленкой на ее гламурном розовом «Крузёре» рассекать. Вы ж меня потом, пацаны, и зачморите. Не прав, в натуре? Прав. Знаю, что тру.

Вообще, в современном мире с этими тачилами полная и конкретная беда — такой выбор, не знаешь на чем остановиться. Вот раньше, помню, еще когда в Моршанске жил, на исторической, как говорится, родине, рассекал себе на чёрной «девятине» и выглядел при этом круче крутизны бедра Клавы Шифер. Во, времена были, скажите! А когда первые свои права купил, вообще на рыжей «копейке», обутой в лысую резину, колдобины равнял вместе с забуксовавшими в них оленями и был жизнью доволен, что бегемот, до икоты обожравшийся репой.

Но это, как говорится, лирическая прелюдия перед актом. Сама ж историйка, которую я вам сегодня напою, немудрящая, но поучительная. А произошла она совсем недавно — пару месяцев тому. Итак, короче...

Я тогда только-только дочке своей, Катюхе, на совершеннолетие отдельную хату приобрёл. Походя и гараж по объяве там же, в самом ее дворе, сторговал за какие-то сущие пустяки в отечественной валюте.

Посидели мы с Катей, кофе с коньяком попили, и тут мне интересная мысль в голову пришла.

— Слушай, — говорю, — коза, а ты б какую тачку себе хотела, а?

— Не знай, — отвечает и плечами жмет. — Ну, мож, как у мамы — «крузак». Он клёвый. Или «Хаммер», как у тебя. Но только розовый. Черные машины мне не очень нравятся. Выглядят не гламурно.

А я, пацаны, вообще это слово — «гламур» — не переносу. Вот и тогда в себе бешенство еле-еле подавил. Не будь Катька мне любимой родной дочерью, ей Бог, влил бы в лобешник совсем не поцелуй. Но сдержался кое-как.

— Нет, зая, — сказал, выдохнув, — ты меня извини, но до большой машины тебе дорасти еще надо. Правами только-только обзавелась, а едешь пока хреновато. Давай-ка выбирай что-нибудь полегче. А через годик, глядишь, и на джипец папку разоришь. Договорились?

— Я, — говорит, — вообще-то тоже об этом думала. Олька вон на «Мазде» третьей катается. Ничего так, прикольно.

— Ну уж, — рассмеялся я, — до Олькиного уровня мы с тобой не опустимся. Давай-ка мы тебе, кисунь, классику возьмем — «мерс» какой-нибудь, купешечку, или «бэху» — троечку. Как тебе такой вариант?

— Не, пап, «бэху» не хочу, — со вздохом отвечает Катя, — лучше уж «мерс». Только розовый...

Я в долгий ящик дела откладывать не привык. Сказано — сделано. Сел на телефон обзванивать дилеров и минут через десять то, что искал, нашел. Застолбил на свое имя на пару часов — мол, никому не продавать, сейчас подъедем...

Нет, ну что за страна у нас такая, а? Везде нажухать готовы, сволочи! Мы с Катькой когда в салон прикатили, я сразу к менеджеру, лысому и противному такому мужичонке с хитрым глазом.

— Звонил, — говорю, — час назад по поводу розового «мерса». Смоленцев. Не продали?

— Нет-нет, что вы! Как можно, Семен Михайлович, — заискрился плюгаш. — Пройдемте, вон он, в конце зала стоит, вас дожидается.

Подошли, глянули и...

— Ты чё, — говорю, — лысый, офонарел слегонца?! Тебя по телефону об чём спрашивали?

— О ро-ро-розовом «Мерседесе», ку-ку-ку...ку-пе, — отвечает мне этот подонок, а сам уже голову в плечи вжал, приготовился.

Но я ж не зверь какой, да и девяностые давно прошли. Что я его, бить буду? Не на того напали.

— Ты, — говорю, мужик, — не ссы. Я тя и пальцем в нынешнем своем положении не трону. Но обидно, понимаешь, когда нормального человека за лоха держат и развести на ровном месте пытаются. Я те чё — дальтон? Зеленого от розового не отличу? Пошли, Катя, из этого быдловника.

И развернулся к выходу. Дочка молча модельной походкой за мной. Лысый нам вдогонку что-то про хамелеона пищал, на скидки ссылался, но мы даже не остановились. Ну не люблю я, пацаны, когда со мной так! А кто, скажите, любит?!

Вышли с Катюхой на крыльцо, закурили. Стоим, не разговариваем. Настроение у обоих испорчено. После третьей затяжки я чуть успокоился, дочь за плечи обнял и говорю:

— Ладно, зая, не переживай, придумаем что-нибудь. Москва — город большой. Неужто мы тебе здесь тачилу не прикупим?!

И тут мой глаз-алмаз падает на соседний павильон. Читаю и себе любимому не верю: «Ferrari». Рядышком лошадь черная на желтом щите.

— Мать твою! — нечаянно вырвалось у меня при ребенке.

— Ты чего, пап? — дернулась Катюха.

А у меня, пацаны, настроение сразу поднялось. Почувствовал я этакий прилив душевности. Мечта детства! И где, спрашивается? А вот — полста шагов на зюйд-зюйд-вест! Или куда уж там, я не знаю, плоховато без компаса ориентируюсь.

— Пошли, — говорю, — дочь. Приценимся.

Ну и пошли прицениваться. А хрена ль нам, таким красивым?!

Вот я чего-то недопонимаю, или вы мне, может, объясните? У них что, в автосалонах, так заведено — чем дороже тачками торгуют, тем менеджеры противней? Я то, дурак, думал... Впрочем, опять на лирику скатываюсь, а надо б рассказ рассказывать.

Так вот, зашли мы с Катей в салон «Феррари». Перед нами тут же, как двое из ларца в известном мультике, мужичок с ноготок словно из подпола вырос. Не поверите — мелкий, тощий, лысый. И морда хитрая. Вот, думаю, у вас, упырей, тут поблизости гнездо, что ли? А он уже лопочет:

— Здравствуйте, господа! Вы так, посмотреть? Или заказ хотите оформить?

— Я чё, — говорю, — похож на ходителя по музеям?

Паузу многозначительную выдержал для большей солидности, а потом продолжил:

— Ты, мужик, показывай свои машины. А мы, если нам что понравится, тебя тормознем и тут же расплатимся. Ферштейн?

— Так у нас не получится, господа, — грустным голосом говорит лысый.

— Это еще почему? — спрашиваю я. — У вас тут чё, не магазин?

— Понимаете... — замялся менеджер. — Как бы вам сказать-то...

— А как есть, так и говори, — отвечаю я. — Мы не тупые, разберемся.

— Хорошо, — кивает. — У нас, господа, система предварительного заказа. В зале представлены только выставочные образцы. Вы можете посмотреть любую машину, даже покататься хоть на всех. Если какая-то модель вас заинтересует, то мы оформляем заказ, вы платите аванс и ждете, когда доставят автомобиль. Вот такое положение. Наша фирма, между прочим, работает подобным образом по всему миру. Мы ж не на конвейере автомобили собираем. Хэнд мэйд!

— Наслышан, — реально опечалился я. — И долго ждать?

— От двух месяцев до года, — говорит лысый. — Всё зависит от модели, комплектации, которую вы закажете, номера в очереди...

— Стоп, стоп, стоп, — поднял я руки. — Два месяца для нас — вариант тухлый. Год — тем более. Понимаешь, мужик, мне сейчас машина нужна. Неужели нет в наличии ни одного отказника? Не поверю, хоть кусайся! Мы ж в России.

Менеджер хитровански так прищурился, глянул на Катьку, на меня, снова на Катьку. Я сразу смекнул, о чем он подумал.

— Ты, — говорю, — на приличную девушку не коси желтым глазом. Это моя дочь. Без вариантов, уяснил?

— А-а, — посерьезнел тот. — Ладно, господа, к делу. Есть два автомобиля, которые вы можете выкупить прямо сейчас. Посмотрим?

— Другой базар, — обрадовался я. — Показывай...

Я, пацаны, наверное, какой-то неправильный. Или устарел морально, или просто чего-то не догоняю. Вот скажите, может новая тачка стоить дешевле подержанной? Нет, я сейчас не про антиквариат речь веду, а про обычный, пусть и очень дорогой автомобиль трехлетнего возраста.

Две машины, которые показал нам менеджер, хорошие такие родстеры с пятисотильными движками, выглядели разнополыми близнецами. Красный — «девочка», темно-серый — «мальчик». Причем «девочка» была явно постарше, что в среде близнецов изредка, говорят, встречается. Я сразу врубился, что на ней до меня хорошо покатались.

— Почем, — спрашиваю, — темная?

— Миллион условных единиц, — отвечает менеджер, и я вижу, как его лягушачья впалая грудь при этом раздувается от собственной значимости. Смешно. Однако я даже не улыбнулся.

— Нормально. А красная?

— Два миллиона, — отвечает, а сам того и гляди лопнет от избытку газов.

— Сколько-сколько? — я, пацаны, не поверил своим ушам. — Она ж бэушная!

Хмырь же, у него даже голос завибрировал, поясняет:

— Не бэушная, а объезженная! Между прочим, на этом самом автомобиле предыдущие три года катался сам Элтон Джон! После таких владельцев автомобили стоят гораздо дороже...

— Да хоть Борис Моисеев! — перебил я лысого. Ну, гад, и взбесил он меня! — Ты врубаешься вообще, что сейчас мне, конкретному пацану, впариваешь тачку втридорога, на которой... Как ты думаешь, недалновидный менеджер, неужели я своей девственной мужской жопой сяду в кресло, в котором... Не, ну ты понял, да?! Я никого из сексменьшинств не хочу оскорблять, но ты, пожалуйста, феню фильтруй. Договорились, в натуре?

Этот сразу сдулся, худенькие плечики опустил и робко кивнул.

— То-то. «Мокрый асфальт» беру, — успокоился я. — Катюх, ты меня прости, но тебе машину купим завтра.

— Ничего, пап, — улыбнулась мне дочка. — Не переживай. Завтра так завтра.

Ну как я могу ее не любить? Даже слов от умиления не нашел. Просто обнял за плечи и чмокнул контрольным в лобик.

— Пройдемте в кабинет для оформления, — выдохнул тем временем лысый, поняв, что буря просвистела стороной. — Расплачиваться чем будете?

— Цветными расчёсками, — ответил я. Не, ну бесят меня такие вопросы!
Он вскинул на меня удивленные глаза.
— Наличными условными единицами, чем же еще?!...

Катку я закинул домой, а мы с Ленкой вечером решили зарулить в кабак, обмыть новые колеса. Столик и место на парковке заказали заранее. Поехали, естественно на «Феррари». Машина, я вам скажу, реальный зверь. А красивая... Если б не пробки... Но это уж, как говорится, издержки роскошной столичной жизни. Приходится терпеть. Или на метро передвигаться в маскхалате, чтоб никто не узнал. Можно, конечно, «скорую» купить, нацепить докторскую пидорку голубого цвета и мотыляться, как чмошные депутаты, по полосам спецдвижухи, но не пацански это. Неправильно.

Поужинали мы с супругой как обычно — плотно и вкусно. Выпили по стакашке тридцатилетнего вискаря. Культурную программу с удовольствием посмотрели — пела парочка каких-то провинциальных отморозков — «шансон-дуэт В.Тамбовский и О.Брянская». Здорово ребята отработали, я вам скажу. Поверьте мне — шарю, давний ценитель.

Да и вообще, настроение у нас было прекрасное. Замечательное и романтическое, как в медовый месяц. Ленка за весь вечер ни одной предьявы мне не сделала, ни одну мою блядь «добрым» словом не помянула. А это, пацаны, редкость покруче золотых самородков в Москве-реке. Мы даже в Тайланд решили вместе слетать, чего уж лет десять не делали...

Но есть, братва, такой жизненно-вечный закон, известный в народе как закон подлости. Знаете! Кому я говорю?! И по этому самому закону, если всё у тебя в жизни хорошо, даже еще лучше намечается, обязательно какое-нибудь говно случится.

И оно, это самое говно, ждуть себя в тот вечер не заставило.

Только вышли мы с Ленкой из кабака в обнимку, только приблизились к новой нашей эксклюзивной ласточке благородного цвета «мокрый асфальт» ценою в один лимон условных единиц, как заруливает на парковку на бешеной скорости черный «Хаммер», точь-в-точь как мой собственный, только фонари на крыше синие... Я его, как только заметил, сразу понял — не к добру. А уж когда этого монстра дорожного юзом повело...

С другой стороны, того братана понять можно, если крепко постараться. У «Хаммера» ж посадка высокая. Водиле, даже если он самую-самую малость выпивший, на скорости всех заметить и при этом никого не покалечить крайне сложно. Обидно только, что машин возле ресторана стояло десятка два, а всмятку лишь моя «Феррари». Хорошо еще, что меня в автосалоне тот лысый дятел полную страховку оформить уломал.

Так что в деньгах я, братва, не потерял. Да и мечту детскую в жизнь воплотил. Пусть скоротечно, но все-таки реально, в натуре. Галочку-то мысленно поставить можно. Или не стоит? Вы как считаете?

Инструмент

Короче, пацаны, вы, пожалуйста, будьте поосторожней. Не, я не про вооруженный беспредел тру, этот тип опасности себя в современной России практически изжил. Как-никак двадцать первый век в самом разгаре, цивилизуемся потихоньку. Уже почти все нормальные люди перешли от калашниковых методов разрешения проблем к культурному общению на дипломатическом языке вам известных графов Мальборо, Толстого и Талейранта. Это в порядке вещей.

Я, призывая вас к осмотрительности, хочу сказать следующее — берегите себя от досадных недомолвок и трудностей перевода. Они ж чего, сволочи такие, в ваших судьбах натворить-то могут?! То состояние, что мы десять лет зарабатывали потом и кровью, причем в буквальном смысле, эти паразитические закорючки на белой бумаге забирают у нас за здорово живешь. Да что — забирают! Сами отдаем, тащим крючкотворам в тазиках с голубой каемочкой, да еще и просим — возьмите, пожалуйста, будьте так любезны. Пытаются развести нас, братва, все кому ни лень и на ровном месте. Обидно, понимаешь.

Вот и с Валея Кривым историйка вышла. Попал конкретный пацан, мой основной друг в такую ситуёвину, из которой другого выхода нет — только плакать в подушку. Но слезу пускать — это бабские заморочки. Мы ж, пацаны, лучше выпьем, посмеемся негромко и мораль для себя накрепко усвоим. Так, в натуре? В общем, хорош пургу нести. Слушаем, короче...

Звонит мне на днях Валя:

— Здорово, — говорит, — Пятый. Подъехать сможешь? У меня тут, в натуре, маленькая проблемка образовалась.

Оговорюсь сразу — «маленькая проблемка» для Кривого — это когда его семью в заложники взяли (1994-й), пять вагонов закупленной в Астрахани черной икры в отстойнике на станции Лиски протухли (1998-й), единственный сын в ислам решил уйти, чтоб легитимно жениться сразу на двух любимых однокурсниках (2006-й). Не, ну вы меня поняли, в натуре? За двадцать лет три «маленьких проблемки». И вот тебе пожалуйста, четвертая нарисовалась!

У меня нехорошо засосало под ложечкой.

— Выкладывай, — говорю, — свою трудность. Чем смогу, помогу. На крайняк Чемодана с Профессором подпишем. Короче, решим с Божьей помощью твою проблемку.

— Не, Сёма, ты не догоняешь! — грустно засмеялся Валя. — Не суетись, не тот случай. Я неправильно сказал, проблемки никакой нет! Так, хрень тут у меня происходит. Я нутром чувствую, что под раздачу попал, а где подвох — пока не врубаюсь. Пятый, приезжай, а? С ночевой. Посидим под ёлочкой, бухнём под шашлычок... А заодно и бумажку почитаем, репу почешем.

— Ладно, — отвечаю, — уломал. Ты хоть скажи для успокоения — с близкими-то всё в порядке?

— Ну... — выдержал паузу Валя, — если не считать Натаху... которая озверела и на всех с чугунной сковородкой кидается... Заодно и поэтому тебя зову. Ты ж знаешь, при виде тебя Наташка сразу робеет...

Вообще, при виде меня многие сразу робеют. Не знаю, почему это происходит. Поводов последние годы я почти не даю. Да и комплекции я не страшной. Совершенно обычной, я б сказал, комплекции. Рост — среднерусский, без десяти два, вес тоже по возрасту — сто двадцать. Обычный пацан возрастом под полтинник, ношу хорошие костюмы, модельную стрижку, передвигаюсь на качественном иномарочном автомобиле. Не беспредельщик какой-нибудь отмороженный, обыкновенный бизнесмен — совершенно легально владею несколькими заводами по производству туалетной бумаги... Что еще сказать? Только то, что писателем стать хочу. Но это исключительно ради реализации творческих идей. И то потому, что ни рисовать, ни лепить статуи, ни играть на инструментах с детства терпеть не могу, да и не умею.

Из нашей четверки я, по-моему, самый приличный.

Взять того же Кривого — на вид страшнее Хиросимы с Фудзиямой: тощий, длинный, одноглазый, седые патлы до середины спины, как у мифологического Рапунцеля, вся харя в шрамах, джинсы аккуратненько, но драные (от «Армани»), кеды на босу ногу. Ненавидит стоять в пробках, поэтому живет в «деревне» и ездит на «Камазе» (спецвыпуск для команды мастеров)... Однако ж дети, даже незнакомые, к нему так и липнут. А дети, братва, это показатель. Коль дети не остерегаются — никто не боится. Ну... почти никто.

Или Профессор — этот по облику вообще пиранья. Мелкий, тощенький, глаза колючие, полные жестокого интеллекта. В какой-то питерской академии чегой-то мудрое преподает. Экзамен у него, говорят, хрен сдать. Требовательный, сука. А бабы на нем виснут пачками, то есть этими... гроздьями. Даже вахтерши. Бабы, кстати, тоже барометр. Без улыбки он на улицу не выходит, но видели б вы тот оскал. Лет через десять станет с такими зубами академиком. Не удивлюсь. А ведь когда-то одним из лучших мочил был. Несостоявшаяся надежда нашей сборной по биатлону. Из самого Гарварда вышибли, аж с третьего курса.

Про Чемодана вообще говорить нечего. С виду — тюфяк. Милый толстый экономический гений с потной щекастой будкой, остатками волос вокруг лысины и смущенными бегающими глазками. От сальных анекдотов краснеет. Похож на Егора Гайдара, только еще мармеладней. Бывший зам по пенсиям и пособиям бывшего же министра финансов. Любимец инвалидов и старушек... Но образ-то, пацаны, обманчив. Эх! Знали б те же старушки, а еще лучше — Билл Гейтс с Абрамовичем, сколько у него «средств к существованию» вложено и накоплено, давно б сдохли от зависти. Но то-то и оно, что не знают. И никто, кроме нас, ближайших Чемодановых друзей, не в теме. И это правильно.

Но базар о другом...

Короче, через час я был у Вали в Никольском. Наташку, Валину жену, при виде меня слегка пробило на мелкую дрожь. Глаза ее в скорби угасли. Сквородку, свое оружие мести, она сразу же устало опустила и медленно побрела в дом.

Я, когда за мной ворота закрылись, из машины вылез, огляделся и территорию хорошо знакомого участка узнал с трудом. По всей лужайке мешки и сетки с битым кирпичом, расколотые блоки бетонные, рваные упаковки из-под какого-то другого строительного дерьма. Гастарбайтеры неславянских лицевых черт тенями туда-сюда снуют, марафет наводят.

— Ты чё, — говорю, — Кривой, косметический ремонт затеял?

— Типа того, — отвечает Валя. — Пойдём-ка, брат, под ёлку. Шашлык готов, водка стынет. Выпьем по маленькой, расскажу...

Долгий диалог наш, хорошо сдобренный рассуждениями, междометиями и неопределёнными местоимениями я передавать не стану, нелитературный он. Лучше, пацаны, растолкую вам всю ситуацию с помощью простого народного слова.

Короче, Кривой попал. Развели красиво. И даже не развели вроде б, всё честно устроили, а на душе ведро блевантина повисло, в натуре, домкратовым мечом.

Началось всё с того, что Натаха уломала Валу сводить ее в театр. На балет. Приобщиться ей, видите ли, захотелось к мировой классической культуре. Мол, у Кривого из музыки одного винила два шифоньера, хай-эндовская аппаратура, реальная ударная установка от какого-то там современного Страдивариуса и, в придачу, «Камаз» с двумя сабвуферами. Короче, все радости жизни. У нее ж, болезной, только двухметровая плазма с пультом, на котором кнопок с цифирками меньше, чем в телеке каналов, даже до Эм-Ти-Ви недошелкаешься, он на тринадцатый запрограммирован, а также немодная нынче, прошлогодняя «Бентли» дурацкого белого цвета со встроенной магнитолой, которая «хрен знает, как включается». Нечестно это!

Ну, Кривой, чего делать, взял билеты, купил себе костюм, черные носки, из кед перелез в американские парашютные берцы жёлтой кожи и повез на «отстойном» белом «Бентли» Натаху в Большой на балет.

Откровенно говоря, они смогли высидеть только первое отделение, второе и третье зависали в буфете, а потом вообще рванули в закрытый клуб слушать Шуфутинского. Я их не осуждаю, потому что сам почти такой же по пристрастиям. Тянемся, понимаешь, к высокой нечеловечески-прекрасной классике, а после второго стакана сворачиваем обратно, вниз, к народу. Но это к делу не относится.

Относится ж то, что Кривой после Шуфутинского разомлел, раздобрился, и прилюдно, при всех пацанах и самом Маэстро пообещал к Восьмому марта Натахе орган приобрести, чтоб та особо его музыкальности не завидовала, а сама пересаживалась от тупой плазмы за умный и самый значительный в мировой культуре инструмент, учила клавиши, а следом за ними фуги Бетховена и сюиты Шостаковича-Данченко, в натуре.

Пацан сказал — пацан сделал. Хоть и прошел все круги ада.

Это ж гитару или рояль там какой-нибудь купить проблем нет. Заходишь в магазин, выносишь вперед себя все понты собственной значимости, швыряешь кассирше комплимент и пачку купюр, выслушиваешь благодарности, грузишься и отваливаешь восвояси приобретение обмывать. С органом вышла задачка не из легких. Эти инструменты, оказывается, делаются только на заказ и под определенное помещение. Просто так и быстро их не достать. Или «почти» не достать, как думал тогда Валя.

Ошибочно, между прочим, думал. А потому надулся от гордости, когда на третий день поисков в Интернете и кучи сделанных запросов, пришел ему ответ из одной уважаемой забугорной конторы. Не помню, как точно она называется. Какие-то «легитимные системы». Или что-то в этом роде. Сам директор написал. Мол, так и так, бла-бла-бла, сделаем в ближайшее время, доставим, растаможим, установим. С вас только размеры, желаемый материал исполнения (на выбор — нержавеющая сталь, медь, бронза) и, естественно, полная предоплата. Срок — месяц. Доставка — еще полстолька. Максимум. Нормально? А то! Как раз успеваем.

Валя заказ сделал, выбрал «медь», высота — десять метров. На радостях договор, составленный на английском, не переводя и не читая, подписал. Бабки в размере двух мульт евро (как бэушный «Феррари» из-под знаменитой жопы Элтона Джона, прикиньте!) на указанный счёт перевел и занялся переустройством своего дома.

Привез целый автобус непьющих работающих азиатов, вагончики им поставил со шконками и матрацами, забрал паспорта, хороший аванс выплатил.

Первым делом те разобрали крышу над гостиной, подняли стены. Для пущей крути решил Валя потолок стеклянный зафуячить, как купол над Рейхстагом. Это чтоб и с воздуха его понты были всем видны. Как ребенок, честное слово!

Короче, пока месяц изготовления инструмента на заводе подрядчика шел, пока две недели ехал готовый продукт на поездах и стоял на таможенных пунктах, органнй зал в Валином особняке был готов.

Наступил обещанный день.

Азиаты прибирались на участке. Натаха с их бригадиром, оба в приподнятом настроении, готовили в огромном, купленном специально для торжественного случая, казане ароматный плов на всю строительную братию. Все ждали прибытие диковины, чтобы после установки её на месте через отверстие в потолке, закрыть зал с вертолета стеклянной крышкой, оборудованной в самой верхней точке макушки развеселой древнегреческой музой Терпсихорой, лихо лабающей на арфе сонеты предположительно ихнего же, античного, композитора Еврипида...

Наконец, на повороте показались две яркие фуры. Дождались. Вскрыли. Начали разгружать, заводить через крышу в дом и собирать... Инструмент!

Короче, после первых же распаковочно-сборочных операций Натаха сковородкой и вооружилась. И сразу же, буквально за первую минуту своего неистовства уложила бригадира гастарбайтеров, пару строителей и троих сборщиков-монтажников... Остальные, включая Кривого, успели попрытаться.

Там, в этих красивых маркированных ящиках, что на самом деле оказалось-то! Не поверите, пацаны. Кто б рассказал, сам бы послал подальше...

Короче, вместо изумительного по экстерьеру и духовно-эстетическим качествам музыкального инструмента оргán, Валя Кривой, мой лучший друг и просто хороший, добрый человек, на Восьмое марта приобрел за два лимона евровалюты своей любимой супруге Наталье десятиметровый, толщиной с конкретный баобаб медный óрган, извращенно-увеличенное в сотни раз мужское достоинство, искусно, со всеми деталями сработанное умельцами из уважаемой западной страны... Церетели, пацаны, нервно курит на Крымском мосту.

Но самое главное! С «инструментом» прибыл запоздавший договор на изготовление и поставку. Точнее, не сам договор, а его перевод на наш, на русский народный язык, где по пунктам, черным по белому оговаривались все нюансы... Вот так вот, как говорится.

Да, совсем про подпись забыл упомянуть. Про ту, что стояла под договором. Ничего комментировать не буду, просто процитирую:

«С глубоким уважением и в надежде на дальнейшее сотрудничество, мистер Факью, директор ЗАО «Лингамные системы».

Трубы медные (повесть)

*«И смолкли воины, идущие на приступ.
И вострубили роги медные.
И засочились камни кровавыми струями.
И пали стены града.
И вошло во град войско.
И была всюду смерть.
Но и жизнь была повсюду».*

Первая книга пророков
(перевод Г.Н.)

Когда серьезно заболела Лена, зять, человек деловой во всех отношениях, позвонил Волиным и предложил тестю альтернативу:

— Папаша, ваша дочь пролежит в больнице не меньше месяца, а у меня дел невпроворот. Или мамаша приезжает сидеть с внучками, или я отправляю их к вам в Андреевское. Как поступим?

— Приедем завтра же. Вместе, — быстро принял решение Волин, даже не посоветовавшись с супругой. — Восьмичасовым. В десять встречай на автовокзале.

— Договорились, — в голосе зятя зазвучало явное облегчение.

Валентин Васильевич положил трубку на старенький дисковый аппарат, миновал сени и, сунув на пороге ноги в грязные «огородные» калоши, спустился с крыльца дома. Супруги ни во дворе, ни на грядках не оказалось.

— Валя! — набрав в легкие побольше воздуха, гаркнул он на всю округу.

Спустя пару секунд из-за забора раздалось:

— Ну? Чего орёшь, Василич? Тута я.

Волин прошаркал по скользкому от росы дощатому настилу к воротам и, распахнув калитку, увидел жену в обществе соседки. Бабы стояли возле палисадника и о чем-то шушукались, методично сплевывая под ноги семечные скорлупки.

— День добрый, Антонина, — поздоровался Волин с соседкой и, не дожидаясь ответного приветствия, попросил: — Мы с супругой завтра в город уезжаем, так ты за домом присмотри, ладно?

— О чем разговор, Валентин, — всплеснула руками Антонина. — Не беспокойтесь, присмотрю. А надолго ль собрались?

— С чего это мы завтра-то едем? — встряла Валентина Васильевна. — В пятницу ж собирались. Мне еще яблони укрыть надо, морковь перебрать, просушить. Дел невпроворот, а он, ишь! Завтра!

— Лена в больницу попала. Мишка позвонил, — спокойно парировал Валентин Васильевич, — говорит, времени у него нет с девочками сидеть. Или он завтра их к нам отправит, или ждет нас сам. А как же к нам-то?! У Кати школа. Так что, мать, ноги в руки, и на морковь. Яблони сам укрою.

— Валя, что с Леной? — схватила за сердце жена.

— Не сказал, трубку бросил. Ладно, хорош балаболить, дел невпроворот. Домой шагом марш, — скомандовал отставной прапорщик, и супруга возражать не осмелилась. — Спасибо, Антонина. Ключи перед отъездом занесу. До свидания.

— До свидания, Василич, — попрощалась соседка и, понимая, что Волиным сейчас не до пустых разговоров, скрылась за своими воротами.

С домашними заботами старики управились лишь затемно, потом почти до полуночи собирались. А как же — надо было внучкам гостинцев привезти, да и Лене лекарства приготовить — свои, проверенные, по рецептам, хранящимся в семье не одно поколение.

Чуть свет, еще раз наказав соседке присматривать за домом, старики, груженные кошёлками и лукошками, добрались до автостанции. Старичок «Икарус» ждал, казалось, только их. Стоило супругам забраться на ступеньки, автобус, забыв закрыть дверь, дёрнулся и, чихнув чёрным выхлопом, тяжело покатился в сторону шоссе.

Валентина Васильевна всю дорогу спала, посапывая у мужа на плече. Волин смотрел в окно, считая то столбы, то проезжающие навстречу автомобили, или просто любовался колоритными октябрьскими пейзажами, с лёгкой грустинкой вспоминая, как в молодости точь-в-точь по такому ж лесу он, будучи ротным старшиной, бегал с солдатами на физо.

Автобус пришел в город чуть раньше расписания, но Михаил, как и обещал, подкатил к зданию вокзала ровно в десять. Небрежно покидав привезенные гостинцы и вещи стариков в безразмерный багажник черного «крокодила», он усадил их на заднее сидение и повез, как сейчас говорят, в «элитный» пригород. На самом же деле, в некогда одноимённый посёлок разорившегося совхоза Овощевод, где жил с семьей в недавно отстроенном доме.

— Хотел взять гувернантку, но девочки наотрез отказались сидеть с чужим человеком, — объяснял он по пути решение вызвать стариков. — Своих бы попросил, но из Сибири, сами понимаете, путь неблизкий.

— Да ладно, Миш, — отозвался Волин, — чай, свои люди. Что нам с матерью, с внуками поводить в тягость? Ты лучше скажи, с Леной что? Как она?

— Так, в среднем по району. Даже хуже, — поморщившись, пожал плечами зять. — Сами ж знаете, когда Варьку родила, какие-то там осложнения возникли. По женским делам. Вот, вроде, снова. Типа, рецидив. Я не спец. С доктором вчера встречался, так тот говорит, что через месяцок-полтора, если всё нормально пойдёт, выпишет. Надо б, конечно, операцию делать, так Ленка ни в какую! Дура.

— Сам ты дурак, Михаил, — серьезно проговорил Волин. — Резать, парень, последнее дело. Мы сами ее на ноги поставим. Правда, Валентина?

— Твоими б устами, — отмахнулась супруга. — Тоже мне, знахарь. Мы, Миш, своих лекарств с дедом везём, но я боюсь, если врач сказал — надо операцию, значит — надо операцию. Ты не волнуйся, я с Леной поговорю.

— Поговорите, — согласился зять. — Меня не слушает, так, может, хоть мать... Давайте-ка в магазин заедем, Катюша яблок просила.

— В магазин? Окстись, Михаил, — возмутился Волин. — Мы, чай, не с пустыми руками. Яблок в багажнике полная корзинка. И грушовки чуток осталось, и семеринка, и антоновские. А Варенька чего хочет?

— Варька? — улыбнулся в зеркало зять. — Варьке всего хватает. Она деда требует. Ждёт не дожждётся, когда вы, папаша, ее научите кораблики из коры резать. Пацанка. С велосипеда недавно грохнулась — будь на её месте малец, и тот бы заныл, рассыпался. А эта ничего. Встала, колени потёрла. Пап, говорит, руль поправь, чего-то он у меня в сторону отвернулся.

Волин не удержался, расцвёл довольной улыбкой.

— Наш человек. Подожди, Михаил, подрастет, строить вас станет.

— Да-а... Эта станет. Даже не сомневаюсь.

Автомобиль свернул с шоссе в коттеджный посёлок и медленно поехал вдоль новеньких, сверкающих разноцветным мрамором особняков. Остановившись перед въездом на территорию одного из себе подобных, Михаил открыл окно и, нажав кнопку на низеньком столбике, скомандовал:

— Живее открывай! Спишь? Камеру на кой хрен повесили?

— Секундочку, Михаил Александрович, — прохрипело из невидимого динамика.

Ворота плавно разъехались в стороны, и машина бесшумно вкатилась во двор.

— Кучеряво живете, — покачал головой Волин.

— Стараемся, — улыбнулся зять. — Ну что, прибыли. Можно выходить.

Внучки, выскочившие во двор, бегом бросились к старикам. Девочки, отпихивая друг дружку локтями, спешили поделиться с дедушкой и бабушкой новостями. Младшая, шестилетняя Варя, повиснув на дедовой шее уже рассказывала:

— Мы, деда, с Антошей и Вовчиком в воскресенье на пруд рыбачить ходили, так они ничего не поймали, а я целых три рыбы!

— Ой уж, рыбы, — презрительно поморщилась Катя, державшая за руку бабушку. — Мальков каких-то, которых даже Муся есть не стала. Вот мы, бабуль, в школе спектакль ставим про Красную Шапочку, так меня на главную роль взяли!

— Дураки у вас там все! — уже кричала обидевшаяся на «мальков» Варя. — Тебя волком надо было сделать! Зубастая!

— Ты себя-то в зеркало видела?

— Ой-ой-ой! Принцесса дураковская...

— Молчать! — гаркнул Волин. — Что за шум, а драки нет?

— Мы не дерёмся! Мы всегда ругаемся! — весело отчеканила Варя. — А потом миримся. Правда, Кать?

— Миримся, миримся, — отмахнулась старшая. — Давайте мы вам поможем вещи в дом занести.

— Вот это — дело, — потрепал Катю по волосам Валентин Васильевич. Осторожно освободившись из Вариных объятий, он достал из багажника сумку полегче и, поставив ее на землю, скомандовал:

— Берите за ручки. Только вдвоем, она тяжелая.

Девочки, подняв сумку, потащили ее в дом. Михаил, игнорируя выскочившего из будки охранника, сам взял увесистый рюкзак и одну из корзин. Подхватив оставшиеся сумку и лукошко, чем освободил супругу от разгрузочных работ, Валентин Васильевич двинул следом. Замкнула шествие Валентина Васильевна. Она и дверь за собой прикрыла.

Первое, что увидел Волин, войдя в огромный, отделанный полированным зелёным камнем холл — застывший в углу меж двух венских стульев узкий футляр прессованной чёрной кожи с протёртыми до дыр углами...

* * *

Давно это было — почти шесть десятков лет минуло.

Тогда Волины — Валька с матерью и старшей сестрой Алёной только вернулись из эвакуации, из Средней Азии, в родное село, где их и нашел чудом выживший в страшной войне отец. Жутко, аж мороз по коже, но в то же время как-то чересчур по-театральному припадал он на правую ногу и был в свои тридцать стар и страшен. Весь в несмываемом гриме уродливых шрамов, покрывавших рваной сеткой и лицо, и тело.

С жильём была напряжёнка, и семья Волиных летом уютилась в наскоро сооруженном из досок и заборных штакетин сарае, пока в один прекрасный момент отец не явился домой, весело размахивая зажатой в кулак бумагой. Так они обзавелись участком.

И не только они. Слободка возвращенцев росла на глазах. Новоселье готовили всем миром. Строевой лес «достали», вырубив под корень ближайшую рощу. Срубы со стропилами ставили вместе с будущими соседями, отделкой и обустройством, естественно, занимались индивидуально.

К наступлению холодов выросшая на окраине села улица Победы билась в небо из побеленных извёсткой труб густыми сизыми струями. Начиналась новая жизнь, и все искренне верили в светлое будущее.

Василий Волин, Валькин отец, пил много, но практически никогда не пьянел. И зверел редко, это точно. Гораздо чаще отыскивал в закромах очерстевшей души ласковое слово и жене, и детям, осыпая непонятно откуда взявшимися диковинными подарками. На самогонку, что ль, менял, которую варил — все соседи признавали — отменную. Впрочем, откуда появлялись гостинцы — не важно. Важнее, что Валькина мать щеголяла по селу, словно городская барыня. В меховых сапожках на хромовых пряжках, в новенькой расписной шали поверх лисьего полушубка и «боярской» чернобурковой шапке. Алёна ж получила на именины вообще роскошный подарок — чёрный и нестерпимо блестящий трофейный велосипед. Такому чуду завидовали не только девчонки, но и все ребята. Без исключения. В очередь записывались, чтоб сестра, когда устанет, разрешила сделать кружок вокруг Дома культуры. Только там была настоящая дорога, посыпанная мелкой щебёнкой и вполне прилично утрамбованная. И, не дай Бог, машину было испачкать или, хуже того, оставить на ней царяпину. Всё — виновный немедленно исключался из очереди и на повторную поездку рассчитывать уже не мог.

Вот только Вальке достался предмет странный и назначения хоть понятного, но пустого. Однако красивый до такого нестерпимого ужаса, что паренёк целый месяц даже спал с ним в обнимку.

Откуда отец достал в послевоенном Андреевском настоящую медную трубу, — может, правда, в город съездил тайком, — осталось для семейных, да и для всех соседей тайной за семью печатями.

Труба та была совсем не простой и уж вовсе не такой обыкновенной, с какими выходят на парады военные оркестры или халтурят на кладбищах музыканты поплоше. Судя по всему, возрастом она была старше и самого Вальки, и его родителей. Длинная, как черенок от лопаты, и такая ж прямая. Лишь с одного кончика заканчивалась чуть заметным раструбом, а с другого, наоборот, сужалась и становилась плоской. Это, Волин-младший понимал, чтоб губами брать удобнее было. И без съёмного мундштука, как у горна. По всей длине инструмента вилась спадающей спиралью причудливая чеканка со множеством человечков. Валька считать тогда мог только до ста, так их было по сто три раза и ещё несколько. Смешные дяденьки и тётеньки не стояли без дела. Кто дом строил, кто землю пахал, кто рыбу ловил, кто кашу варил. А двое — самые замечательные, с крылышками и с кружочками вокруг голов, с такими же как у Бога и его матери на иконах — на лошадаках скакали и в такие же, как, наверное, Валькин, инструменты дудели. То есть, один дудел, а второй трубу свою просто так в руке держал. Ленился, должно быть. Или отдыхал.

Валька, конечно же, толком играть не умел. Да и просто дудеть научился далеко не сразу. Поначалу паренёк лишь глаза от напряжения выпучивал да щёки раздувал, но труба выдавала только противное шипение или, в лучшем случае, пронзительные высвисты, что тоже слух окружающих не ласкали. Пришлось тренироваться в хлеву — на улице к тому времени стало холодно, снег выпал, а сарай под крышу был дровами забит. Но это разве трудности? Вонь навозная — и что? Для деревенского-то пацана.

Зато когда настоящий звук вышел, все его услышали. Глубокий и протяжный, как паровозный гудок. И такой же громкий. Валька аж сам перепугался.

Стояло раннее утро. Даже не утро раннее, а натуральная ночь — в конце ноября светает поздно. Мать с Алёнкою ещё спали, один отец по избе шарохался. От койки к подполу, где в погребе бочки с огурцами и квашеной капустой. С похмелья мучился, рассол хлебал. Он Вальку-то и разбудил, нечаянно уронив ковш, а посему от души выматерившись. Паренёк ворочался, ворочался, но заснуть более не смог. Тогда и выбрался тихонько из-под одеяла, добрался до двери. Как был в полотняных ночных штанах, сунул босые ноги в валенки, снял с гвоздя телогрейку, с лавки керосинку со спичками прихватил, и вон в сени. Там в телогрейку облачился, фитилёк у лампы запалил, из угла футляр с трубою взял — родители в дом «чёртову дудку» таскать строго-настрога запретили — и в хлев. На «репетицию». Это слово ему в школе учительница сказала, когда он инструментом хвастал. Вместо привычной «тренировки».

Так вот. То ли воздух ночной был чист, то ли ещё что, но, стоило Вальке дыханьем холодную медь отогреть, чтоб губы к ней не примёрзли, да дунуть в трубу хоть и с секретом — это когда губы сжаты плотно-преплотно, — но со всей дури, звук и вышел. Аж стены затряслись, и с крыши вовнутрь хлева солома посыпалась.

Что тут началось! Кто-нибудь видал, чтоб курица зараз по несколько яиц сносила? Нет, конечно. Вот. А у Волиных в то утро все до единой по два, а то и по три выдали. И телёнок слабенький, на которого надежды почти не было, — это даже вчерашний ветеринар, цокая языком и головой качая, говорил, — на ноги вскочил и замычал тут же. Через минуту отец принёсся и, о порог запнувшись, чуть не упал. Начал было на Вальку-озорника ругаться, да на полуслове язык и прикусил. За голову схватился двумя руками. Ушло похмелье. Правую ногу поднял и в воздухе её согнул. Нет хромоты! Пропала неведомо куда вместе с нестерпимой болью разбитого колена, что с середины войны мучила...

Только с трубой эти перемены из Волиных тогда ещё никто не связал. Даже Валька. Мол, мало ли на свете чудес случается?

Прошло лет пять, а то и больше, пока в дом Волиных не зачастил очкарик один, Стёпка, недавний распределенец из городского культпросветучилища и одновременно Алёнкин ухажёр. Снимал он комнату у соседей, ходил при галстукке и работал в Доме культуры библиотекарем. Самогонке и даже вишнёвой наливке предпочитал чай с малиновым вареньем да сушками, разговаривал на русском, но всё ж каком-то не совсем понятном языке. Декламировал на память удивительные стихи не про советских вождей, не про войну и даже не про трудовые подвиги масс, а все больше о любви не к целому народу, а к отдельно взятой женщине, ну и, до кучи, о безысходной тоске-печали, от этой любви то и дело возникающей. Отец на время посещения библиотекаря картинно сплёвывал, брал с полки бутылку и уходил к соседу «играть в шашки», Валька убегал гулять, а мать с сестрой сидели за столом и слушали «штудента» как замороженные, краснея от собственных неприличных мыслей и мечтательно блуждая взглядами по выбеленному хлоркой дощатому потолку.

В один из таких романтических визитов Степан, напившись чая с малиной и до хрипоты начитавшись стихов, отвалился на спинку стула и бросил взгляд в угол, в котором стоял кофр с только что реабилитированной, а потому возвращённой в избу Валькиной трубой.

— А это что у вас? — спросил он. — Уж не музыкальный ли инструмент?

— Он самый и есть, — ответила Алёна. — Труба братова. Только Валя в неё в последнее время почти не дудит. Надоела, наверное.

— Труба? Такая длинная? — поднял брови Стёпа. — А взглянуть на неё можно?

— Чего ж нельзя? Гляди на здоровье, — ответила мать, вытаскивая щипчиками из стеклянной вазочки кусок сахару. — За просмотр денег не берут.

Степан встал из-за стола, прошёл в угол, сел на лавочку, положил футляр на колени и отщёлкнул хитрые щеколдочки. Приподняв крышку, он с минуту молча рассматривал инструмент, не доставая его из пурпурного бархатного чрева, даже не прикасаясь к нему пальцами. Потом вытянул из нагрудного кармана носовой платок, промокнул им выступившие на лбу капельки пота и, спрятав обратно, осторожно сомкнул кофр.

— Делаааа... — только и вымолвил он.

— Что? — в один голос спросили мать с дочерью.

— Да так, — загадочно улыбнулся библиотекарь, снял кофр с колен и, встав, вернул его на прежнее место. — Интересная вещица. Старинная. У моего брата, у Георгия, похожая, кстати, есть. Он в Москве живёт. В оркестре играет.

— В оркестре?! В самой Москве?! — изумилась Алёна. — Вот это да!

Степан вернулся к столу и, налив из самовара в чашку кипятку, потянулся за сушкой.

— Жорик на той неделе ко мне в гости приедет. А трубу свою он всегда с собой возит. Если хотите, устроим небольшой концерт.

Концерт удался на славу. Георгий оказался настоящим виртуозом. Только играл не на своей трубе, что оказалась действительно на Валькину жутко похожей, а на кларнете. Жорик, шустро бегая пальцами по кнопкам, выдувал из хитрого инструмента такие трели, что у Волиных дух захватывало. Даже у отца семейства, который к музыке был совершенно равнодушен. Волин-младший, которому предложили простенькую дудочку, составить дуэт гастролёру наотрез отказался. Постеснявшись собственного непрофессионализма, а вслух «честно» сославшись на большое горло. Никто, впрочем, на Валькином участии в представлении особо и не настаивал.

После концерта устроили небольшой банкет. Ради такого случая мать напекла пирогов, а отец вместо традиционного самогона выставил на стол бутылку магазинной водки.

Прощались за полночь. Расставались добрыми друзьями. Вот только Георгий по ошибке, наверное, взял из угла, где стояли во время пиршества оба футляра с трубами, похожие как две капли воды, Валькин инструмент. А свой, и это вполне естественно, оставил. Не вор ведь, в конце-то концов. Так, обычный растяпа.

Пользуясь случаем, Валька, следующим утром обнаружив подмену, к братьям не спешил. Наоборот, уселся на кровать и принялся рассматривать чеканку чужого инструмента. Похожая. Должно быть, из рук того же мастера. Да вот только людишки здесь совсем не те. И картинки жутковатые. Никто ни кашу не варит, ни рыбу не ловит, ни хлеб не жнёт. Знай, рубят друг дружку длинными мечами, копьями колют, стрелы пускают, избы жгут... Одни лишь всадники крылатые те же самые. Вот только левый теперь дудит вместо правого, как на своей трубе было. Правый же свой инструмент к груди прижимает, словно выронить боится.

Паренёк поднёс инструмент к губам и, сжав их плотно, дунул. Звук вылетел густой, низкий, но отчего-то пронзительно тревожный. И Вальке стало так грустно, что захотелось вдруг идти на речку, привязать к шее камень и утопиться. Ужас! Никогда даже похожих мыслей в его голове не возникало.

А минут через пять в избу Алёна вошла. И с порога возмущённо затараторила:

— Представляешь, яйца из-под кур брала, одно кокнула случайно, а оно тухлое! Другое на пробу разбила — и оно. И третье такое же. И другие. Вонючка! Потравил нашу птицу кто, что ли?

Валька, ни слова не говоря, бросил трубу в футляр, застегнул его на щеколды, схватил подмышку и как был босиком, бросился из дому прочь. Промелькнувшая было мысль пока чётко не оформилась, но парнишка откуда-то знал — трубами надо с гастролёром обменяться обратно. Во что бы то ни стало.

Да только музыканта, соседка сказала, у которой библиотекарь квартировал, нет. Уехали спозаранку на попутной. А как же, и сам Стёпка с ним укатил. Из клуба, вертопрах этакий, ещё намерен уволился, бросил библиотеку без хозяина. И адреса никому не оставил.

В общем, исчезли братья из Андреевского.

А не прошло месяца, стёрло с лица земли и семью Волиных.

Сначала отца в драке прирезали заезжие шабашники. Потом, похоронив любимого супруга, слегла с сердечным расстройством мать. Да так и кончилась за тройку дней. А ещё через неделю Алёна ушла в лес по грибы. Ушла и не вернулась. То ли в чащобе заплутала и на медведя нарвалась, то ль в болоте утопла, то ли подорвалась на оставшейся с войны mine — тогда этого добра ещё много было. В общем, до зимы искали. И останков не нашли.

Да и сам Валька чудом не погиб. Сбил-переломал паренёка неизвестно откуда вылетевший на пустую дорогу шальной грузовик.

Несколько месяцев провалялся паренёк на койке в гипсе и под капельницами, но выкарабкался. Даже старенький врач из областной больнички, который всю войну прошел и всякого навидался, сказал тогда счастливицу:

— Должно быть ты, парень, в добротной рубахе родился, коль саму смерть сумел обмануть. Любит тебя Господь...

Волину ж с тех пор снились те самые трубы медные. И своя, добрая и светлая, приезжим чёртом намеренно уворованная — в этом Валентин более не сомневался. И чужая, замотанная вместе с футляром в холстину и закинутая от греха на чердак. А как же — выкинь, найдёт кто, и будет ему горе. И уничтожить нельзя — а ну, как и у этого инструмента есть своё назначение? Сломать-то — ума много не надобно...

* * *

Зять, доставив стариков, переоделся и вновь умчался. «Дел неупорот». Валентина Васильевна приготовила роскошный обед, и, когда все поели, ушла с Катей в ее комнату. Волин остался в гостиной перед телевизором и, усадив Варю на колени, одним ухом слушал ее сбивчивые рассказы о множестве ничего не значащих для взрослого человека событиях, другим же старался уловить комментарии свежих новостей с экрана. Наконец информационный выпуск закончился, и Валентин Васильевич, опустив внучку на пол, предложил:

— Не хочешь, Варюша, прогуляться по округе? А? Покажешь мне тут всё.

— Пошли! — весело крикнула внучка. — А ты меня кораблики резать научишь?

— Не вопрос, внучка. Научу, — улыбнувшись, кивнул дед. Он достал из кармана пиджака старенький складной нож с коричневыми пластмассовыми накладками на рукояти и в подтверждение своего слова протянул его Варю. — Только осторожней, детка. Очень острый, не порежесь.

— Ух, ты! — обрадовалась девочка. — Настоящий ножик! А папа мне не дает, говорит — не женское это дело.

— Прав папа, не женское, — весело хмыкнул Волин и первым вышел в холл.

Кофр так и стоял в уголке меж стульев. Сердце бешено забило: он! Но откуда? Как он сюда попал? Валентин Васильевич не мог спутать этот футляр ни с каким другим не только по габаритам и хитрым щеколдочкам, каких больше ни разу не видал. Нет, диагональный «андреевский» крест, с остервенением вычерченный гвоздём, когда пропала Алёна, это «клеймо зла» поставленное собственноручно, не узнать он не мог. Даже спустя столько лет.

— Можно я инструмент посмотрю? — попросил он внучку, уже натягивающую на ноги резиновые сапожки.

— Мамину трубу что ли? — уточнила Варя. — Смотри, конечно. Только мама на ней всего один раз играла. И то, когда нас никого дома не было. Сказала — не получилось.

— И хорошо, что не получилось, — полушёпотом произнёс Валентин Васильевич и одобрительно кивнул. Потом, закусив губу, пристально посмотрел внучке в глаза и медленно опустил протянутую было к застежке кофра руку. — Ладно, потом посмотрим, — прокомментировал он свое действие, быстро обулся в стоптанные ботинки, надел куртку и, увенчав лысину армейской кепкой, взял Варю за руку. — Веди меня, деточка, на экскурсию.

— И кораблики делать!

— А как же?! И кораблики, — улыбнулся Волин.

Октябрь радовал. Солнце, склонившееся к закату, все еще грело почти по-летнему и расцветивало до сих пор зеленые деревья роскошного парка сказочными оттенками мифической Медной горы. Валентин Васильевич с Варей по выложенной плиткой дорожке дотопали до облагороженного пруда, отыскали свободную скамейку и, усевшись, принялись за дело.

Найденный по пути довольно длинный и толстый обломок сосновой коры Волин, вооружившись ножом, двумя мастерскими движениями разделил на пару частей, одну из которых протянул внучке.

— Этот кусок убери в карман, а из этого, — дед повертел свою половинку в пальцах перед Вариными глазами, — сейчас соорудим баркас.

— Деда, можно я?! — весело попросила внучка.

— Конечно, — кивнул Валентин Васильевич. — Только посмотри сперва, как нож держать, какие движения делать. Вот так, видишь? От себя. Сначала эту сторону, потом другую... Нос у лодочки должен быть острым, да?

— Деда, ну дай! — Варя вскочила со скамейки и запрыгала от нетерпения. — Теперь я сама! Сама!

Волин отдал внучке кору и ножик, сам же, поглядывая краем глаза на ее действия, достал из внутреннего кармана куртки плоскую походную фляжку и, отвинтив крышку, сделал небольшой глоток. Потом еще один. И еще.

* * *

Выписали Вальку аккурат перед самым новым годом. Хотели в детдом отдать, да только парню, пока лежал, пятнадцать стукнуло. Сказал, что в совхоз работать пойдёт. А что — семилетка за плечами есть, имеет право. В больнице повздыхали только, но куда деваться? Имеет. Вошли в положение. Отдали списанные телогрейку, ватные штаны, шапку и валенки, в перелатанную котомку еды сложили аж на неделю — тушёнку, крупу, сахар. Главврач напоследок деньги вручил, завёрнутые в газету, — собрали, мол, со всех, кто к чужой беде равнодушен.

Вот так он, добравшись до села на перекладных, и брел печальный по оживленным андреевским улицам. Шёл медленно к своему дому, холодному и пустому. Изредка встречавшиеся знакомые пацаны радостно хлопали его по плечам, поздравляли с возвращением, о чем-то спрашивали, он тупо, на автомате отвечал, не выпуская из головы главного: надо найти проклятого вора. Найти, отнять инструмент, а самого убить. Не достойны пощады такие сволочи.

Но шли недели, месяцы и годы. Боль тупела и пряталась в душе всё глубже и глубже.

В восемнадцать призвали в армию. Отправили на Урал. Там, отслужив срочную, остался в школе прапорщиков. Попутно, в свободное время, в клубном музыкальном кружке тубу осваивал. Там и встретил прекрасную девушку, из плясуний, полную свою тёзку — Валентину Васильевну. Поженились, комнату в семейном общежитии получили. А ещё через год уехали к Волину на родину. Уж больно сильно Валентин по своей земле, по дому тосковал. Все пороги и в своём штабе, и в гарнизонном обил, пока разрешение на перевод получил. В Гремучий Дол, что в семи верстах от Андреевского. Там как раз в то время мотострелковый полк стоял.

Повезло, ничего не скажешь.

Так и прослужил двадцать лет ротным старшиной. А в отставку вышел, устроился в андреевский Дом культуры. Сперва завхозом и руководителем духового оркестра, а когда старый директор помер, так в его кресло уселся. А что? Хорошая должность, ответственная.

Всё б было замечательно, да вот только Валентина долго забеременеть не могла. Ладно б бесплодной её признали, так нет же, всё в порядке. И Валентин здоров как бык. Ну, натурально извелись. Больницы, санатории с лечебными водами, бабки-знахарки — везде побывали, все средства перепробовали. Но видимо, каждому свой срок. Леночка долгожданная на свет Божий явилась, когда Волиным уж за сорок перевалило. Валентин, жену с дочкой из роддома забрав, тотчас и со службы ушел. Чтоб к семье поближе быть. А ну, какая помощь срочно понадобится. В своём доме жить — не в городской квартире, забот выше крыши. Тут тебе ни воды из крана, ни радиаторов, тепло источающих, под окнами. Но разве ж счастье в кранах с радиаторами?!

Ленка росла девкой шустрой. С подружками не водилась, всё с ребятами. И на рыбалку бегала, и штабы на деревьях строила, и на велосипеде, от пропавшей без вести тётки оставшемся, гоняла. Вечно вся в синяках и ссадинах, грязная и оборванная с прогулки возвращалась. То подерётся с кем, то с дерева загремит. Один раз даже руку сломала, показывая пацанам, как ловко она сальто крутит, с сарая в сугроб прыгая.

Валентина только головой неодобрительно качала, да руки в стороны разводила, когда в школу за очередное разбитое стекло вызывали. Мол, а я что могу поделывать? И в угол ставим, и беседы ведём. Отец, бывает, и вожжами к мягкому месту прикладывается. Да только без толку. Волина. Фамилии исстари не просто так давали. Должно быть, предки разбоем жили. А кровь никаким воспитанием не переменишь. Вот и терпим. Ждём. Повзрослеет, авось успокоится.

Директор возражал. Правда, не слишком настойчиво. Волиных знал прекрасно. И покойного деда Ленкиного помнил, дядьку Василия, балагура и пьяницу, мужика бесстрашного и отчаянного.

Ленка ж тем временем новое увлечение нашла. Повандилась на чердак, где хламу всякого за годы накопилось — целые горы. То таз расплющенный откопает, «богатырский» щит из него сделает, то керосинку — чуть избу тогда не спалила.

Вот тут-то и вспомнилась Валентину Васильевичу заветная вещица, в холстину завёрнутая, да как раз на чердаке и припрятанная. Взял он её однажды утром, пока жена с дочерью спали, да увёз на автобусе в город. В краеведческий музей хотел сдать. Даже объяснение придумал: «семейная реликвия». Да только до музея труба не добралась. В питейном заведении, куда Волин заглянул, сойдя с автобуса, чтоб выпить стаканчик винца, её и спёрли. Прислонил к стеночке возле столика, пока со встретившимся бывшим сослуживцем новостями делился, отвлёкся мыслями. А когда об инструменте вспомнил, его уж нет. И, вот удивительно, никто и не видел, как стащили. Даже буфетчица, чей острый глаз оброненный гривенник возле входной двери не пропустит.

Махнул тогда рукой Волин на пропажу, милицию звать не стал. Всё, что ни происходит, как известно, к лучшему. Бог дал — Бог взял. Главное, Ленке инструмента не видать как своих ушей. Беды не будет...

А оно вон как обернулось. Нашлась-таки проклятая труба. Но где?

И звука-то ещё извлечь у матери не вышло, Варя говорит, а давно забытая болезнь уж тут как тут.

Поверишь с такими совпадениями в семейное проклятье.

Нда...

* * *

Солнце скрылось за откуда ни возьмись набежавшими тучами. Некое подобие лодочки, вырезанное Варей, то тут, то там мелькало перед лицами расходящихся по домам гуляющих с неизменным: «Смотрите! Это я сама сделала!» Люди, кто лениво улыбался, кто отмахивался, проходили мимо без слов, и Волину чудилось, что они с внучкой попали совсем в другой мир, где больны абсолютно все. И никто не умеет говорить. Чёрная ж тоска, выпустившая свои острые когти, цеплялась за сердце всё сильнее, разрывая его, вытаскивала наружу воспоминания, а вместе с ними, что гораздо страшнее, отчаянье. И жуткую тревогу. За дочь. За внучек. За семью.

В холл из столовой, заслышав шаги вернувшихся с прогулки деда с Варей, вышла старшая внучка. Волин, искоса глянув в угол, как бы проверяя, на месте ли кофр, спросил:

— Катюш, а к маме в больницу когда пускают?

— К четырём пойдём, дед, — вместо внучки ответила Валентина Васильевна, показавшаяся следом. — Миша сказал, что ей ничего не надо, но мы, думаю, яблочек возьмём. Там железо. Для крови полезно. А отвары с настойками пока погодим, надо с врачом потолковать.

— Как скажешь, — пожал плечами Волин. — Девочки с нами пойдут?

— Я пойду, я пойду, я пойду! — заскакала вокруг него жизнерадостная Варя.

— А у меня репетиция, — опустив глаза, негромко сказала Катя. — К четырём в школу надо. А к маме уж завтра, ладно? Поцелуйте её от меня.

— Поцелуем, деточка, поцелуем, — бабушка обняла старшую внучку за плечи. — Иди, не беспокойся. Только скажи, на каком автобусе нам лучше до больницы добраться?

— Тут только десятый ходит. До рынка на нём доедете, а там на шестнадцатый троллейбус пересядете. Или на маршрутку. Их к больнице много едет. Но легче такси вызвать. Так быстрее получится. Минут двадцать — и вы на месте.

— Нам, Катюш, торопиться некуда, — улыбнулась бабка. — Больше часа в запасе. Варенька, ты переодеться будешь?

— Не, бабуль, только ботинки надену. А то ногам жарко, — Варя залезла на стул и с кряхтением принялась стягивать резиновые сапожки, в которых гуляла. — Деда, помоги, а? Припотели, не снимаются. Бабуль, а ты пока сухие носки принеси. Они в моей комнате, в подкроватном ящике.

— Раскомандовалась! — возмутилась Катя. — Ба, не надо. Я принесу...

Лену было не узнать. Чересчур худая, аж щёки ввалились, бледная, с огромными синяками под глазами, она даже не встала, когда вошли родители с дочерью. Попыталась улыбнуться, но и это несложное действие, было видно, далось ей с трудом. «В среднем по району», — вспомнил Волин слова зятя. Нет, Миша, это не в среднем. Хуже, много хуже.

Пока Валентина Васильевна искала доктора, пока с ним беседовала, Варя вскарабкалась на подоконник, и, сидя на нём, глядела сквозь стекло вниз, на дорогу, по которой туда-сюда сновали автомобили, обдавая обочины и зазевавшихся пешеходов грязной водой из глубоких луж.

Волин расстроился ещё сильнее. Откинув простынь, он присел с краешку и достал из сумки яблоко.

— Погрызёшь, дочка? Или, мож, на дольки порезать?

— Порежь, пап, — полушёпотом отозвалась Лена. — Если не трудно. Нож в тумбочке.

— Трудно? — хмыкнул Волин. — Ерунду не говори. Ты мне лучше вот на какой вопрос ответь... пока матери нет. Ты трубу где взяла?

— Какую трубу? — не поняла Лена.

Она даже брови нахмурила, пытаясь понять, о чём речь.

— А такую, — пояснил Волин, разрезая яблоко на осьмушки и выкладывая их на блюде, — что у вас в прихожей стоит. В чёрном футляре. Вспомнила?

— А, эту... — одними глазами улыбнулась дочь. — Да на толкучке у пройдохи какого-то купила. Недорого. За три тысячи всего. Похожа на старинную, но, наверное, подделка. Была б древней, он бы её антикварам отнёс, правда?

— Наверное, — пожал плечами Волин. Подробности он решил опустить. Во всяком случае, пока. — Ты на ней играла?

— Смеёшься? — ответила Лена. — Я не умею. Так, попробовала дунуть. Не получилось. Шипит, как гадюка... Слушай, а ты ж в своём Доме культуры в оркестре играл. Как раз на трубе. Так что...

Лена, схватившись за ручки, приваренные к бокам кровати, попыталась сесть. Не смогла.

— Пап, не поможешь?

Валентин Васильевич вскочил на ноги и, кляня себя в душе за недогадливость, усадил дочь, подложив ей под спину подушки.

— Так что, трубу можешь забрать, — закончила Лена фразу, которую минуту назад оборвала. — Она мне не нужна. Хотела в музей отнести, на экспертизу, да теперь думаю, не судьба.

— Ты это, — нахмурился Волин, — судьбу-то раньше времени не призывай. Ишь, надумала. Дочки у тебя. Катюша... Варенька — вылитая ты в детстве. И мы ещё с матерью живы. Нас-то кто хоронить будет? Не вижу свою Ленку. Где она?!

— Деда! Да что ты какой глупый?! — Варя спрыгнула с подоконника, подбежала к матери, взяла её за руку и протянула Волину. — Слепой, да? Вот твоя Ленка. Не узнал?

Дед не выдержал, засмеялся. И Лена наконец-то улыбнулась, обнажив пожелтевшие зубы.

— Что ж, — сказала она значительно громче, — придётся выздоравливать. Вот только, пап...

— Да, дочка? — обратился во слух Валентин Васильевич.

— На операцию я не соглашусь. Не знаю отчего, но только чувствую, что без толку это, — полушёпотом отозвалась Лена. — Вы уж меня с мамой простите, хорошо?

— И правильно, что не согласишься. Я тоже знаю, что без толку, — Волин, ободряюще кивнув, сжал руку дочери. — Ты ж моя дочь, не чья-нибудь. Вот без ножа тебя и выхожу. На ноги поставлю. Обещаю. А пока яблочки ешь. Семеринка твоя любимая. Наша, андреевская...

Троллейбус, шурша штангами о провода, нёсся по проспекту. Варя с бабушкой о чём-то разговаривали, сидя на переднем диванчике. Волин же, увидев афишу, приклеенную к стеклу скотчем, словно перешёл в иное измерение. С помятого листка пристально и как-то насмешливо, что ли, на него смотрел длинноволосый седой старик. В роскошном чёрном фраке и при галстук-бабочке.

Нет, не узнать этих глаз, пусть прошло столько лет, Валентин Васильевич не мог. Жорик! Брат Алёнкиного библиотекаря, тот самый гад, что стащил из их дома трубу, оставив взамен свою. Ошибиться невозможно. Хоть надпись и гласила, что на афише руководитель всемирно известного джазового оркестра из Америки Джордж Навин, Волин даже ни на секунду не сомневался. Он! И единственный концерт в городе как раз сегодня — восьмого октября. В двадцать — ноль-ноль.

Придя в себя, Валентин Васильевич тронул за плечо супругу.

— Валя, у тебя книжка записная с ручкой есть?

— Зачем ещё? — повернулась к нему Валентина Васильевна.

— Надо, — сухо ответил Волин. — Есть?

Супруга, открыв сумку и некоторое время покопавшись в ней, вытащила, наконец, замызганный блокнотик с вложенным в него огрызком карандаша.

— Пойдёт? — спросила она, протягивая их мужу.

— Пойдёт, — кивнул тот.

Валентин Васильевич переписал телефон справочной концертного зала на чистый листок, вырвал его из блокнота, свернул пополам и сунул в карман.

— Концертный комплекс «Центральный», администратор, — донеслось по проводам после третьего гудка.

— Здравствуйте, — Волин закрылся в кухне, чтоб супруга с внучками не могли ему помешать. — Скажите, а можно у вас отложить билетик на сегодняшний концерт американского оркестра?

— Да вы с ума сошли! — раздалось из трубки. — Все билеты были проданы месяц назад. В течение двух часов как поступили в кассы.

— Дочка, милая, не бросай трубку, — затараторил Валентин Васильевич.

— Что-то ещё?

— Скажи, пожалуйста, а как я могу повидаться с этим вашим Жоржем? Очень надо, мы с ним старые знакомые. Уж больно давно не виделись, а?

— Можете продиктовать мне своё имя и номер телефона. Если господин Навин заинтересуется, вам перезвонят. Ну что, оставите данные?

— Да, да, конечно, — лоб старика от волнения покрылся испариной. — Волин я, Валентин. Из Андреевского. Жорж у нас дома был, на трубе играл...

— Гражданин... кха... Не морочьте мне голову... кха-кха, — презрительно прокашлялась трубка.

— Не морочу, не морочу я! — голос Волина сорвался. — Просто скажите — Валентин из Андреевского. У меня один предмет есть. Его предмет, милая... Мне б только отдать, а?

— Диктуйте номер...

«Пустое. Не позвонит. Кому такой подарок нужен? Зря, что ль, он его тогда оставил?»

Волин мерил шагами кухню уже добрых полчаса. До концерта оставалось всего ничего. «Может, поехать? На такси успею. Авось, с лишним билетом кто придёт? Пожалуй, так и сделаю».

Валентин Васильевич схватился за дверную ручку, и в этот самый момент сотовый, оставшийся на столе, запиликал. Волин вернулся. Номер звонящего не определился. Не брать?

— Алло.

— Господин Волин? — из трубки раздался мужской голос. Низкий, уверенный, с еле заметным акцентом.

— Да, я, — кивнул Валентин Васильевич. — Это... это Жорж?

— Нет, с вами говорит Ник Славин, его секретарь. Мистер Навин передал, что будет вас ждать в двадцать три часа. Вам удобно встречаться в такое время, господин Волин?

— Удобно, — негромко ответил Валентин Васильевич.

— Тогда запишите или запомните. Отель «Гранатовый», номер девятьсот одиннадцатый. Двадцать три ноль-ноль. Я буду вас ждать на ресепшн. Паспорт с собой возьмите... И... предмет, о котором вы упомянули администратору.

— Возьму.

— Тогда, до встречи, — пробасила трубка.

— До встречи, — проговорил Волин, хоть секретарь его уже не слушал. Трубка отключилась.

Худой патлатый старик даже не попытался приподняться из глубокого кресла, когда вошёл Волин в сопровождении секретаря. Так и сидел, облачённый в белый махровый халат поверх сорочки и брюк, держа в руке бокал, наполненный на два пальца искрящейся янтарной жидкостью. На стеклянном столике стояло несколько бутылок с напитками, чистый бокал и тарелка с порезанными фруктами.

— Спасибо, Ник. Можете до завтра быть свободны.

Сопровождающий ретировался, мягко прикрыв за собой дверь.

— Здравствуйте, Валентин. Проходите, присаживайтесь. Наливайте себе сами. Простите, я жутко вымотался. Возраст... Каждый концерт даётся с большим трудом.

— Здравствуйте, Жо... Георгий. Ничего, если я буду так вас называть? — ответил Волин, и, подумав, стоит ли снимать ботинки, прежде чем ступит на ковёр, решил не разуваться.

Подошёл к хозяину. Молча протянул ему захваченный с собой кофр.

— Та самая? — Навин поставил бокал на столик и, взяв фулляр, положил его на колени. Отщёлкнув щеколдочки, он осторожно поднял крышку. — Да. Та самая. Вернулась. А я уж почти отчаялся. Думал, не увижу.

Георгий дрожащими руками достал трубу из кофра, поднёс поближе к лицу, подышал на медь и потёр пальцами чеканку. Волин уселся в кресло, налил себе полный бокал водки. Выпил. Закусил долькой яблока.

— Все умерли, — произнёс он, помолчав. — Ещё тогда, в пятьдесят первом. Я чудом жив остался.

Навин, не отрывая взгляда от инструмента, кивнул.

— Око за око, — тихо произнёс он.

— Не понял? — Волин в гневе сжал подлокотники так, что побелели костяшки пальцев.

Георгий, наконец, повернул лицо к Валентину и прищурился.

— В сорок пятом ваш отец отнял ту, другую, у старого еврея-точильщика. Не понравилось ему, видите ли, как тот заточил нож. Вот этим самым ножом и ударил старика в живот, когда тот цеплялся за инструмент, не хотел его отдавать... То, что был пьян — не оправдание... Вот Божья кара его и настигла. Всё просто.

— Просто? — Волин поднялся на ноги.

Он хотел было ударить старого врага кулаком в лицо, но сдержался. Снова налил водки.

— Всё просто? — повторил он. — Ладно, отец. За него не в обиде. Получил по заслугам, если только вы не врётё. Мать-то за что? Сестру? И что за вам, Георгий, дело до какого-то старого еврея? Вы что, внук ему? Сын?

— Сын, — кивнул Навин и печально улыбнулся.

Он вернул трубу в кофр, который застегнул и положил на пол. Сам, взявшись за подлокотники, тяжело поднялся из кресла и, шаркая шлёпанцами, подошёл к окну.

Город угасал в ночи, выключая светящиеся окна. Лишь цепочки уличных фонарей вились вдоль дорог к окраинам, исчезая на горизонте в океане тьмы.

— Я, Валентин, пусть в это и непросто поверить, из древнего рода хранителей Иерихонских труб. Они были оставлены ангелами небесными нашему предку, Иехошуа Бин-Нуну. Иисусу Навину, по-вашему. Слышали про такого?

— Кажись, слышал что-то, — пожал плечами Волин. — Как вы сказали? Иерихонские трубы? Это те, что разрушили крепость? Позвольте, но чтоб уронить стену, двух труб не хватит. Уж поверьте на слово, маленько мерекаю.

Валентин Васильевич постучал себя кулаком по лбу, улыбнулся и, отставив наполненный водкой бокал, подошёл к Георгию и тоже глянул в окно.

— То лишь легенда, Валентин, — задумчиво произнёс Георгий. — Лишь легенда. С давних времён кладоискатели и охотники за чудом ищут древние шофары, трубы, изготовленные из козлиных рогов, думая, что это от их силы пали стены неприступного города... Глупость, не правда ли? Сколько ж надо было изготовить тех шофаров, чтоб при гудении они создали резонанс, способный разрушить каменную кладку в несколько метров толщиной? Порой людей намеренно вводят в заблуждение, вам не кажется? Только представьте себе на минуточку, что было б, попади настоящие Иерихонские трубы в руки завоевателей. Тимура, Наполеона, Гитлера... Представили?

Волин на минуту задумался. Потом кивнул.

— Пожалуй, вы правы, — ответил он. — Но вы уверены, что трубы оставили вашему предку именно ангелы? И ещё вопрос: почему одна убивает, а друга даёт жизнь?

— Насчёт ангелов — стопроцентной уверенности, естественно, нет, — покачал головой Навин. — Но! Эта, что вы принесли, действительно убивает... Почти всегда. Но... Та, которую вы почитали за свою, наоборот, дарит жизнь. Видимо, ангелы, если всё ж в них поверить, вострубили под стенами Иерихона вместе. Ангел смерти — на город, ангел жизни — на войско Бин-Нуна, чтоб то не пало за смертью, осталось в строю... Правда... Правда, меня долго смущала чеканка на трубах.

— А что с ней не так? — Волин оперся руками на подоконник и заинтересованно посмотрел в глаза Георгию.

— Понимаете, Валентин, если верить Ветхому завету, трубам не одна тысяча лет. Рисунок же явно средневековый. Но... — Навин умолк.

— Что? — в нетерпении подбодрил его Волин.

— Но со временем я понял, что чеканку на инструменты могли нанести и позже. Видно, со временем хранители начали путаться, которая из труб имеет какое предназначение. Они ж без чеканки совершенно одинаковые. Не находите?

— Вроде как, — согласился Волин...

Старики ещё долго стояли возле окна. Потом вернулись в кресла. Делились воспоминаниями.

Валентин рассказывал историю своей семьи, Георгий — о своих приключениях. О том, как после смерти Сталина решили с братом уехать за рубеж, в молодое государство Израиль, где

Степан, бывший андреевский библиотекарь, живёт по сей день. Женится, вырастил сына, теперь воспитывает внуков. О том, что его, Георгия, когда он в конце пятидесятых был с оркестром на гастролях в Америке, уломали остаться там, обеспечив и студией, и концертной площадкой, и контрактом на гастроли. С графиком, расписанным на годы вперёд. О трубе жизни, которая с того памятного вечера в Андреевском, ни разу больше не звучала.

Они говорили, забыв о возрасте и о позднем времени, испытывая друг к дружке, казалось бы, искреннее расположение. Всё, что было в прошлом, в прошлом и осталось. Единственное, о чём хотел попросить Волин, но никак не решался, не давало ему до конца расслабиться. Георгием, впрочем, внутренняя напряжённость собеседника не осталась незамеченной.

— Послушайте, Валентин, если вы стесняетесь что-то спросить или попросить о чём-то, не надо. Говорите. Уверю вас, если я смогу оказаться полезным, то непременно воспользуюсь таким шансом. Ну? Смелее!

— Понимаете, Георгий, — начал было Волин, но в это самое время в кармане его запиликал телефон. — Простите, ради Бога.

Валентин Васильевич достал из кармана трубку и посмотрел на экран. Супруга. В такое время? Вот, дура-баба! Велено ж ей — не беспокоить! Волин в раздражении нажал клавишу ответа и поднёс аппарат к уху:

— Что ещё?! Сказал же... — И вдруг повисла тяжёлая пауза.

Георгий видел, как менялось лицо старика. Прямо на глазах Волин постарел лет на десять, побледнел, нижняя челюсть его задёргалась, а из глаза выкатилась крупная слеза.

— Да, сейчас буду, — полушёпотом произнёс он и отключил вызов.

— Что-то случилось? — Навин в тревоге поднялся из кресла и рефлекторно потянулся к вороту — отчего-то стало трудно дышать.

— Случилось, — опустив голову, тихо произнёс Волин. — Дочь умерла. Лена. Только что. Из больницы жене позвонили, она не может внучек бросить. Зятя нет дома... Простите, Георгий. Но теперь мне больше от вас ничего не надо. Поздно... Пойду я...

Навин, развязав узел на поясе, скинул халат. Пройдя к плательному шкафу, достал из него пальто, накинул на плечи, вернулся к столику, поднял кофр и как был в тапочках, устремился к двери.

— Пойдёмте же, Валентин, — позвал он Волина. — Ну? Чёрт бы вас побрал! Очнитесь!

— Да? — Валентин Васильевич, выйдя из забытья, уставился на Георгия. — Вы что-то сказали?

— Быстрее, — Навин ухватил Волина свободной рукой под локоть и потащил к выходу из номера. — Времени почти нет. Но остался один шанс. Может, из тысячи. Давайте скорее! Расскажу по пути...

Такси неслось по опустевшему городу в сторону больницы. На заднем сиденье Навин очень тихо, наверное, чтоб не услышал водитель, растолковывал Волину:

— ...правда ли это, не знаю. Штудировать записи времени нет, придётся пробовать самому. Но только вот о чём я вас попрошу, Валентин...

— Исполню всенепременно, — отвечал Волин.

— Я далеко не молод и, честно говоря, страшно устал жить. Если со мною что-то случится, перешлите трубу Степану. Адрес возьмёте у моего секретаря. Договорились?

— Но... что может с вами случиться?

Вместо ответа Георгий повернул к Валентину лицо, подмигнул и улыбнулся.

— А всё-таки жаль, что та труба осталась у Стёпки. Очень жаль...

Медсестру выставили за дверь и строго-настрого велели ей не входить и никого в палату не впускать. Пока Навин расчехлял инструмент, готовился, Валентин Васильевич откинул с краешка кровати простынь и присел, взяв Лену за руку. Холодная... Ух, какая холодная. Неживая...

«Ленка, Ленка, ну как же ты могла, а?»

— Помни, что ты обещал, — раздалось откуда-то сверху.

Волин непонимающе поднял голову и упёрся взглядом в глаза Навина.

— Инструмент должен вернуться к Степану. В любом случае.

Валентин Васильевич кивнул.

— Что ж, тогда начали, — Георгий уселся на стул и, оперев раструб в пол, взял мундштук в губы.

Волин закрыл глаза. Ему было страшно. А вдруг?.. Вдруг не поможет?

Гул, от которого дрогнули стены и завибрировали стёкла, пошёл разом со всех сторон. Такой оглушительный, объёмный, густой. И такой пронизывающий до самых костей беспросветной безнадёгой, что Волину показалось, будто сама душа его сейчас отделится от тела и унесётся в неведомые никому дали. Валентин Васильевич сидел на кровати, держал холодную руку мёртвой дочери и боялся не то что пошевелиться, вздохнуть поглубже. Трубный же рёв, тоскливый и монотонный, рисовал в сознании его картины одна страшнее другой...

Войско, застывшее в ужасе у высоких стен города... Птицы, падающие с небес и разбивающиеся в брызги об острые камни... Тонкие ручейки крови, сочащиеся сквозь швы в кладке стен, стекающие вниз и сходящиеся в широкую бурлящую реку... Всадники с трубами... Чёрный на белом коне и белый на чёрном. Крылатые, со сверкающими нимбами... Гул, от которого, кажется, порвутся барабанные перепонки и рухнут кровоточащие станы... И вдруг тишина... Полная тишина... Такая, что звон в ушах... И тепло... Тепло в руках... Нет, только в правой...

— Папа?

Волин услышал голос дочери. Он что, умер? Да, умер. Хорошо. Теперь они всегда будут вместе...

— Эй, пап! Ты чего, спишь?

Валентин Васильевич почувствовал, что кто-то дёрнул его за руку, вырвался. Он, мало что понимая, открыл глаза. Дочь, живая, сидела, подложив под спину подушку и с аппетитом хрустела яблоком.

— Ленка? — выдохнул Волин, наконец, вернувшись в настоящее. — Ленка моя... Леночка... Получилось, значит... Слышь, Георгий?

Но вместо Навина ответила дочь.

— Пап, а это кто? В пальто и в тапках? Он что, тоже спит? Ну, вы, мужики, даёте! Устроили мёртвый час.

Волин поднялся на ноги и подошёл к Георгию. Тот продолжал сидеть на стуле, только теперь откинулся на спинку и, свесив голову на плечо, закрыл глаза. Труба валялась на полу.

— Паап, ну кто это, а? — повторила вопрос Лена. — И почему он спит в моей палате?

Валентин Васильевич опустил перед Георгием на колени и взял его ещё тёплые руки в свои ладони.

— Это Георгий, дочка, — прошептал Волин. — Георгий... И он не спит. Он умер...

Девушка из-за стойки протянула Валентину Васильевичу квитанцию и листок с данными, которые написал секретарь.

— Не волнуйтесь, вы всё правильно заполнили. Я проверила.

— Спасибо, родная, — кивнул служащей Волин.

— Точно, страховать посылочку не будете? — спросила на всякий случай почтальонша.

— Незачем. Поверьте на слово, она и так дойдёт, — загадочно улыбнулся старик. И ни к селу, ни к городу добавил: — Рано или поздно.

Он отошёл от барьера, но вдруг пошатнулся и схватился за сердце. От глаз служащей это не ускользнуло:

— Вам плохо? Может, скорую вызвать?

Волин обернулся.

— Нет, нормально всё. Возраст, — ответил он. — Сейчас посижу малёха, да двину восвоюси. Ты мне, дочка, водички не дашь? Таблеточку запить.

В подтверждение своих слов Валентин Васильевич сделал пару шагов до шеренги стульев, уселся на один из них и достал из кармана пиджака початый блистер.

— Да, конечно! Подождите минуточку, — кивнула девушка и скрылась за дверью служебного помещения.

А когда вернулась с пластиковым стаканчиком в руке, вода Волину была уже не нужна. Старик сидел и, не мигая, смотрел в потолок, синюшно сверкающий лампами дневного света. На губах застыла улыбка абсолютно счастливого человека...

Любопытство пересилило порядочность. Лена открыла записную книжку. Та, видимо, выпала из кармана Георгия, когда санитары перекладывали тело со стула на носилки.

Нет, ничего интересного. Имена, адреса, телефоны. На разных языках. И это закономерно, понятно. Известный музыкант. Катался по всему миру. Везде друзья и знакомые.

Женщина собралась положить книжицу на тумбочку, когда та выскользнула у неё из рук и шлёпнулась на пол. При этом откуда-то из межстраничного пространства выскочила сложенная пополам бумажка. Она вспорхнула пёстрой бабочкой и мягко спланировала на подоконник.

Лена вскочила с кровати и, словно девчонка, в два прыжка достигла окна. Взяв обрывок в руки, она увидела непонятные символы на совершенно незнакомом языке. Повернула листочек обратной стороной, и брови поползли вверх. Ровным красивым почерком, явно мужским, без изысков, был аккуратно выведен, должно быть, перевод:

«Даже в смерти самой всегда найдётся капля жизни, как в жизни заложено смерти неминуемой начало».

— Чушь какая, — с лёгким пренебрежением в никуда проговорила Лена и, скомкав бумажку, бросила её в открытую форточку.